

Индекс **П8643**

3
2020

РОССИЯ XXI 2020 3

РОССИЯ XXI

3.2020 май-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Коронавирус COVID-19: или объективность победит миф или миф победит Россию _____ **6**

Страницы истории

Олеся Плех

«В приятнейшей надежде иметь счастье встретить обожаемого всеми монарха», или о том, как в провинции готовились к приезду Николая I _____ **20**

Галина Ульянова

Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века __ **50**

Национальная доктрина

Сергей Орешин

Генерал А.И.Деникин и Горская Республика: несостоявшийся компромисс _____ **84**

Россия в мире

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

Русско-европейские отношения
как предтеча Северной Войны.
Часть III: Россия и Швеция _____ **102**

Михаил Ковалев

«За укрепление мира и дружбы»:
архивные материалы
о международной деятельности
академика А.М.Румянцева _____ **116**

Актуальный архив

Нина Хайлова

«Предупредить разгром либерализма
справа и слева»:
либералы-центристы и II Дума _____ **138**

Любовь Писарькова

М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин:
судьба реформаторов и реформ
в России _____ **160**

Contents in English look at the page 192

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постагыйный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

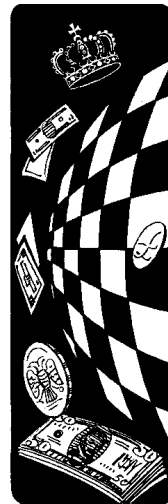
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

И сны, и мифы – важные средства связи, идущие от нас к нам же. Если мы не понимаем языка, на котором они созданы, мимо нас проходит многое из того, что мы знаем и рассказываем самим себе в те часы, когда не заняты действиями с внешним миром.

Эрих Фромм

Что можно утверждать без доказа-
тельств, то можно отвергнуть без
доказательств.

Кристофер Эрик Хитченс

Сергей Кургинян

КОРОНАВИРУС COVID-19:

ИЛИ ОБЪЕКТИВНОСТЬ ПОБЕДИТ МИФ ИЛИ МИФ ПОБЕДИТ РОССИЮ¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК
323

Осмысливать происходящее – это неотъемлемая человеческая способность и обязанность. Тем более это обязанность власти. Нынешняя власть плохо справляется с этой задачей: сказываются десятилетия отрицательного отбора во власть, когда туда попадали совсем не за способности и умения, а по разным другим основаниям. В результате власть оказалась неадекватна и несоразмерна вызову коронавируса. Для победы над кризисом, вызванным эпидемией коронавируса, нужно всеми силами бороться с мифами и уж тем более не порождать их. Принимаемые меры необходимо минимизировать и ввести в соответствие с объективностью, а также своими возможностями. Должно быть категорически запрещено под коронавирусную беду тянуть свои проекты, будь то разрушение семей, цифровизация всего на свете или что бы то ни было еще. Решения следует принимать, пытаясь минимизировать число ВСЕХ возможных жертв, а не только жертв коронавируса.

Comprehending what is happening is an irrevocable human ability and responsibility. Moreover, this is the duty of the authorities. The current government is doing a poor job with this task: decades of negative selection to power, when they got there not for their abilities and skills, but for various other reasons, are reflected. As a result, the government proved to be inadequate and disproportionate to the challenge of the coronavirus. To overcome the crisis caused by the coronavirus epidemic, you need to fight myths with all your might, and even more so not to generate them. The measures taken must be minimized and brought in line with objectivity, as well as their capabilities. It should be strictly forbidden to pull someone's projects under the coronavirus disaster, whether it be the destruction of families, the digitalization of everything in the world, or whatever else. Decisions should be made in an effort to minimize the number of ALL possible victims, not just coronavirus victims.

Ключевые слова: коронавирус; мифы; общественное доверие; цифровизация; административный произвол; отрицательный отбор во власть; государство.

Key words: coronavirus; myths; public trust; digitalization; administrative arbitrariness; negative selection to power; state.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ Выступление С.Е.Кургиняна 18 апреля 2020 г. в коммуне «Суть времени» в связи с эпидемией коронавируса.

Есть не отменяемая ничем человеческая способность осмысливать происходящее. Сталкиваясь с каким-нибудь крупным общественным неблагополучием, да и вообще с чем угодно (а ситуация с коронавирусом – конечно, такое крупное общественное неблагополучие), человек так или иначе начинает его осмысливать или, иначе говоря, оно начинает так или иначе отражаться в его сознании.

Оно может отражаться адекватно или неадекватно, рационально или нерационально. Этому отражению могут способствовать официальные органы или крупные средства массовой информации. Или родственники, с которыми это обсуждаешь, знакомые, какие-то случайные люди, которые почему-то авторитетны. Таких способов всегда будет «до и больше». Никакая цензура, никакая административная система, даже жесткая, и уж тем более разболтанная, никогда не подавит многомерные обсуждения всего чего угодно, а что касается жизни людей, это подавление вообще невозможно. Подавление вдвойне невозможно в случае, когда мы имеем дело с неотменяемым информационным обществом, в котором как никогда много простора для разномыслия. Внутри подобных обсуждений всегда существует некоторый, скажем так, запрос. Чем более неблагополучна ситуация, тем в большей степени запрос существует на что-то, кроме официальной точки зрения. Это всегда в ситуациях крупных общественных неблагополучий получает дополнительный спрос.

В информационном обществе запрос на ужастик поддерживается всем на свете: ужастики хотят, а значит, их смотрят; а если их смотрят, то цена рекламы выше, рейтинг выше – всё. Все, кто понимает, как это устроено, будут обсуждать ужасное наиболее ужасным образом. Потому что в этом есть, помимо всего прочего, выгода. Кроме того, что люди сами сущностно, органически в момент, когда они сталкиваются с каким-то крупным общественным неблагополучием, хотя что-то понять, и желательно что-нибудь нестандартное. Потому что если ситуация неблагополучная, то стандартному особо не доверяешь. Ему всегда не доверяют, а тут особо.

Помимо этого, спрос на подобные вещи все время подогревается. Он органически разогревается существующей средой, и его никто не отменит! Отрегулировать его до какой-то степени можно, но лишь минимально. Значит, любое крупное, особенно неблагополучное, событие в общественной жизни (например такое, как обсуждаемый нами сейчас коронавирус) будет отражаться в сознании отдельных людей, групп (тех или иных), страт, структур и в целом в общественном сознании. И от-

ражаться оно будет сообразно определенным закономерностям и устройству отражателя этой совокупной среды. Так было в жесткие эпохи, это тем более имеет место в мягкие эпохи. Особенно в современную эпоху вы никогда ничего не запретите обсуждать.

А что же надо делать?

Возьмите человеческий тон!

Во-первых, надо объективно оценить свои возможности и самих себя. Те, кто сейчас вдруг вылез на экраны с официальной точкой зрения, иногда просто неадекватно воспринимают самих себя. Ситуация-то, действительно, очень неблагоприятная: не показывайте людей, которые очевидным образом раздражают. Которые говорят высокомерным, раздражающим общество тоном. Бросьте этот тон, возьмите человеческий, минимизируйте собственные высказывания и введите их в русло того, что интересует общество. А общество интересуется, можете вы справиться с общественным бедствием или нет! Всё!

И оно должно вам доверять. Где на этом сражении, – а это сражение за умы и души, – найдется то, на что можно опереться, и то, что является погибельным?

То, на что можно опереться, называется «объективность», «правда». И, когда Ленин говорил: «Говорите массам правду», это было не издевательство, а очень точное понимание того, что сейчас называют пиаром. Потому что правда отличается от всего остального: сказал ее, поделился, и тебе поверили. А если ты начнешь врать, то утонешь в потоке лжи многомерном, сольешься с другими сплетниками, болтунами, – неизвестно кем. Тебе не будут доверять. А не будут тебе доверять, – все очень плохо кончится. Для тебя, но и не только. Значит, самое трудное и главное, на что можно пытаться определенным образом опереться, это **объективность**. А главным врагом этой объективности является **миф**. Человечество оперирует лучше или хуже объективностью, меняя ее, усложняя ее, опровергая само себя и двигаясь дальше этой тернистой дорогой на протяжении последних нескольких столетий (если уж хотите, то и с античности, впрочем, в античности этим оперировали отдельные люди).

Очень слабое и относительно молодое понятие – «объективность». А «миф» – это почти весь человек, это то, что корнями уходит в такую архаику, в такие глубины, из которых если что-нибудь вынырнет, то мало никому не покажется. И это все специалисты понимают. Миф – не

шутка, не блеф, не «бла-бла», это могучая сила и в своих уродствах, и во всем она является одинаково могучей.

Большинство из тех, кто меня сейчас слушает, пересеклись со мной уже в двадцать первом столетии, когда мое отстаивание советских ценностей, советского государства, советского образа жизни и всего прочего получало очень серьезную общественную поддержку – 80, 85, 90 и более процентов. Но я-то помню другую эпоху. Я помню, когда я говорил все то же самое, а на меня смотрели сумасшедшие глаза, которые проклинали все, что я сказал, потому что оно не соответствовало их мифологической заданности.

Я хотел, чтобы люди свободно мыслили Объективности трудно сражаться с мифом. А если она хочет с ним сражаться, она должна вооружиться соответствующим способом и пробиваться сквозь огромные вязкие

мифические построения, иначе она утонет в этих построениях в любой ситуации общественного неблагополучия. У меня в конце 80-х годов не было никакого желания спускаться на себя всех антисоветских собак: я не самоубийца. И не было никакого особого желания защищать, например, Сталина, потому что мой дед был расстрелян в тридцать восьмом году. И в целом я формировался в антисталинском климате. Я не хотел защищать Сталина, я хотел объективности. Объективности – и все! И, ратуя за объективность, я спрашивал, сколько было расстреляно, сколько было посажено. Страна была бюрократическим государством строго полицейского характера, которое всё активировало. Я не хотел, чтобы миф питался цифрами, которые в 10, в 100 раз выше, чем эта объективность. Я хотел, чтобы эту объективность сравнили с чем-нибудь, что происходило в это же время в других странах. Я хотел, чтобы в этой объективности была структура и смысл, чтобы были понятны ее источники, контекст, ее место во всем, что происходит в обществе. Я только этого хотел! Я хотел, чтобы люди свободно мыслили. Мыслили!

Без толку давать людям свободу, если они не могут мыслить! Но миф уже был раздут, в том числе и уничтожавшей саму себя во имя определенных приобретений правящей партией. Он был желанен после идеологической информационной диеты и он был нужен! Он был нужен тем, кто это все делал. Поэтому та объективность оказалась безумно слабой. А есть еще одно обстоятельство невероятно важное. Потому что, когда ты начинаешь выступать с позиции объективности, то эта-то

позиция тоже может достаточно сильно отличаться от того, что пытается надуть в уши официоз. И тогда этот официоз начинает злиться. А у него всегда есть так называемые охранители, которые говорят: «Только не трогайте ничего из этого, ничего из этого не трогайте, ради бога». Эти охранители совершенно необязательно куплены. Есть органическое охранительство, которое иногда, между прочим, требует большой смелости человеческой. И оно связано с тем, что «видели мы уже, как властные системы рушатся, и не хотим увидеть это еще раз. И поэтому будем защищать эти системы, как бы плохи они ни были, потому что мы понимаем (и это правда! – С.К.), что те, кто их обрушит, будут еще намного хуже тех, кто есть». Но это не повод для того, чтобы начинать восхвалять то, что восхвалять нельзя. В ситуации, когда неблагополучие набирает обороты, охранитель становится опасным, потому что он боится объективности, а он не должен ее бояться, если он гражданин и человек. В этом я свято убежден, потому что за моей спиной опыт так называемой Перестройки. Уже мало осталось людей, которые все это помнят и в этом активно участвовали, а я один из них, и все это наблюдал со слишком близкого расстояния. Это не должно повториться.

А то, что сейчас происходит с коронавирусом, поразительно напоминает то, что происходило в эпоху перестройки с так называемой сталинщиной. Сейчас объективностью является коронавирус, а тогда – история сталинских деяний. И то и другое не имеют права мифологизироваться, чтобы потом, набрав мифологическую энергию, ударить по существующему обществу. Но для того, чтобы этот удар отразить, – а он будет, точнее, он уже есть, – нужна объективность, правда, а не охранительные конструкции.

**Иголка в стоге сена,
которую нашли**

На протяжении очень долгой эпохи, вплоть до своей кончины, моим добрым другом, чьи советы я очень ценю, была Ксения Григорьевна Мяло – выдающийся и, как я считаю, глупо

недооцененный философ, аналитик, ученый и человек. Помимо знаний и тонкости суждений, у Ксении Григорьевны было еще одно свойство. У нее был неоценимый детский опыт войны, эвакуации и возвращения из эвакуации: ее родина была – Приднестровье. Ксения Григорьевна никогда мне не говорила ничего такого, что было бы хоть минимально не достоверно. Поэтому, когда я сообщаю этот опыт, я апеллирую к ней. Она рассказывала, что когда их сначала эвакуировали

(она много очень интересного рассказывала о том, как они жили в Сибири), а потом начали возвращать назад, в освобожденное от нацистов Приднестровье, то у них был багаж. А в этом багаже была бесценная по тем временам швейная машинка «Зингер», и эту машинку потеряли. Это была огромная трагедия для семьи в 1944 году (ее сейчас трудно понять), и тогда мать Ксении Григорьевны написала министру путей сообщения Лазарю Моисеевичу Кагановичу о том, что вот произошла такая беда. Повторяю, Ксения Григорьевна никогда мне не говорила ничего такого, что не было бы абсолютно достоверным. Она мне сообщила:

а) что это письмо дошло до Лазаря Моисеевича лично,

б) что на письмо была наложена соответствующая резолюция (спокойная, но смысл которой понимали)

в) и что в результате этой резолюции и отданных приказов швейную машинку нашли и вернули.

Вы это себе вообще представить можете?! Это война! В одну сторону идут одни эшелоны, в другую – другие; люди возвращаются на освобожденные территории, неразбериха... Внутри всего этого швейная машинка – это иголка в стоге сена; ее невозможно найти, но ее нашли! Потому что был Лазарь Моисеевич с его способами организовывать управление. Потому что Лазарь Моисеевич не висел в воздухе с его гениальными свойствами, а опирался на построенный им аппарат, соответствующим образом работавший, потому что все это было помещено в соответствующую действительность и потому что внутри этой действительности – сколь угодно жесткой, никто не отказался от реагирования на частную простую беду. Поэтому швейную машинку нашли.

Это была та самая административно-командная, или командно-административная, система, которую потом поливали грязью сумасшедшие идиоты, а также и циники очень умные, прекрасно понимавшие, что все системы в мире всегда административно-командные. Наглядный пример: есть мозг и есть палец. Мозг отдал приказ пальцу, и палец поэтому шевелится. Это что такое? Командно-административная система. Это не значит, что все гормоны выделяются строго по команде мозга, существуют еще и дополнительные системы, но командно-административную никто не отменял.

Но тогда ее отменили! По этому поводу совсем не бестолковые циники лили грязь, осмысленно разрушая все. А этой грязи внимали!.. Вы меня слышите: внимали! Потому что она была встроена в соответствующий миф.

**«Вспомнила бабка,
как девкой была»**

Если действительно хотите бороться с коронавирусом, осмыслите теперешнюю ситуацию и признайте, что вы не Лазари Моисеевичи, что командно-административная система

отсутствует, что нет кадров для ее четкой работы. И что построено другое государство, которое очень долго называли «ночным сторожем» и захлебывались от восторга по поводу того, как оно минимизировано во всех его слагаемых и радовались этому, потому что так жить прикольнее.

Теперь наступила новая реальность. Так вы не уподобляйтесь бабушке из анекдота, о которой было сказано: «Вспомнила бабка, как девкой была». Вы не уподобляйтесь этому! Нету того, что вам мнится. Блок говорил: «Покой нам только снится», так вот «сталинизм нам только снится».

А есть то, что есть. Система, построенная для других дел, с другими людьми, которые талантливо умеют вступать в отношения с бизнесом, которые как-то худо-бедно чем-то рулят, но не забывают про себя. И под себя, соответственно, других людей подбирают.

Негативный отбор произошел. Это люди, которые безумно уверены в себе, пока нет крупного общественного вызова, и абсолютно растеряны в тот момент, когда он есть. Я помню, как они были растеряны во время Болотной! А господствует Его Величество Миф! И первая задача тех, кто хочет, чтобы объективность могла противостоять мифу, заключается в том, чтобы говорить правду. А не восхвалять все подряд по принципу: «Ой, не трогайте, не трогайте, а то страна рухнет». Будете восхвалять, – еще быстрее рухнет. То, что произошло с очередями в Москве², – это безобразие. И безобразие надо называть безобразием. Я понимаю, что такое растерянность в какие-то серьезные моменты. Я понимаю, что такое малопригодные властные аппараты, и даже не хочу ни к чему этому ничего присовокуплять, но очереди, возникшие в московском метро на пике коронавируса... это безобразие, которое очевидно всем.

² 11 апреля мэр Москвы Сергей Собянин подписал указ, который гласил, что с 15 апреля для перемещения на личном и общественном транспорте в столице и области необходимы цифровые пропуска. Как следствие, на разных станциях метро скопились очереди из-за того, что полиция проверяла эти электронные документы.

То, что под сурдинку борьбы с коронавирусом начинаются нарушения законодательства, прав людей и так далее, – это безобразие. Административный произвол омерзителен, и это не произвол административно-командных систем имени Сталина–Кагановича. Это произвол разболтанных полуворовских систем, которые возомнили о себе хрен знает что, а являются тем, чем они являются. Поэтому единственное, что тут справедливо – это окорёт, а главное слово, которое должно быть сказано: «умерьтеесь»!

Ничего кроме объективности

Далее возникает вопрос так называемой вилки: ничего не делаем – мы все погибнем. Еще и будем обвинены в том, что мы погибли общей содействуем. Начинаем что-то де-

лать, не точно знаем что и не знаем точно, откуда ноги растут и так далее...

И вот тут возникает царство объективности.

Когда я спрашивал непрерывно и настойчиво, сколько людей за 30 лет (с 1923-го по 1953-й) расстрелял Сталин? Сколько? И сколько он посадил, я же не хотел сказать, что все эти люди, которых он расстрелял или посадил, были виноваты, и я не хотел сказать (хотя такие виноватые были), что это «ах как хорошо».

У меня дед в этом безумии погиб, у меня за счет всего этого оказалось, что достаточно серьезно травмирована жизнь самых близких мне людей – бабушки, матери, – я просто требовал объективности. Потому что я понимал, что такое эти мифы. Они сначала будут созданы, потом их кинут на страну, а потом окажется, что никаких мертвых не ворошить, а вот еще десяток миллионов погибнет под колесами того, что порождено этим омерзительным мифом. Который отчасти насаждается теми же, кто репрессировал, или их прямыми наследниками. Я имею в виду даже не родословные, а некоторые «наследуемые» административные функции (партийные и прочие).

Когда сейчас я анализирую ситуацию с коронавирусом, я не хочу сказать, что он не является бедствием. Если от него погиб хотя бы один человек (а это не один человек), то это все равно горе, и честь и хвала всем, кто борется с этой напастью. Напасть существует, и не надо говорить, что ее нет. Мы оскорбляем этим умерших, больных и тех, кто героически этому противостоит. Но наш долг перед страной и в каком-то смысле сейчас перед миром, перед человечеством, перед своими

близкими и перед вызовом, на который надо ответить, состоит в том, чтобы оценить все объективно. Нас не интересуют ни охранительные мифы, ни умалительные мифы, никакие крайности.

Нас не это интересует, нас интересует сдержанная, корректная, вежливая, сочувственная, твердая реакция на общественное неблагополучие, объем которого должен быть объективно оценен.

Минимизировать число ВСЕХ возможных жертв, а не только жертв коронавируса

Сразу же после этой объективной оценки начинается следующее. Как только вы это объективно оценили, вы обязаны это с чем-то сопоставить. И задаться какими-то вопросами.

При этом ориентироваться мы имеем право только на официальные государственные сведения или сведения, сообщаемые официальными лицами, которые их, эти сведения, не опровергли. Иначе миф будет раскручиваться, и мы будем подливать масла в огонь, даже воюя за объективность. Поэтому я спрашиваю, сколько заболело гриппом в 2019 году в Соединенных Штатах и сколько умерло? Какова реальная (реальная!) настоящая инфекционная мощь заболевания? Чем оно является по своей природе, каковы, соответственно, нужные и не нужные меры борьбы с ним? Каковы издержки принимаемых мер, потому что нет мер, у которых нет издержек. Да, какое-то число людей за счет определенной меры окажется спасено (и честь и хвала этому, если эта мера принесет подобный результат). Но ведь она связана с издержками, и внутри этих издержек тоже есть жертвы. Они не должны быть обсуждены?

Только ли прямые инфекционные жертвы? Или число этих жертв настолько превосходит число других? Люди закрыты в домах, и это, наверное, привело к сокращению каких-то жертв по линии X, а последствия этой закрытости в домах оценены? У нас есть психологически неблагополучное население, у нас есть латентно относительно устойчиво-неблагополучное население, у нас есть благополучное население. Какая часть благополучного населения будет переведена в неблагополучное? Какая часть латентно (скрыто) неблагополучного населения окажется «разбужена»? И какая часть неблагополучного будет активирована?

Каковы будут последствия?

Что произойдет с бандитизмом, не учитывать жертвы которого и не вводить их в единую оптимизирующую оценку – это преступление перед этими жертвами и их близкими?

Какое число людей будет подтолкнуто к алкоголизму или наркомании со смертельными последствиями, или с тяжелым нанесением вреда здоровью? К суициду? К агрессивным реакциям?

Какой климат будет создан в обществе?

Мы с невероятным трудом сумели преодолеть региональный сепаратизм 1990-х годов (все эти «уральские республики» и прочее).

Мы сейчас под предлогом коронавируса начнем обособлять регионы? А потом поселки?

А вы понимаете, к чему это приведет? Об экономических последствиях я не говорю, они слишком очевидны.

Все не просто! И деньгами проблему до конца залить нельзя! Мои знакомые в Португалии говорили: «Вы в России не понимаете, что такое иметь дело с целым поколением молодежи, которое живет на пособие по безработице!» Это страшные болезни внутри! «Привычка – душа держав». Люди ходили на работу, что-то делали... Они перестают работать, дальше что? Им сломали определенный образ жизни, да?

А что им предложили взамен? Сидеть у телевизора, набираться страхов?

Но самое главное – дайте объективную оценку. Соберите в кучку имеющиеся мозги, не изображайте из себя высоких мудрецов. Эйнштейн когда-то сказал про роденовского мыслителя, дескать, зачем он думает, если ему это так трудно. Вы все же не полные идиоты, выйдите из ступора, сопоставьте собственные цифры.

Очень страшным выводом из всего, что мы наблюдаем, является отсутствие научного консенсуса в вопросе или, простите меня, ангажированность существенных сегментов нашего научного сообщества. Мои оценки существующей реальности до коронавируса были очень пессимистичны, я не охранитель. Я знаю, что мы живем в неблагополучном государстве, в неблагополучном обществе и все равно не ожидал, что на трех вирусологов будет четыре оценки происходящего.

Так нельзя! Это означает, что корпоративная честь и необходимость говорить правду, подорваны. Или мы имеем дело с таким же негативным отбором в сфере науки, с каким мы имеем дело в других областях. Потому что – либо, либо! И если точка зрения ученого зависит от того, с кем именно он связан – на Западе, на Востоке или где-нибудь еще, и в угоду этому в жертву приносится объективность, – нет науки, нет ее вердикта!

Базовые позиции

Но какие-то сопоставления все равно можно провести и зафиксировать базовые позиции.

- **Первое.** Когда по растерянности и административной неумелости содеяно нечто безобразное, то это надо признать, принести соответствующие извинения, объяснить это, не сваливая на кого-то, а честно сказав, что растерянность есть часть борьбы с тем, что наваливается на тебя неожиданно и чему ты неадекватен...

В начале Отечественной войны тоже была растерянность, несмотря на все административные системы. Да еще какая... Потому что навалилось нечто несоразмерное.

- **Второе.** Меры надо минимизировать и ввести в соответствии с объективностью, а также со своими возможностями (по одежке протягивай ножки).

• **Третье.** Хотя бы на время, не отменяемые в сложившейся общественной системе и государственном устройстве корыстные мотивы надо выжечь огнем.

• **Четвертое.** Не надо замахиваться на меры, которые не можешь осуществить: нет ничего хуже, чем сильный жест слабого человека.

• **Пятое.** Борьба за общественное доверие, а значит, за кастинг выступающих людей сейчас является борьбой номер один. И сытые, наглые, холеные рожи с бегающими глазками и надменными словами надо убрать хотя бы с экрана.

• **Далее.** Категорически запрещено в такую беду тянуть свои проекты, как бы они ни назывались, – переустройство семейной жизни, «чипизация» или «электронизация», или как-нибудь еще.

• **И, наконец,** решение следует принимать, сообразуясь со всеми видами жертв, минимизируя число этих жертв. Жертвы не делятся на коронавирусные и на другие жертвы (жертвы от принимаемых решений), которые, между прочим, тоже люди. Их жизнь для нас не менее ценна.

• **И последнее.** Эту объективность придется восстанавливать и осмысливать глубоко, как бы ни трудна была эта проблема, как бы профессиональна она ни была, как бы ни была она связана с отраслями знаний, которые никоим образом не входят в общественное сознание. Мы обязаны изложить эту объективность на том уровне, на котором она будет понятна всем.

Когда Хокинг писал о космологии, он сказал, что обойдется без единой формулы. Я не знаю, можно ли описать молекулы, которые прони-

кают или не проникают в человеческую клетку, без апелляции к какому-то минимуму знаний, но это надо суметь сделать, если мы хотим отстоять объективность. Если мы не отстоим ее – мы капитулируем перед мифом. А миф будет истеричным! Капитулировав перед ним, мы породим все что угодно, вплоть до гибели собственного государства. Здесь я ограничусь данными констатациями.

В дальнейшем я постараюсь раскрыть подробнее смысл общественного неблагополучия и то, что касается его масштаба и структуры, а также динамики и источников, понимание чего только и может защитить объективность.

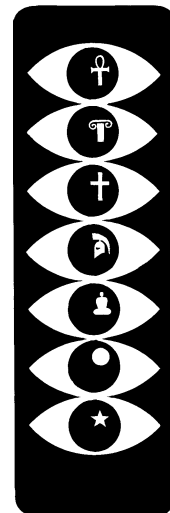
Мой вывод один: объективность или крах. Борьба за объективность есть сейчас борьба за общественное спокойствие, за государство, в каком-то смысле за будущее человечества.

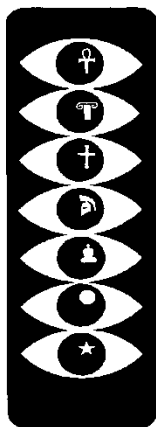
Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится.

Н.М.Карамзин

У нас самодержавие значит, что в
России все само собою держится.

П.А.Вяземский

Олеся Плех

**«В ПРИЯТНЕЙШЕЙ
НАДЕЖДЕ ИМЕТЬ СЧАСТЬЕ
ВСТРЕТИТЬ ОБОЖАЕМОГО
ВСЕМИ МОНАРХА»,**

**ИЛИ О ТОМ, КАК
В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ
К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).07

Статья посвящена организации путешествий по России Николая I и их влиянию на деятельность провинциальных чиновников. Основное внимание уделяется мероприятиям местной администрации в рамках подготовки к приезду императора. Губернское начальство всегда незамедлительно реагировало на известие о предстоящем путешествии. В число первоочередных задач входили починка дорог и мостов, подготовка почтовых станций и лошадей, благоустройство городов и наведение порядка в правительственных учреждениях. Стремление организовать достойный прием и наилучшим образом представить губернию в целом благоприятно сказывалось на состоянии местного управления, аккумулировало деятельность чиновников, заставляло их вспомнить о своих обязанностях и, хотя бы с внешней стороны, привести в порядок подчиненную им территорию. В то же время чрезмерное усердие отдельных должностных лиц и желание угодить императору нередко оборачивалось злоупотреблением полномочиями.

The article is devoted to the organization of tsar Nicholas I's trip through Russia and its influence on the activities of provincial officials. The article focuses on the activity of local administrations during preparation processes for the arrival of the emperor. The provincial authorities had always reacted immediately to the news of an upcoming trip. Among priority tasks there were road and bridge maintenance, preparing post stations and horses, city beautifications, and restoring order to government offices. An urge to ready a decent reception and to represent a province in a best way had a favorable effect on the state of local government, it accumulated activities of officials and also made them to remember their duties and, at least by what it looked like, put in order territories which they were to oversee. At the same time, an excessive zeal of certain officials and the desire to please the emperor often turned into an abuse of power.

Ключевые слова: Николай I; «высочайшее путешествие»; III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии; корпус жандармов; губернская администрация; местные учреждения; бюрократия.

Keywords: Nicholas I; «the highest travel»; Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; the Corps of Gendarmes; provincial administration; local institutions; bureaucracy.

E-mail: plekh@mail.ru

Еще в XVIII в. «высочайшие путешествия» приобрели значение важных правительственных мероприятий¹, а про Александра I современники говорили, что всю жизнь провел в дороге и управлял страной из почтовой коляски. Николай I также много времени уделял разъездам: за 1825–1850 гг. император, путешествуя, в общей сумме преодолел 124 486 верст (по суше), из которых 114 640 в пределах империи [38, с.26]. В современной исторической науке к путешествиям членов императорской фамилии проявляется особый интерес. За последние десятилетия появился ряд крупных работ, посвященных Екатерине II. Так, Н.И.Бессарабова попыталась определить внутри- и внешнеполитические аспекты поездок императрицы и выяснить их роль в политике просвещенного абсолютизма [9]; Г.В.Ибнеева охарактеризовала путешествия в контексте формирования имперской политики как средство «освоения» имперского пространства и способ политического взаимодействия государыни и населения [18]. В ряде публикаций освещаются отдельные поездки последующих российских императоров [13, с.441–459; 17; 22; 24; 31; 34], а также знаменитое «венчание с Россией» цесаревича Александра Николаевича в 1837 г. [11; 12; 14; 15; 25; 27; 28]. Издание на русском языке монографии Р.Уортмана «Сценарии власти» [37] повлияло на развитие нового направления в отечественной исторической науке, когда исследователи обратились к анализу символики и мифов, определявших образ власти в имперский период. В связи с этим и «высочайшие путешествия» было предложено рассматривать как средство идентификации самодержавия и как элемент патримониальной монархии, отражающий взаимодействие «царя-батюшки» и «детей-подданных» [30, с.6–10]². Однако, помимо отношения верховной власти к организуемым поездкам и официальных церемоний, не менее важна и другая составляющая изучаемого явления, крайне редко затрагиваемая современными исследователями, – реакция местной администрации и тех, на кого возлагалась практическая реализация мероприятий, связанных с приездом «высочайшей» особы. Появление в губернии государя являлось радостным событием для жителей, но настоящим испытанием для провинциальных чи-

¹ Известны многочисленные путешествия «с правительственными целями», осуществленные Петром Великим. Екатерина II в начале своего царствования предприняла ряд поездок с намерением познакомиться с народом и страной, «взглянуть на ее жизнь вблизи, прямо, не из дворцовой дали и не по придворным рассказам» [21, с.61].

² Эта проблематика обсуждалась на конференции «Романовы в дороге», состоявшейся в 2013 г. в Институте славяноведения РАН.

О.Верне. Портрет императора Николая I.
1830-е гг.

новников. И в этом отношении вторую четверть XIX в. следует выделить особо, поскольку Николай I, о путешествиях которого далее пойдет речь, превыше всего ценил порядок и дисциплину, а еще обладал феноменальной памятью³ и всегда обращал внимание на действия конкретных должностных лиц [13, с.344–352, 574–593].

Документальной основой исследования послужили материалы, сохранившиеся в фонде III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии ГАРФ (ф.109). Внимание к этой архивной коллекции связано с тем,

что руководство Императорской главной квартирой – учреждением, «заботившимся об удовлетворении всех потребностей при высочайших путешествиях» [23, с.32], – возлагалось на шефа жандармов. Известно, что лица, занимавшие эту должность, пользовались особым расположением императора. Они контролировали процесс подготовки к выезду из столицы, вступали в переписку с разными ведомствами и учреждениями, в том числе с местными, а, кроме того, знакомились с поступающими из провинции жандармскими донесениями. Первый глава III Отделения граф А.Х.Бенкендорф, являясь близким другом и советником Николая I, начиная с 1828 г. непременно сопровождал его во всех поездках по России и за рубежом [10, с.288–289]. Во время болезни Бенкендорфа, как и после его кончины в 1844 г.⁴, «место в коляске императора» занимал граф А.Ф.Орлов, ставший преемником на посту шефа жандармов. Обнаруженные в ф.109 документы сообщают любопытные сведения, характеризующие реакцию местных властей на известие о «высочайшем путешествии», позволяют увидеть мероприятия, прово-

³ Во многих источниках упоминается, что Николай I хорошо запоминал имена чиновников, офицеров, гвардейских солдат, причем некоторых знал не только по фамилии, но помнил обстоятельства и ход их службы [13, с.577; 20, с.523–534].

⁴ По причине подорванного здоровья Бенкендорф не имел возможности сопровождать в пути императора с 1837 по 1840, а затем с 1842 по 1844 г. [10, с. 288, 324].

КАК В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I

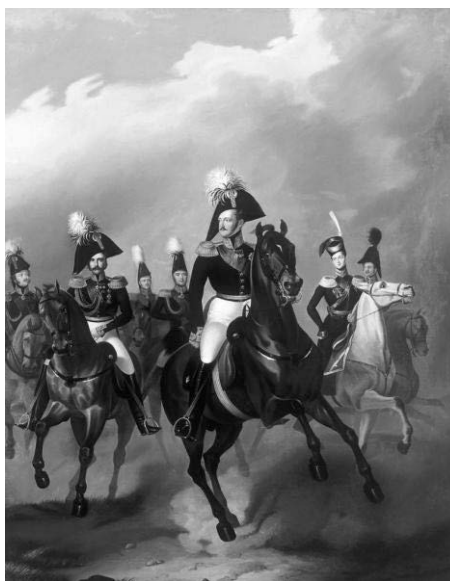
дившиеся до и после приезда императора, содержат описания отдельных событий, произошедших в дороге и во время пребывания в губерниях.

«Дабы никаких особенных и к отягощению обывателей приуготовлений чинимо не было»

встречи и «нарочитые приготовления, сопряженные с излишними издержками и с отягощением обывателей» [26, с.434]⁵. Император подтвердил распоряжение Александра I, «раз навсегда» предписавшего: «1) чтоб ни для встречи, ни для провожания никто и нигде от начальства наряжаем не был; 2) чтоб дороги на случай путешествий особенно нигде починиваемы не были, но были бы исправляемы в обыкновенное время; 3) тоже самое разумеется еще с большею силою об украшении в селениях улиц и об усаживании их деревьями без корней к напрасному только истреблению леса без пользы и единственно для виду на случай путешествия; 4) чтоб для приема на станциях дворяне не были наряжаемы, кроме одного заседателя земского суда, или по усмотрению дворянских предводителей по одному или по два человека из дворян для распорядка подвод и исправности в платеже прогонных денег» [35, с.219].

Однако уже в ходе первых своих поездок Николай I убе-

В самом начале своего царствования Николай I предписал в точности соблюдать указ от 11 августа 1802 г., запрещавший при путешествиях «высочайших» особ торжественные

Ф.Крюгер. Император Николай I со свитой
[вел. кн. Михаил Павлович, цесаревич Александр
Николаевич, кн. П.М.Волконский,
гр. А.Х.Бенкендорф]. 1835 г.

⁵ Речь идет об указе от 20 апреля 1826 г. [26, с.434–435].

дился, что этот указ на практике не соблюдался. Более того, местное начальство начинало подготовку даже при появлении слухов о возможном прибытии государя, которые, судя по документам, стремительно разносились по империи, и в тех губерниях, через которые пролегли главные пути сообщения, на них незамедлительно реагировали. Так, летом 1832 г. из многих мест губернские штаб-офицеры доносили о том, что «носятся» слухи о скором прибытии его величества, в связи с чем губернаторы иницируют разные «приготовления» [1, л.3–11 об.].

В частности, костромской губернатор С.С.Ланской, находившийся в это время в столице и узнавший о планируемом путешествии, поспешил как можно раньше, еще до своего возвращения, сообщить об этом губернской администрации. В личном письме своему заместителю он отдал неофициальное распоряжение «приложить попечение на счет устройства большой дороги по Нижегородскому тракту и приведения наружного вида г. Костромы сколько можно в лучший вид» [1, л.3 об.–4]. В то же время в Ярославской губернии «публика» в ожидании государя готовилась «к большим увеселениям и радостной встрече монарха» [1, л.9].

Реакцией на подобного рода донесения, поступившие в III Отделение в 1832 г., стало разосланное на места циркулярное предписание министра внутренних дел, в котором указывалось, что «до государя императора дошло сведение, будто бы в некоторых губерниях делаются приготовления к проезду его императорского величества и наряжаются обыватели к улучшению дорог» [1, л.5–5 об.]. От начальников губерний потребовали сообщить, «с какого повода и от кого пронесены те слухи и для чего поправляются дороги сверх обыкновенных законных постановлений правительства», а также предписывалось, «дабы отнюдь не починяли бы дорог и мостов особенными нарядами обывателей» [1, л.5 об.]. Однако никаких санкций в отношении первых лиц губерний не последовало, что, конечно, снижало результативность запретительных постановлений.

В последующие годы в жандармских донесениях также регулярно сообщалось о приготовлениях к встрече «высочайшего» гостя [2, л.5–5 об., 8; 3, л.38–38 об., 41–41 об., 46–47, 53–56; 6, л.13]. Свидетельства об этом сохранились и в мемуарной литературе. Так, смотритель Козинской станции⁶ вспоминал, что в 1837 г., когда по империи «пронеслось» известие о намерении Николая I отправиться на юг «для личного уча-

⁶ Располагалась в Воронежской губернии.

ствия в разрешении обострившегося тогда кавказского вопроса», «вся дорога, по которой пролегал путь августейшего путешественника, далеко ранее до его проезда приняла необычно оживленный вид: чинились подгнившие мосты, поправлялись рвы, прибирались станционные домишки, подтягивались и сами станционные смотрители, вытаскивая на свет божий завалявшиеся мундиры и шпажонки, откармливались захудалые лошади и приводились в исправность ямщики... Одним словом – полный застой дела и жизни сменялся кипучею деятельностью» [26, с.436–437].

На первый взгляд может показаться, что стремительная реакция местной администрации имела только благоприятные последствия. Такой точки зрения придерживались и некоторые высокопоставленные чиновники. Так, начальник 1-го округа корпуса жандармов генерал-лейтенант С.И.Лесовский, проезжая из Москвы в Вологду, в своем донесении отметил, что слышал в разных местах «об ожидании государя», и пришел к заключению, что «слухи сии имеют по крайней мере ту выгоду, что местные начальства обращают хотя [бы] некоторое внимание на исправление мостов и дорог» [1, л.7–7 об.]. Однако следует учитывать ряд нюансов.

Во-первых, слухи о приезде императора не всегда оправдывались. Местные начальники, как бы перестраховываясь, инициировали подготовку, собирали средства на эти цели, иногда весьма значительные, но в итоге государя могли и не дождаться. Население, на плечи которого ложилось покрытие убытков, оставалось недовольным действиями губернского начальства, а всякий раз, когда на места вновь проникали слухи, обоснованно сомневалось в их правдивости. В связи с этим не лишним будет привести сведения, поступившие в 1832 г. из Курской губернии от полковника корпуса жандармов А.Г.Приклонского. Он сообщал, что губернатор П.Н.Демидов, получив от своих «приятелей» из Санкт-Петербурга известие о грядущем проезде Николая I через Курск, тотчас же распорядился начать все приготовления: «на улице, по которой, предполагают, будет проезжать император, все поправляется, чистится и крашивается, мостовые и большие дороги исправляются, и начинают уже помышлять об устройении праздника» [1, л.11–11 об.]. При этом Приклонский отметил, что «хотя все торопятся привести в порядок наружность города, но с тем вместе боятся, что ожидание их останется тщетным, как сие уже не в первый раз случается, что партикулярные известия, получаемые [господином] губернатором, не всегда сбывались» [1, л.11 об.].

Во-вторых, не способствовали развитию доверительных отношений с населением и «перегибы» в действиях губернской администрации, когда излишнее усердие в ожидании приезда августейшей особы приводило к злоупотреблениям должностными полномочиями (подробнее об этом речь пойдет далее).

**«Дороги наши – сад для глаз...
да жаль – проезда нет
подчас...»**

«И какой же русский не любит быстрой езды?» – некогда метко и емко была отмечена одна из ярких черт русского народа. В этом отношении и Николай I не был исключением.

При этом он не просто любил быструю езду, но еще и прилагал все усилия, чтобы передвигаться по просторам России со скоростью, поражавшей современников. Государь путешествовал на «почтовых»⁷, предпочитал ехать днем и ночью, редко делал продолжительные остановки и, как правило, достигал пункта назначения гораздо раньше, чем планировалось [13, с.442–446]. Добиваться высокой скорости удавалось за счет того, что впереди экипажа государя скакал курьер и предупреждал о прибытии станционных смотрителей. «Свежие лошади, вполне снаряженные и с готовым ямщиком, выводились на самую дорогу, и как только государь приезжал, то одни ямщики мгновенно отстегивали старых лошадей, а другие пристегивали новых, ямщик вскакивал на козлы, и государь мчался далее. Эта перепряжка лошадей продолжалась едва ли более минуты...» [39, с.60]. Любое промедление вызывало недовольство Николая I, а хорошая и быстрая работа щедро вознаграждалась, поэтому станционные смотрители и ямщики «из кожи лезли провезти его лихо, именно так, как он любил, чтобы заслужить щедрую на водку» [39, с.61]⁸.

⁷ Обычно примерно за две недели на почтовые станции поступало распоряжение назначить людей и лошадей для царского проезда. Каждому ямщику присваивался номер (наклеивались на шляпы), а для его лошадей «втыкались в землю колья, на верху которых на дощечках написаны были те же номера, какие были у ямщиков на шляпах, и каждый ямщик два раза в день должен был приводить своих лошадей в сбруе к своему номеру; а станционный смотритель – осмотреть, все ли в порядке» [26, с.453].

⁸ По рассказам современников, ямщики гнали лошадей, насколько у тех хватало сил, не держивая ход при подъезде к станциям и осаживая их на полном скаку. Из-за этого почти на каждой станции одна, две, а иногда и все лошади падали замертво. К примеру, за время одного из проездов императора из Варшавы в Петербург таким образом было убито 144 лошади [39, с.61].

М.Н.Воробьев. Почтовый тракт. 1819 г.

В то же время и губернская администрация пыталась приложить максимум усилий и принимала самое активное участие в подготовке дорог, лошадей и приведении в порядок почтовых станций. Нередко такое «рвение» было сопряжено со значительными издержками, которые покрывались за счет населения. К примеру, в 1834 г. в Костроме по случаю приезда императора среди казенных крестьян губернии сделали «произвольные складки» денег на наем лошадей, что нарушало действовавшие законы. В объяснениях, представленных местными чиновниками, указывалось, что на почтовых станциях не хватало лошадей, а «по краткости времени остающегося до прибытия императора» решить эту проблему в рабочем порядке не было возможности. Губернатор провел совещание с участием предводителей и депутатов от дворянства, вице-губернатора, управляющего удельной конторой и губернского почтмейстера, на котором постановили усилить почтовые станции обывательскими лошадьми, «а для вознаграждения тех обывателей, которые выставляют лошадей, [господа] дворяне сделали постановление выдать на каждую тройку из дворянской суммы заимообразно по 50 руб. на счет земских сборов» [3, л.57]. Но, якобы по непредвиденным обстоятельствам, путешествие государя «замедлилось», и ряд обывателей, не желая

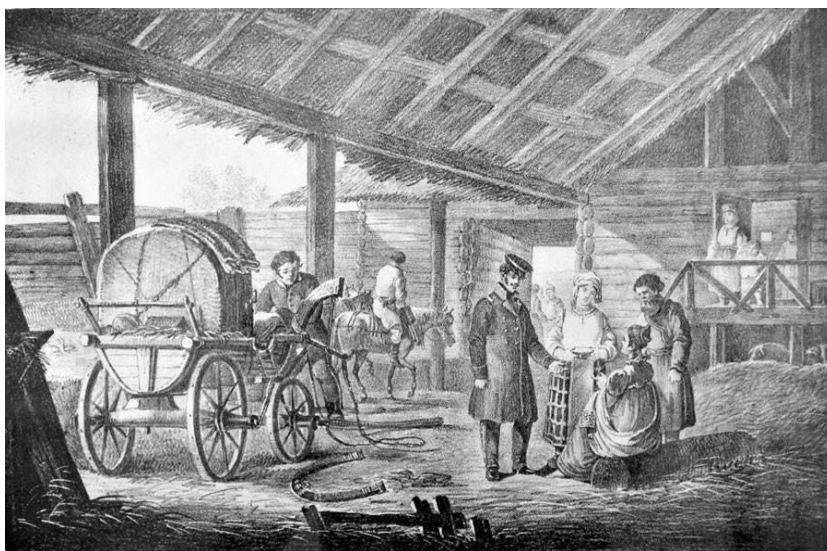
простаивать на станциях, «передали сию обязанность по найму желающих», почему и «составили добровольную по сему случаю складку денег» [3, л.57 об.]. На первый взгляд в этом завуалированном описании событий не просматриваются противозаконные действия. Но, во-первых, речь шла не об опоздании экипажа государя, а о том, что готовиться начали «по слухам», не получив еще официального уведомления о путешествии и дате прибытия, отчего и производилась напрасная трата денег на содержание станций «в лучшем виде». Во-вторых, «заимобразная» выдача денег из дворянских сумм предполагала компенсацию расходов в последующем, а за чей счет это будет делаться – оставалось неясным. В-третьих, в «добровольной складке денег» отсутствовала добровольность: на практике деньги на наем лошадей (76 тыс. руб.) предписывалось собрать с 61 тыс. душ казенных крестьян [3, л.59].

В том же 1834 г. нижегородский военный губернатор также при появлении первых слухов «в предосторожность своей ответственности» распорядился заготовить лошадей, которые в ожидании государя «с большим отягощением для обывателей» довольно долго стояли на станциях, а земские исправники «при сем случае имели способ к большим злоупотреблениям» [3, л.46–46 об.]. Губернский штаб-офицер, доносивший об этих событиях, сообщил, что заготовление лошадей обошлось почти в 150 тыс. руб. и «что губернское правление находится в затруднительном положении, каким образом сделать раскладку сумм, на удовлетворение оными кого следует» [3, л.46 об.]. Впрочем, начальство быстро нашло выход из ситуации, предложив сделать общую раскладку денег на души всей губернии. Нижегородский губернатор М.П.Бутурлин на обвинения отозвался тем, что на лошадей было потрачено всего 120.204 руб., и что решение о покрытии убытков раскладкой земского сбора (по 25 коп. с души) принято «по зрелом обсуждении и законом на то определенными лицами» [3, л.53–54]. Правда, тут же он заверил, что приложит усилия, чтобы найти еще средства для покрытия убытков и тем уменьшить платеж по раскладке.

Подобные случаи встречались повсеместно, и, как уже стало понятно, в ожидании императора губернская администрация стремилась любой ценой добиться решения первоочередных задач – починки дорог и мостов, подготовки почтовых станций и лошадей. Однако, как бы тщательно ни готовились, обеспечить беспрепятственный проезд удавалось не всегда. Среди жандармских донесений встречается немало упомина-

КАК В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I

ний о проблемах, вызванных плохими дорогами и «дурными» лошадьми. К примеру, в 1841 г. в Тверской губернии император более версты шел пешком по участку песчаной дороги, где экипаж не мог ехать «с надлежащей быстротой» [5, л.3], а в 1842 г. он «прибыл днем позднее назначенного» в Киев по причине «дурных» лошадей в Минской губернии, из-за которых «на двух станциях вынужден был идти пешком» [6, л.16].

К.И.Кольман. Завтрак путешественников на почтовой станции. 1825 г.

«Путешествие из Петербурга в Москву»

Значительные трудности порождала и выполняемая наспех работа, которая не столько добавляла скорости, сколько оборачивалась неприятными для императора инцидентами. В этом отношении весьма показательным является путешествие из Санкт-Петербурга в Москву в ноябре 1833 г., когда Николай I «заметить изволил большую неисправность в почтовых лошадях, которые, в особенности по тракту от Новгорода и до Москвы, находятся в самом дурном положении, а на станциях в с. Медном и Подсолнечной столь дурны, что едва могли бежать даже рысью» [2, л.13]. Управляющему Почтовым департаментом

Министерства внутренних дел А.Н.Голицыну было поручено разобраться в этой ситуации. Специально назначенный из Москвы чиновник провел расследование, по результатам которого изложил хронологию событий следующим образом.

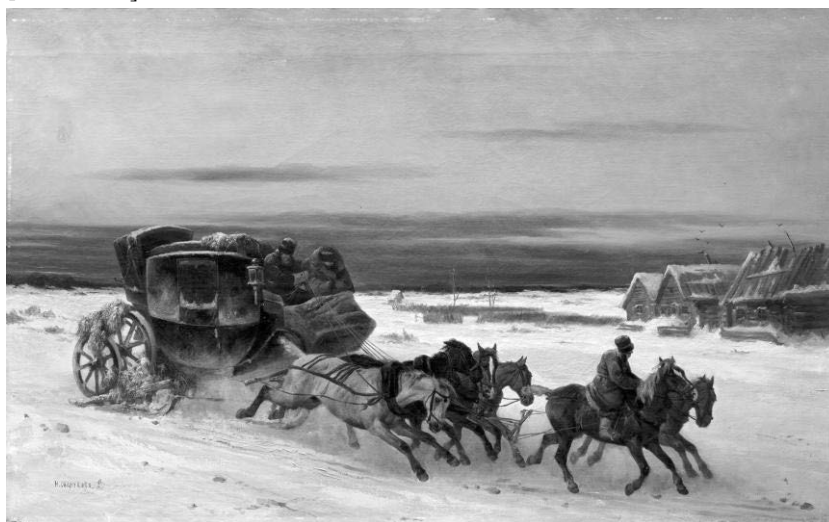
Сразу после выезда экипажа из Новгорода резко испортилась погода, сильный ветер и ослеплявший ямщиков снег не позволяли быстро ехать. Наибольшим испытанием стала сама дорога: «сделанная на шоссе новая и еще не укатанная насыпь щебня в одних местах и весьма скользкое только что замерзшее шоссе в других много препятствовали ускорению езды» [2, л.17 об.]. Не доезжая до г. Крестец, одна из лошадей «засекла о щебень ногу» и была отпряжена. На станции Новое Рахино в повозку магазин-вахтера, следовавшего впереди для освещения пути, второпях были запряжены лошади со старыми подковами, отчего на замерзшем и скользком шоссе постоянно падали. Из-за этого магазин-вахтер сильно отстал от главного экипажа, и на ближайшей станции потребовалось отправить за ним других лошадей. В г. Вышний Волочек назначены были для проезда императора лошади ямщика Галкина, «всегда по хорошим их качествам для сего употреблявшиеся», но ямщик Боренков, по всей видимости, пытаясь выслужиться, «своевольно заложил под экипаж своих 6 лошадей, недавно им купленных и не совершенно еще испытанных» [2, л.18]. На станции в с. Медном обычно использовались лошади «большой частью малорослые, но очень гонные, сильные и совершенно способные к скорой езде», но ямщики решили впрячь в экипаж красивых и рослых лошадей, которые в пути оказались слабыми. Далее на Солнечногорской станции не успели перековать лошадей, а, кроме того, они оказались «неисправны от недостатка корма» [2, л.19]. При отъезде со станции Черная Грязь экипаж пришлось дважды останавливать, поскольку из-за поспешности лошади были плохо завожжаны. Жаловался на «неудобства» в дороге и фельдъегерь: на одних станциях ему выставляли «дурных» лошадей (из которых часть пристала в пути), на других ему попадались нерадивые ямщики (одного он «потопрапливал» нагайкой); и, в конечном счете, на подъездах к Москве был вынужден нанять стороннего извозчика.

На обратном пути в Санкт-Петербург экипаж государя обслуживали исправно⁹, чего нельзя было сказать о повозке магазин-вахтера. Зало-

⁹ Благодаря чему Николаю I удалось установить своего рода рекорд: из Москвы в столицу он добрался за 38 часов. Об этом упоминается в дневниках современников, в том числе

КАК В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I

женные на станции Черная Грязь лошади, из-за плохой дороги и тяжести клади, пристали¹⁰, не доезжая следующей станции. Со сменившей их тройкой также приключилось несчастье: «по случаю встретившихся подвод, ехавших с досками, у одной из пристяжных в повозке магазин-вахтера лошадей на раскате [была] подшибена досками нога, и оттого лошадь сия была отпряжена и погибла, а другая пристяжная пристала» [2, л. 19 об.].

Н.Е.Сверчков. Уезжающая карета

Как видно, поездка из Петербурга в Москву стала настоящим испытанием и для опытных ямщиков, и для самого императора. Определенную роль в этом сыграли объективные обстоятельства, в частности, погодные условия и новая неукатанная дорога, но не меньше проблем породило отсутствие должного контроля за работой станционных смотрителей и ямщиков, их самоуправство и стремление выслужиться перед Николаем I. В Москве «некоторые проговаривали», что за неисправность лошадей на станциях «достанется Голицыну или Трубецкому»¹¹ [2,

А.С.Пушкина [19, с.136; 29, с.30].

¹⁰ Пристали, т.е. совершенно выбились из сил и не могли дальше идти.

¹¹ Кн. Александр Николаевич Голицын – главноначальствующий над Почтовым департаментом. Кн. Николай Иванович Трубецкой – камергер Двора Его Императорского Величества, состоявший в должности окружного почт-инспектора II округа.

л.14 об.], но по итогу расследования главными «виновниками» оказались, как говорится, «стрелочники». Ямщик со станции Новое Рахино, не подковавший вовремя лошадей, наказан телесно согласно мирскому приговору, ямщик Боренков из Вышнего Волочка отрешен от почтовой гоньбы с запретом впредь ею заниматься, выговор служащим станции Солнечногорской – вот, собственно, и все принятые меры.

Еще раз о случае в Чембаре

Между тем каждое небрежное действие вполне могло обернуться и катастрофическими последствиями. И в связи с этим вспомним хорошо известный историкам случай, произо-

шедший в августе 1836 г. по пути из Пензы в Тамбов, когда, не доезжая до уездного города Чембар, при въезде на мост через овраг лошади выбили форейтора из седла и, никем не управляемые, бросились в сторону. Экипаж опрокинулся, император упал и сломал левую ключицу [20, с.523–534]. Это происшествие хотя и было признано официально несчастным случаем, но спустя годы участники событий поведали истинные причины произошедшего. Согласно воспоминаниям одного из ямщиков, виноват был фореитор, который при закладке лошадей поменял их местами: к себе поставил слабую и неприученную ходить под седлом лошадь, а в подручные – более сильную, приезженную под седло. Лошади были отличные и на своих местах всегда шли прекрасно, и если бы «запряжены были как следует, то ничего бы и не случилось» [26, с.442]. Ямщик, рассказавший эту историю, видел происходившее на станции и понимал, чем может обернуться этот трюк, т.к. первую лошадь не сдержат под рукой, а вторая – не выдержит езды под седоком. Но сказать об этом он не посмел, поскольку станционный смотритель настрого запретил разговоры во время обслуживания экипажа (даже шептаться было запрещено) [26, с.441–442].

Справедливости ради, следует отметить и то, что любовь к быстрой езде сама по себе была сопряжена с большим риском. И Николай I в полной мере это осознавал. Он был довольно смелым человеком, обладавшим железной выдержкой, не терявшим в критической ситуации самообладание и чувство юмора. Так, А.Х.Бенкондорф, вспоминая ту трагичную ночь, ярко обрисовал картину, навеявшую мысли «о бренности всего земного величия»: сидящий «в придорожной канаве» со сло-

манным плечом «суверен одной шестой части земного шара», стоящий рядом с ним с факелом отставной унтер-офицер¹², тяжело пострадавшие кучер и камердинер, о которых император распорядился позаботиться в первую очередь. Преодолев пешком путь до Чембара (около 5 верст) и добравшись до своего временного пристанища, Николай I сначала написал письмо императрице, распорядился об отмене дальнейшей поездки и отправке курьеров с этим известием, и уже затем его рукой занялись врачи. При этом, несмотря на усталость и боль, он пытался шутить и оставаться в хорошем расположении духа [8, с.643–645].

**«Город в ожидании
его императорского
величества»**

В ходе подготовки помимо починки дорог особое внимание уделялось улучшению внешнего облика городов и приведению в порядок учреждений, которые традиционно посещал император.

Местное начальство часто инициировало иллюминацию и украшение улиц, организацию праздников, открытие выставок промышленных изделий и проч. В некоторых случаях затевались более масштабные мероприятия. Все это требовало значительных затрат, однако подобного рода статьи расходов не предусматривались в городском бюджете. На основании сведений, поступавших с мест от губернских штаб-офицеров, можно увидеть, каким образом и на какие средства осуществлялись эти приготовления.

Так, в 1834 г. в Казани дворянство предложило пристроить галерею к дому благородного собрания, был инициирован ремонт казенных и частных строений, а военный губернатор «приказал отделять на свой счет занимаемый им казенный дом, как самый удобнейший для принятия его императорского величества» [3, л.4].

В 1830-е гг. особым усердием отличались ярославские чиновники. В 1832 г. в губернском центре планировались «большие увеселения» и в течение двух недель были сделаны «все нужные приготовления: предводители дворянства и по три депутата со всех уездов съехались, также и некоторые дворяне по извещению чрез земский суд прибыли, и для всех издержек сделана подписка» [1, л.10]. В 1833 г. была организована починка многих зданий, принадлежавших общественным заведе-

¹² Отставной унтер-офицер Байгузов был неподалеку во время происшествия и пришел на помощь пострадавшим.

ниям, заготовлены материалы для иллюминации в городе и загородном саду, а также на противоположном берегу р. Волги, напротив дома губернатора, «выстроен им на собственный кошт в перспективе вид летнего дворца Александрии» [2, л.8]. Ни в тот, ни в другой год император не посетил Ярославль.

В следующем же 1834 г. в городе проводились еще более масштабные мероприятия, включавшие, помимо прочего, украшение зала дворянского собрания, иллюминацию, изготовление «транспарантов» уездных гербов с размещением их на р. Волге, закупку лодок [3, л.16, 39]. Кроме того, «по всему тракту высочайшего проезда вместо назначенных обывательских лошадей, обязанных сельскою повинностью лиц, с общего согласия выставлены были наймом с платой по 150 р[уб]. на тройку, и произведены разные исправления, и на устроение нового временного чрез реку Кот[о]росль моста употреблено из общественных и частных сумм до 50 т[ыс]. руб.» [3, л.9]. Конечно, все это выходило далеко за рамки обычной подготовки, и даже вызвало интерес начальников других губерний (Костромской, Нижегородской и Казанской), которые специально направили в Ярославль своих чиновников «для любопытства, как будет встречен высокий посетитель» [3, л.9].

Находившийся на месте подполковник корпуса жандармов Шварц отмечал, что съехавшиеся со всей губернии «публика и народ» пребывали «в приятнейшей надежде иметь счастье встретить... обожаемого всеми монарха» [3, л.8], но вместо этого получили известие, что экипаж императора направился не в Ярославль, а в Калугу. Многих постигло разочарование, а мелкое купечество и мещанство выражало явное недовольство, полагая, что об их пожертвованиях на украшение города никто не узнает, а «вся честь отнесется» к губернатору и градскому главе, по настоянию которых все это делалось уже третий год подряд и все понапрасну. И тем «прискорбнее» им представлялось происходящее, что они были уверены: и в последующем «при первых новых слухах» последуют новые денежные сборы и новые приготовления [3, л.16 об.–17]. Шварцу удалось «секретным образом дознать», что одна часть суммы была внесена ярославским уездным предводителем дворянства «в надежде, что оную пополнят дворяне», а другая – купечеством и «приобретена посредством сделанного по приговору думы, но прикрытого видом добровольного пожертвования, сбора с мещан по 1 р[уб]. 50 к[оп]., по 2 р[уб]. и по 3 р[уб]. с души» [3, л.16 об.]. На обратном пути Николай I все же посетил Ярославль. При этом его внимание привлекли донесения Шварца о незаконных сборах. Еще до прибытия императора

КАК В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I

министр внутренних дел Д.Н.Блудов предписал ярославскому губернатору К.М.Полторацкому прояснить ситуацию, а на место был отправлен флигель-адъютант Свиты Е.И.В. граф Н.А.Протасов с секретным поручением произвести расследование.

Полторацкий заверил Блудова, что обыватели города никаких убытков не понесли [3, л.38]. Все расходы якобы были отнесены на собственный его счет и на добровольные пожертвования уездного предводителя дворянства и дворян, а на украшения города выделена некоторая сумма из городских доходов, предусмотренная именно на эти цели. Губернатор подчеркнул, что «ни сборов, ни налогов, ни подписок, противных порядку и закону, решительно не было и надобности не настояло», а «ложные и вымышленные изветы» его «чрезмерно оскорбляют» [3, л.40]. В то же время он пытался заручиться поддержкой министра, указывая на то, что подобные обвинения не способствуют «водворению» подобающего уважения к губернскому начальству, и вспоминая, что в 1832 г. в Ярославле также распространялись «гнусная клевета и оскорбления». Протасов, к приезду которого были приняты меры, чтобы «все отступления вошли в порядок», встал на сторону Полторацкого и ограничился лишь фиксацией его объяснений [3, л.41].

М.А.Зичи. Николай I на строительных работах. 1853 г.

Подполковник Шварц, понимая, что при таком развитии событий именно он оказывался главным клеветником, представил результаты своего дознания «под рукою» о «примерном убытке города Ярославля» [3, л.42–45]. Он выяснил, что для найма лошадей было потрачено до 32 тыс. руб., но доказать, что об этом распорядился губернатор, никак нельзя, и, возможно, местные жители, на которых возлагалась эта повинность, действовали по своей инициативе. Относительно временного моста через р. Которосль все опрошенные заверили Шварца, что это мероприятие было затеяно специально для проезда императора и стоило около 8 тыс. руб. Но губернатор заверил Протасова, что постройка была осуществлена не для приема императора, планировалась давно и якобы обошлась всего в 4 тыс. руб., из которых 3 тыс. пожертвовал он сам и градской глава, а остальные средства отнесены «на счет города». На украшение залов дворянского собрания потрачено 1,5 тыс. руб., которые выделил уездный предводитель, но на свой ли счет он принял эти деньги или надеялся, что их пополнят дворяне, узнать точно нельзя. Что же касается денежных сборов, на которые жаловались купцы и горожане, то они производились, но в каком объеме и с кого именно собирали деньги, установить невозможно, так как к моменту прибытия Протасова «подписные листы» оказались уничтожены. Кроме того, городская дума отложила вынесение приговора о сборе подушных денег¹³, рассчитывая, что регулярно вносимая сумма будет увеличена и покроет издержки на благоустройство города к приезду императора. При подсчете расходов оказалось, что вместо 3 руб. 50 коп. нужно назначить по 8 руб. 40 коп. с души. Но мещанское общество соглашалось платить только по 7 руб. Тогда дума вновь отложила вынесение приговора с тем, «что после проезда государя пошумят, да потолкуют, но утвердят» приговор на 8 руб. 40 коп. [3, л.44 об.]. Шварц полагал, что именно эти споры и породили то недовольство, о котором он ранее докладывал. А его главный вывод был таким: «все показанные расходы делались из разных общественных сумм частно, с тем чтобы после таковые пополнить и привести в вид правильности и форм, что уже и сделано, и раскрыть теперь мудрено!» [3, л.44 об.–45].

¹³ Сбор подушной подати производился каждые полгода в одно и то же время. Приговор должны были вынести в июне, но, получив известие о путешествии императора, решили его отложить до осени.

Таким образом, Шварц попытался снять с себя ответственность и сгладить впечатление о своих первых донесениях, подчеркивая, что передавал лишь суждения и слухи, распространявшиеся в народе, и указывая на то, что документальные свидетельства нарушения закона если и были, то уже уничтожены. Итоги расследования не отразились на карьере Полторацкого, пользовавшегося покровительством Блудова и не только. На денежные сборы, которые делались полуполюгально, полунелегально и далеко не всегда добровольно, просто закрыли глаза, приняв объяснения генерала, доказавшего преданность престолу и заслужившего уважение на полях сражений¹⁴. А жители Ярославля довольствовались тем, что, наконец-то, их усилия не были напрасны, а ожидания оправдались – в 1834 г. встреча с Николаем I состоялась.

**«Руководимые
пламенным усердием
и верноподданической
преданностью»**

Схожие события наблюдались и в других губерниях. Отмечу наиболее выделяющийся на общем фоне случай, связанный с Тамбовской губернией, где в 1835 г. в ожидании императора начали «строить из собираемых с дворян по 20 копеек с души деревянную галерею на сваях с железной крышей» [4, л.5]. По примерной оценке, эта постройка должна была стоить около 70 тыс. руб. Естественно, такое донесение губернского штаб-офицера не осталось без внимания начальства. Тем более, что уже был аналогичный случай в Пензе, когда перед приездом Александра I тоже решили построить галерею. Дворяне тогда потратили на это 80 тыс. руб., из которых 50 тыс. заняли. С тех пор прошло более 10 лет, галерея пришла в совершенную «ветхость» и оценивалась всего в 4 тыс. руб., а с долгами «благородное» сословие все еще расплачивалось [4, л.5]. Следовало ожидать, что и затею в Тамбове ждала та же участь.

Бенкендорф поспешил напомнить министру внутренних дел Блудову, что подобные мероприятия «противны воле и желаниям» Николая I и что государь «будет весьма недоволен», когда об этом узнает [4, л.6].

¹⁴ К.М.Полторацкий участвовал почти во всех военных компаниях первой трети XIX в., в том числе являлся героем Отечественной войны 1812 г. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. В 1830 г. вышел в отставку, изъявив желание быть определенным «к статским делам», и получил назначение на пост ярославского губернатора, который занимал до 1842 г.

В связи с этим шеф жандармов поинтересовался, не признает ли министр «нужным употребить надлежащие меры к прекращению на будущее время подобных построек как в Тамбове, так и во всех губерниях» [4, л.7 об.]. Блудов запросил от тамбовского губернатора Н.М.Гамалеи доставить «надлежащие» сведения, действительно ли производится такая постройка, и если это так, то сообщить, «по какому случаю и с чьего разрешения» [4, л.7 об.]. Гамалея описал происходившее следующим образом. Когда в губернию просочились слухи о грядущем путешествии, дворяне, «руководимые пламенным усердием и верноподданнической преданностью», надеялись, что Николай I «соизволит осчастливить их... принятием... бала» [4, л.7 об.]. Но у местного дворянского общества не было собственного «приличного» дома, потому и решили «сколь можно поспешнее» построить легкую летнюю деревянную галерею. Гамалея ничего противозаконного в этом не увидел и дал свое согласие, если постройка будет осуществляться только на добровольные пожертвования, и с тем, «чтоб в случае требования правительства галерея была уничтожена и материалы свезены прочь в течение осьми дней» [4, л.8].

Однако выборные представители дворянства (предводители и депутаты) попытались реализовать задуманное иным путем [4, л.8 об.–9 об.]. Еще в 1834 г. депутатское собрание приняло решение о постройке собственного удобного каменного здания, для чего требовалось в течение двух лет собирать со всех дворянских имений по 34 коп. с души помещичьих крестьян. Но подобного рода постановления, связанные со сбором денег, вступали в силу не иначе, как с «высочайшего утверждения». Иными словами, местное общество не имело права самостоятельно, без разрешения начальства реализовывать такие мероприятия. Кроме того, тамбовское дворянство помнило и о том, что по их просьбе на «иные предметы» уже утверждены сборы средств на ближайшие 8 лет (а то и более). Следовательно, если новая, и притом весьма ощутимая, «складка» с помещичьих имений получит одобрение, то приступить к ней они смогут только спустя годы. При появлении известий о вояже императора (и о планах посетить Тамбов) дворянское депутатское собрание решило в кратчайшие сроки возвести временный деревянный дом (стоимостью не более 40 тыс. руб.) и собрать на эти цели по 20 коп. с души. Представив это предложение на рассмотрение начальства, но, не дожидаясь ответа, губернский предводитель приступил к строительству.

Многие дворяне не пожелали участвовать в несанкционированном сборе, щедрых жертвователей тоже оказалось немного. Предводитель занял на свое имя 20 тыс. руб., очевидно, рассчитывая впоследствии закрыть долг за счет собранных с дворян средств.

Гамалея встал на защиту губернского предводителя, отмечая, что его действия «имели целью соблюдение пользы и чести дворянства» и осуществлялись на суммы, «добровольно доставленные» [4, л.9 об.]. Бенкендорф оставил это дело на усмотрение министра [4, л.13], а Блудов поддержал губернатора и не стал назначать расследование на месте, хотя прекрасно понимал, к чему могло привести поощрение «добровольных складок»¹⁵. В частности, одновременно с рассмотрением ситуации в Тамбове Министерство внутренних дел вело переписку с начальством Симбирской губернии о распоряжениях, сделанных «тамошним» дворянством во время путешествия Николая I в 1834 г. Выяснилось, что тогда для найма лошадей на почтовые станции и прочую подготовку (покупка вещей на украшение дворца и приготовление к торжественному балу) уездные предводители и депутаты от дворянства «сами собою учинили» постановление о сборе сумм с дворянских имений под видом добровольных приношений, «тогда как согласия на то со стороны дворян дано не было» [4, л.11 об.–12]. Они сделали произвольную раскладку по числу помещичьих крестьян в каждом уезде (всего на 45937 руб. 40 коп.), но смогли собрать только 8 тыс. руб., и решили «заимообразно» взять еще деньги из кассы дома трудолюбия¹⁶ (10 тыс. руб.) и из рекрутской складочной суммы (15 тыс. руб.). В итоге, по прошествии года за дворянским обществом все еще числился долг (более 14 тыс. руб.), который собирались покрыть «посредством добровольных приношений». И в данной ситуации реакция Блудова была уже иной: он написал симбирскому губернатору провести расследование и представить подробное донесение с заключением, кто виновен в допущенных беспорядках и каким образом «удобнее было бы уплатить долг».

¹⁵ Блудов ходатайствовал перед Государственным советом насчет пересмотра правил о добровольных «складках», чтобы дворяне могли «с большей определительностью» избирать предметы для сбора средств и «устранять в сем отношении неправильности и несогласные с истинною пользою действия» [4, л.10].

¹⁶ Речь идет о работном доме (учреждение, которое предоставляло неимущим возможность «прокормления собственной их работой»). Устройством работных домов занимались приказы общественного призрения.

Таким образом, губернское начальство, не спешившее пресекать местные инициативы (даже когда они выходили за рамки существовавших постановлений), действовало вполне осознанно – оно, как и прочие чиновники, стремилось организовать первоклассный прием и наилучшим образом представить губернию. И, с одной стороны, это действительно способствовало благоустройству и решению многих вопросов, до которых в обычное время «не доходили руки». Но с другой – основным источником средств для реализации этих инициатив служили деньги, незаконно выделяемые из общественных сумм, с расчетом на то, что в последующем недостачи закроются «раскладками» на население (покрыть убытки за счет добровольных пожертвований удавалось редко). Как правило, губернское начальство, осознавая ответственность, открыто не принуждало к сбору средств, однако в жандармских донесениях можно найти отдельные упоминания о случаях откровенного вымогательства. Как, например, в 1842 г. в Харькове для организации бала купечество собрало 5 тыс. руб., но губернатору этого показалось недостаточно. Он «созвал думу и в присутствии бил купцов для вящего убеждения», после чего собрали еще 4 тыс. руб. [6, л.13]. Император отказался принять бал, и куда в итоге были употреблены те деньги – осталось неизвестным.

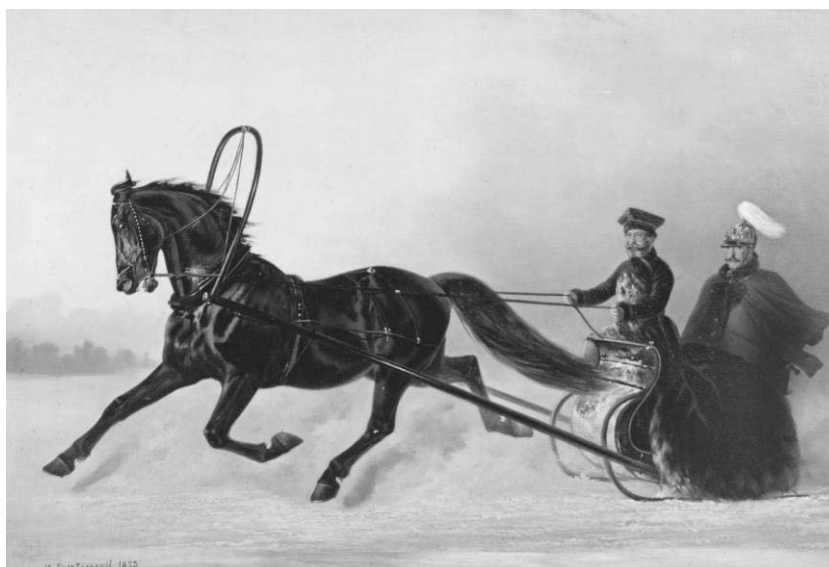
«Чтобы присутствие его императорского величества не было ознаменовываемо торжествами»

Николай I, планируя поездки, понимал, что провинциальные чиновники повсеместно игнорируют запрет на «особенные приуготовления»; и бороться с этим посредством переписки

было бесполезно, а наказывать всех подряд за чрезмерное усердие – неблагоприятно. Поэтому в определенных случаях, когда организация торжеств была совершенно неуместна, император в предписаниях конкретным должностным лицам взывал к социальной ответственности. Так, в отношении от 4 мая 1845 г., адресованном начальникам западных губерний, указывалось: «Государь император, движимый чувством сострадания к различным, в настоящее время печальным событиям от неурожая и наводнений, высочайше повелеть соизволил, чтобы присутствие его императорского величества в различных местах предстоящего путешествия не было ознаменовываемо торжествами, балами и иллюминациями; и что вместо того сердцу его приятнее будет, ежели предназначенные для сих торжеств суммы, употреблены будут на пользу страждущих и истинно нуждающихся» [7, л.6–6 об.].

КАК В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I

В свою очередь, местные чиновники, зная о негативном отношении Николая I к пышным празднествам, все равно готовились к его приезду, но пытались действовать осторожно. Светские мероприятия, в первую очередь балы, организовывали под видом традиционных для провинциального общества развлечений. Если государь пребывал в добром здравии и располагал временем, то «удостаивал» их своим присутствием, «выражал милостивые слова» дворянам и чиновникам, оказывал «внимание» почтенным дамам, изволив с ними танцевать [3, л.13; 6, л.31–31 об.].

Н.Е.Сверчков. Император Николай I на зимней прогулке. 1853 г.

Что же касается непосредственного проезда, то негодование императора всегда вызывали торжественные встречи экипажа. Еще 24 мая 1828 г. особым указом предписывалось, чтобы «во время путешествий его величества никто из чинов, как военных, так и гражданских... ни на пространстве уездов, ни во въездах в города ни под каким предлогом не встречал и не провожал его величества, кроме тех случаев, в коих может последовать особое по сему предмету высочайшее повеление» [36, с.574]. Это постановление старались не нарушать. Среди материалов III Отделения удалось найти описание инцидента, произошедшего в 1842 г., когда при въезде на заставу Харькова на встречу выехали четы-

ре верховых жандарма. Увидев это, Николай I приказал им отъехать, но «через четверть версты опять конные жандармы окружили коляску» [6, л.15 об.], что уже вывело из себя императора, с криком прогнавшего сопровождающих. За этим последовало официальное «неудовольствие» генерал-губернатору, допустившему организацию «встречи», и распоряжение об аресте начальника жандармской команды. Правда, последнего по решению шефа жандармов Орлова на следующий же день отпустили, признав невинно подвергнутым ответственности «за беспрекословное исполнение распоряжения главного местного начальства» [6, л.34].

В заметках современников отмечалось, что «по воле государя в то время было принято за правило вообще, чтобы земская полиция, наблюдая за порядком при высочайших путешествиях, не была сама видима» [26, с.451]. Исправники и становые приставы переоблачались в партикулярное платье и в дороге старались не попадаться на глаза Николаю I. Неудачная маскировка или опрометчивые поступки сулили неблагоприятные последствия, вплоть до ареста и штрафов. К примеру, в 1842–1844 гг.¹⁷ по пути в Житомир император, обладая «особенной дальновзоркостью», заметил далеко впереди исправника В.С.Новицкого, завершавшего приготовления на последней перед городом почтовой станции и попытавшегося поскорее скрыться из виду. Фельдъегерю было приказано догнать, арестовать и отправить на гауптвахту нарушителя. А волынскому губернатору Г.С.Лошкареву, ожидавшему экипаж при въезде в Житомир, было выражено «неудовольствие» (император не «осчастливил» его своим приветствием, а изволил «почивать») [26, с.452]. Впоследствии Николай I простил оплошность исправника, приказал освободить из-под ареста и не вносить взыскание в послужной список, однако этот «печальный эпизод», вспоминаемый с содроганием, произвел неизгладимое впечатление.

Интересный случай произошел в середине 1840-х гг. во время следования императора по Курской губернии. Становой пристав Обоянского уезда П.А.Миллер «в телеге, запряженной тройкой обывательских лошадей, с двумя под дугой колокольчиками» осмелился на полном ходу обогнать «царскую коляску», при этом проскакал так близко, что едва не задел ее, а поднявшийся из-за этого маневра густой столб пыли «обдал

¹⁷ Автор воспоминаний неверно относит этот случай к более позднему времени (1845–1846 гг.). Согласно официальным спискам должностных лиц Волынской губернии, главный персонаж, Новицкий, занимал должность житомирского исправника в 1842–1844 гг.

государя и сидевшего с ним рядом генерал-адъютанта графа А.Ф.Орлова» [16, с.491]. Разгневанный такой выходкой император смягчился, увидев пред собой нескладную фигуру в нелепом костюме¹⁸, оправдывающуюся желанием «денно и ночью охранять спокойствие... государя, не щадя живота своего до капли крови» [16, с.493]. И, вероятно, «из сожаления к этому шуту» не мог определиться, какому наказанию его подвергнуть. «Хромоногое телохранителя» взяли с собой до Белгорода, где под надзором отправили к курскому губернатору для решения дальнейшей участи¹⁹.

«Народ при многочисленном собрании повсюду следовал за его величеством»

Принято считать, что главной целью поездок Николая I являлись смотр войск и военных учреждений. Как справедливо отметила Л.А.Булгакова, «в войсках всегда ждали его,

рассчитывая на награды за усердие и исправность» [26, с.431]. К этому следует прибавить и то, что на ученья и смотры войск стекались многочисленная «публика» и отставные военные «из далеких мест» в надежде увидеть императора или подать прошение. Часть материалов, сохранившихся в фонде III Отделения, посвящена описанию этих событий. В основном встречаются краткие и однотипные заметки, хотя есть и весьма любопытные. Так, например, в 1842 г. в Чугуеве «старики из военных поселян... с хлебом, солью и фруктами кланялись его величеству, с ними представлялся отставной солдат Изюмского гусарского полка 110 лет, пришедший за 200 верст пешком собственно с той целью, чтобы видеть императора, что было приятно его величеству: изволил пожаловать ему на шею серебряную медаль и 100 руб. серебром» [6, л.21–21 об.].

¹⁸ Внешний вид дерзкого нарушителя вызывал смех и жалость: «Этот Миллер крайне миниатюрного роста, в корпусе худой, тонкий, левая нога у него короче правой, отчего он очень хромал, мундир на нем по тогдашней форме был с хвостиками назад, огромная допотопная шапка и такая же большая порыжевшая от времени шляпа, скрывавшая главу Миллера и до половины лица. В таком наряде он скорее годился в маскарад, чем являться к государю...» [16, с.492].

¹⁹ Миллер был доставлен в Курск «при рапорте белгородского городничего», но без указания виновности и меры наказания. Губернатор А.П.Устимович, не понимая, что дальше делать, и ожидая разъяснений, оставил его жить в своем доме. А когда спустя 3 месяца поступило распоряжение Орлова отправить провинившегося обратно к месту службы, Устимович успел проникнуться к нему доверием и решил назначить своим чиновником особых поручений.

В ходе путешествий Николай I, конечно, обращал внимание и на деятельность местной администрации по гражданской части, осматривая присутственные места, богоугодные и учебные заведения. Император, предпочитавший передвигаться по России со стремительной быстротой, во многих городах долго не задерживался, но и за это время ему удавалось ознакомиться с состоянием правительственных учреждений.

Император Николай I своим присутствием умирят холерный бунт в Санкт-Петербурге в 1831 году
(литография из французского периодического издания *Album Cosmopolite*. 1839 г.)

Судя по донесениям губернских штаб-офицеров, явные нарушения не оставались незамеченными, и распоряжения к исполнению, как правило, отдавались на месте. Некоторые решения Николая I, не укладывавшиеся в привычные административные схемы и больше напоминавшие меры воспитательного воздействия, принимались в назидание другим. Как, например, в 1834 г. в Нижнем Новгороде, обнаружив богоугодные заведения в ненадлежащем состоянии, император приказал неременному члену приказа общественного призрения 8 дней подряд посещать казармы расквартированного там батальона, «дабы научиться в оных порядку, чистоте и опрятности» [3, л.50]. В тех случаях, когда

требовалось выяснить обстоятельства нарушения закона и установить виновника, назначалось расследование, которое высшие органы власти брали под особый контроль. Что же касается увольнений или кадровых перестановок, то с этим Николай I не торопился. По-видимому, он старался придерживаться тех принципов, которые озвучивал в наставлениях цесаревичу Александру Николаевичу, предостерегая его «быть крайне осторожным» в общении с местными чиновниками, в первую очередь с губернской администрацией: «оказывая должное уважение старшим властям, ты не столько взирать должен на личные их качества, до слуха твоего дойти могущих, сколько на доказываемую степень доверия к ним от правительства по важности занимаемой ими должности» [11, с.25]. Правда, встречались и особые случаи. Так, в 1835 г. в Курске государь распорядился об «отрешении» председателя уголовной палаты и назначил на его место «благонамеренного чиновника», а дворянству дал «отеческое наставление», чтобы впредь не избирали «вредных» для службы лиц [4, л.16, 18–19]. Конечно, это пример взвешенного, а не сиюминутного решения, принятого еще в столице на основании многочисленных донесений о злоупотреблениях, которое император лично привел в исполнение (как представляется, для «пущего» эффекта и во избежание конфликтных ситуаций среди местных чиновников).

Следует также отметить и еще одну важную функцию путешествий – прямое взаимодействие верховной власти с населением, когда у людей разных чинов и званий появлялась возможность подать свои прошения и жалобы практически «в собственные руки». Содержание таких просьб могло быть самым разным²⁰, вплоть до ходатайств о даровании помилования политическим преступникам [6, л.1–34 (вложение)]. Когда позволяло время или этого требовал случай, император сам расспрашивал простой народ, хотя и «не везде получал ответы вполне удовлетворительные, а иные сбивчивые и противуречащие» [7, л.83]. При виде совершенно бедственного положения жителей (страдающих от природных катаклизмов, болезней, неурожая, голода и т.п.), он брал ситуацию под личный контроль, а губернскому начальству предписывал в кратчайшие сроки принять соответствующие меры [7, л.83 об.]. Далекое не во всех губерниях местные чиновники были рады непосредственному общению

²⁰ К примеру, во время смотра войск в Чугуеве в 1842 г. было подано много просьб, «в коих родители [военнослужащих] для пропитания своего просят отдать им детей», т.е. дать отставку [6, л.14–14 об.].

Николая I с населением. И опасались они вовсе не происшествий, а, скорее, беспокоились за свою карьеру в случае подачи жалобы на их действия или бездействие, и потому предусмотрительно пытались организовывать «встречи». В отдельных случаях даже созывали крестьян «в праздничных платьях», инструктируя их, как правильно приветствовать монарха, что можно, а что нельзя делать, и когда необходимо прокричать радостное «ура!» [7, л.83]. В то же время при произвольном стечении народа «во многом числе» могли проявить изобретательность. Так, в 1834 г. во время проезда из Ярославля в Кострому на одной из почтовых станций «неудовольствие» императора вызвали придуманные даниловским земским исправником М.П.Пазухиным ограждения, «дабы не толпился народ» [3, л.34 об.]. Хотел ли чиновник тем самым не допустить случайных просителей или же это свидетельствовало о его недальновидности, – однозначно сказать сложно. Но за свой поступок он был арестован на 8 дней, а произошедшее событие со временем дополнилось домыслами и превратилось в исторический анекдот [32, с.200–204].

«Смотр стал целью общественной и государственной жизни»

«Вся Россия 30 лет была на смотре у державного фельдфебеля. Все делалось напоказ, для того чтоб державный приехал, взглянул и сказал: "Хорошо! Все в порядке!" ... Начальники

выставляли Россию перед императором на смотр на больших дорогах – и здесь было все хорошо, все в порядке; а что дальше – туда никто не заглядывал, там был черный двор», – так, весьма критично и безапелляционно, охарактеризовал путешествия Николая I известный историк С.М.Соловьев [33, с.619]. Среди документальных материалов, действительно, найдется немало сюжетов, соответствующих подобным негативным оценкам. И тем не менее не следует торопиться с вынесением «приговора». На сегодняшний день путешествия Николая I еще недостаточно изучены, чтобы в полной мере охарактеризовать их роль в системе государственного управления. Представленные в настоящей статье материалы касаются лишь отдельных аспектов проблемы, главным образом реакции губернской администрации и подготовительных мероприятий на местах. И, как видно, к приездам и проездам монарха провинциальное начальство готовилось основательно. Но иначе и не могло быть: не уделишь должного внимания – поплачешься карьерой. Официальное известие о путешествии достигало губернские центры незадолго

до прибытия Николая I, поэтому подготовку начинали уже при появлении первых слухов. С одной стороны, это сказывалось положительно на состоянии местного управления, аккумулировало деятельность провинциальных чиновников, заставляло их вспомнить о своих обязанностях и, хотя бы с внешней стороны, привести в порядок подчиненную им территорию. Но с другой – излишнее рвение и стремление угодить «главному» начальнику оборачивалось «перегибами» и дорогостоящей, обременительной для населения подготовкой, а показательной характер деятельности затмевал истинное положение дел на местах.

Библиографический список

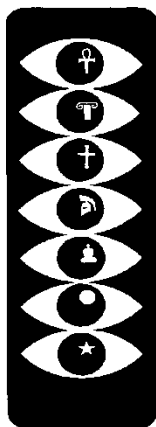
1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.109. 1 эксп. Оп.7. Д.155.
2. ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.8. Д.116.
3. ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.9. Д.174.
4. ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.10. Д.215.
5. ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.16. Д.116.
6. ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.17. Д.210.
7. ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.20. Д.92.
8. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: «Рос. Фонд Культуры», 2012. 761 с.
9. Бессарабова Н.В. Путешествие Екатерины II по России. М.: МГИ им. Е.Р.Дашковой, 2008. 269 с.
10. Бибииков Г.Н. А.Х.Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.
11. Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / публ. Л.Г.Захаровой, Л.И.Тютюнник. М.: МГУ, 1999. 184 с.
12. Волвенко А.А. «Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором». Записка А.П.Чеботарева // Вестник архивиста. 2016. №3. С.121–134.
13. Выскочков Л.В. Император Николай I: Человек и государь. СПб.: СПбГУ, 2001. 644 с.
14. Горская Н. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. №1. С.26–36.
15. Гузаиров Т. Сценарий и непредсказуемость. Впечатления и размышления участников путешествия по России 1837 г. // Имагология и компаративистика. 2017. №8 (2). С.62–83.
16. Давыдов Н. К рассказам из жизни императора Николая I. 1844–1845 гг. // Русская старина. 1886. Т.52. №11. С.491–494.

17. Зиновкина Н. «Люцерна косилась в третий раз...». Александр I и Калужский край // Родина. 2014. №10. С.59–62.
18. Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. 251 с.
19. Из дневника П.Г.Дивова. 1833 г. // Русская старина. 1900. №4. С.127–137.
20. Ильченко Д.В. Император Николай Павлович в уездном городе Чембар в 1836 г. // Русская старина. 1882. Т.36. №12. С.523–534.
21. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т.5: Курс русской истории. Ч.5 / под ред. В.Л.Янина. М.: Мысль, 1989. 476 с.
22. Коршунков В. Царь-коляска // Родина. 2019. №12. С.112–115.
23. Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры / под ред. Д.А.Скалон. Т.2: Царствование Императора Николая I, 1825–1855. СПб.: тип. П.П.Сойкина, 1902. 134 с.
24. Литвин А., Сидорова М. Журнал высочайшего путешествия. Описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. 2011. №7. С.11–14.
25. Майорова А.С. Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т.15. Вып.1. С.81–86.
26. Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / отв. ред. А.Н.Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2007. 530 с.
27. Николай I: Наставления наследнику. Материалы к путешествию цесаревича Александра Николаевича по России и Европе в 1837–1839 гг. / публ. Н.В.Самовер // Наше наследие. 1997. №39/40. С.50–57.
28. Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. «Всенародное обручение наследника с Россией» (к 200-летию со дня рождения императора Александра II) // Манускрипт. 2018. №12–2 (98). С.243–248.
29. Пушкин А.С. Дневники. Записки / подгот. Я.Л.Левкович. СПб.: Наука, 1995. 331 с.
30. Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.
31. Смирнов Ю. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на Восток // Родина. 2011. №7. С.91–94.
32. Смирнов Я.Е. Неизвестный рассказ Леонида Трефолева: [«Рассказ о том, как даниловцы по канату ходили. Исторический анекдот»] // Мера. 2011. №1. С.198–204.
33. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн.ХVIII. Работы разных лет / отв. ред. И.Д.Ковальченко. М.: Мысль, 1995. 717 с.
34. Солодова В.В. М.С.Воронцов и путешествие Императора Николая I по Новороссии в 1837 году // К 150-летию Алушкинского дворца: Материалы I Крымских Воронцовских чтений. Симферополь: Крымский архив, 2000. С.35–42.
35. Указ от 11 августа 1802 г. «О нечинении никаких особенных распоряжений для встречи государя императора и императорской фамилии в городах и селениях на случай путешествия высочайших особ» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание I. Т.27. СПб.: тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. №20366. С.219.

КАК В ПРОВИНЦИИ ГОТОВИЛИСЬ К ПРИЕЗДУ НИКОЛАЯ I

36. Указ от 24 мая 1828 г. «О воспрещении военным и гражданским чинам во время путешествий его величества делать встречи» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание II. Т.3. СПб.: тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. №2050. С.574.
37. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
38. Чернышев А.И. Историческое обозрение военно-сухопутного управления. 1825–1850. СПб.: Военная тип., 1850. 193 с.
39. Эвальд А.В. Рассказы об императоре Николае I // Исторический вестник. 1896. Т.65. №7. С.51–71.

Галина Ульянова

**ДВОРЯНКИ – ВЛАДЕЛИЦЫ
ФАБРИК И ЗАВОДОВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).07

В статье представлена деятельность дворянок-предпринимательниц, владевших фабриками и заводами, и сделана попытка изучения их занятий бизнесом как реализации закрепленного в законодательстве права независимого распоряжения собственностью. Согласно «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», женщины владели 165 предприятиями, из них 46% принадлежало дворянкам. Анализ «Списка фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» показал, что дворянки владели 241 предприятием из 484 «женских», что составило 50%. Доля женщин среди владельцев предприятий выросла с 4,4% в 1814 г. до 9,1% в 1832 г. Просопографические данные позволили рассмотреть параметры собственности и влияния, а также стиль менеджмента дворянок-предпринимательниц. Показано, что в дворянских латифундиях промышленное предприятие было одним из элементов инфраструктуры.

Focusing on noble female entrepreneurs as factory-owners, this article explores women as active subjects of entrepreneurship and it attempts to study their practices as a right to independent ownership of property. According to the «Register of Factories in Russia for the Years 1813 and 1814», in 1814, business-women owned 165 industrial enterprises, and noble owners run 46% of them. An analysis of «The List of Factory-Owners and Manufacturers of the Russian Empire for the Year 1832» shows that noblewomen owned 241 enterprises out of 484 (or 50%), belonging to women. The share of women among factory owners grew from 4.4% in 1814 to 9.1% in 1832. The parameters of noble women properties, influence, and style of management are examined using detailed prosopographical data. The author concludes that in a noble economic unit centred on the manorial estate, industrial enterprises were one of the elements of infrastructure.

Ключевые слова: предпринимательство; дворянство; история России в XVIII и XIX веке; имперская Россия; история женщин; история фабрик; права собственности в браке.

Key words: entrepreneurship; nobility; 18th and 19th-century Russian history; Imperial Russia; women's history; factory history; marital property rights.

E-mail: galina.ulianova@gmail.com

¹Иллюстрации к статье взяты из книги «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (издание вел. князя Николая Михайловича). Т.1–5. СПб., 1905–1909.

Проблема изучения женского предпринимательства

Уже на заре индустриального развития, в XVIII в., российские дворянки владели крупными предприятиями, например, в Москве две суконные мануфактуры, основанные в 1763 и 1769 гг., принадлежали адмиральше П.Мятлевой и княгине И.Юсуповой [22, с.95]. Промышленные заведения во владении женщин были почти во всех губерниях. Согласно «Ведомости о состоящих в ведомстве Мануфактур-коллегии всех российских фабриках» 1775 г., «госпоже майорше» Аграфене Дурасовой принадлежала суконная фабрика с 57 крепостными работниками в Симбирской губ., а Анне Салтыковой, «супруге покойного тайного советника Н.П.Салтыкова» – стеклянная фабрика с 18 крепостными в Смоленской губ. [19, с.308, 311].

Предпринимательство дворянства до сих пор исследовано мало, предпринимательство женщин еще менее. Этому мешают стереотипы, согласно которым для большинства современных читателей дворянки исключительно «порхали по балам и светским раутам», а в перерывах выходили замуж и рожали детей. При этом женщины дворянского сословия в общественном сознании остаются преимущественно эфемерными созданиями, чуждыми всех материальных проблем жизни.

Только в самое последнее время историки стали писать о том, что, в условиях господствовавшего в российском законодательстве с 1753 г. принципа раздельной собственности супругов в браке, женщины в XVIII и XIX вв. были участницами экономической жизни, прежде всего, в качестве собственниц, а также в качестве владелиц промышленных предприятий. В числе серьезных работ, затронувших вопросы хозяйствования дворянок, следует назвать труды Н.В.Козловой, М.Маррезе, Л.Фарроу, К.Пикеринг Антоновой, А.В.Беловой [23, с.47–64; 51; 50; 49; 11]. Вопрос об экономической активности дворянок впервые был изучен американским историком М.Маррезе, которая в монографии «Царство женщин: дворянки и контроль над собственностью. 1700–1861», отметила, что «к началу XIX в.

Прасковья Яковлевна Мятлева (1726–1782). Портрет И.Олешкевича. 1825 г.

дворянки были участниками примерно 40% имущественных сделок в качестве продавцов и инвесторов, повсеместно в России эта цифра, насколько нам известно, намного превосходит владение собственностью в других европейских странах» [51, с.117].

Главным различием между российским и западноевропейским законодательством было то, что, согласно российским законам XVIII–XIX вв., женщина пользовалась такими же имущественными правами, как и мужчина. Господствовал принцип раздельной собственности в браке (чего не было в большинстве западноевропейских стран, кроме, пожалуй, Габсбургской империи), и после женитьбы муж не обретал юридических прав на имущество жены. Каждый из супругов мог иметь и вновь приобретать отдельную собственность (через куплю, дар, наследство или иным законным способом), причем разрешения супруга не требовалось: 14 июня 1753 г. был принят закон, гласивший, что «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей» [31, т.XIII, №10111]. Супруги могли вступать друг с другом в имущественные сделки как совершенно посторонние лица, что было подтверждено в 1825 г. законоположением «Пояснение, что продажа имения от одного супруга другому не противоречит закону» [31, т.XL, №30472].

Даже передача имущества внутри семьи от мужа к жене (и наоборот) осуществлялась только путем продажи или дара. В «Своде законов Российской империи»(1832) принцип раздельной собственности в браке был окончательно закреплен в формуле: «Имущество жены не только не становится собственностью мужа, но, независимо от способа и времени его приобретения (во время ли замужества или до него), муж браком не приобретает даже права пользования имуществом жены» [39, ч.1, ст.80–81]. Единоличное владение женщиной имуществом, в составе которого могла быть фабрика или торговая фирма, положительно повлияло на развитие женского предпринимательства.

Источники, содержащие информацию о фабриках и заводах в первой половине XIX века, довольно малочисленны. Для рубежа XVIII–XIX вв. – ведомости, поданные в Мануфактур-коллегию, хранящиеся в РГАДА. Для поздних десятилетий были использованы опубликованные источники как общероссийские своды: «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы» [12] и «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» [43], а также «Атлас промышленности Московской губернии» 1845 г. [37]. Соединение информации из реестров промышленной статистики с генеалогической информацией о предпри-

ДВОРЯНКИ – ВЛАДЕЛИЦЫ ФАБРИК И ЗАВОДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

нимательницах-дворянках дает картину их самостоятельной экономической деятельности.

По официальной статистике в 1814 г. фабрик во владении женщин на всю империю было 165, и среди собственников доминировали дворянки – 76 чел. или 46% (купчихи занимали вторую позицию – 63 чел. или 38%, мещанки третью – 20 человек или 12%).

Подсчеты по «Списку фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» показали, что в 1832 г. промышленных предприятий во владении женщин было 484, из них дворянкам принадлежало 241 или 49,8% (купчихам – 172 или 35,5%, мещанкам 48 или 10%, прочие – крестьянкам, цеховым, солдатке). В сравнении с ситуацией 1814 г. абсолютное количество «дворянских» предприятий выросло в 3,2 раза, а доля их увеличилась почти до 50%. В 1832 г. дворянкам принадлежали 64 суконные фабрики, 64 предприятия по производству поташа и селитры, 34 завода по производству металлов и металлоизделий, 22 стеклянных и хрустальных завода, 16 писчебумажных фабрик и др.

В первой половине XIX века промышленные предприятия собственников-дворянок располагались, по преимуществу, в их собственных имениях и использовали труд крепостных крестьян, а не вольнонаемных рабочих. Помещичьи имения в изучаемый период являлись основной хозяйственной единицей экономики страны. В руках земельной аристократии в первой половине XIX в. было около 29% территории Европейской России [14, с.238].

В статье будет рассмотрено развитие промышленного предпринимательства женщин на протяжении полувека: в конце XVIII – первой половине XIX в. В числе основных затронутых вопросов – функционирование дворянских фабрик на рубеже XVIII–XIX вв. по материалам Архива древних актов (РГАДА), причем особо рассмотрены будут винокуренные предприятия как прерогатива дворянства; промышленная деятельность высшей родовой аристократии и модели наследования имений; работа дворянских суконных предприятий с крепостными рабочими. В качестве наиболее ярких примеров предпринимательниц-дворянок представлены биографии Н.П.Голицыной и А.А.Полторацкой.

Фабрикантки конца XVIII – начала XIX века по материалам Архива древних актов

В Российском государственном архиве древних актов в фонде Мануфактур-коллегии сохранились интересные документы о предприятиях

женщин-владелиц за 1797–1802 гг. (а иногда и за последующие годы). В Московской губернии было более 15 таких предприятий, в Петербургской – десять, в Архангельской – три, в Вологодской – одно. Среди них были дворянские текстильные фабрики, стекольные и хрустальные, винокуренные предприятия.

Например, в Архангельской губ. в начале XIX в. были предприятия двух дворянок: Анне Брюммер принадлежали мукомольная мельница и лесопилка, Елисавете Вердеревской – лесопилка. Обратимся к биографиям этих владелиц.

Жена военного, дворянка, этническая немка Анна Брюммер (1767 – после 1804) имела два предприятия в Петрозаводске, который в конце XVIII в. входил в состав Архангельской губ. Мельница и лесопилка были устроены в 1768 г. и имели самое простое оборудование, состоявшее на лесопилке из «двух рам, на коих выпиливаются доски», и на мельнице – из двух жерновов и восьми ступ «для толчения» [5, л.11–12]. Род Брюммеров был известен в России с XVII в., когда представители немецкой дворянской семьи из Северной Голштинии нанялись на службу в русскую армию. Позже они получили поместья в Лифляндии и Эстляндии. Анна-Кристина Брюммер была дочерью барона Фридриха Брюммера, имевшего замок Альт-Кальценау (ныне Векалснава в 150 км от Риги) и супругой майора российской армии Отто-Вильгельма фон Модраха, уроженца Баварии. Супруги имели сына Андрея, родившегося в 1801 г.

Дворянка, жена статского советника Елисавета Вердеревская владела лесопильным предприятием близ Петрозаводска. Оно было основано в 1790 г. и производило тес «из сосновых и еловых деревьев» [5, л.11–12]. В 1797 г. муж Елисаветы Николай Алексеевич Вердеревский (1753–1797), был олонеким вице-наместником², до этого он занимал разные административные посты в Новгородской и Тверской губерниях. У супругов было трое детей. Елизавета происходила из семьи полковника Извекова, помещика Тверской губ. Лесопилка была устроена с целью получения дополнительного дохода семьи. После трагической смерти мужа, застрелившегося в 1797 г., вдова Вердеревская продолжала содержать лесопилку.

² *Наместник – в этот период, должность руководителя губернии, позже губернатора (по «Учреждению для управления губернии» 1775 г.), назначаемого из Петербурга. Вице-наместник – первый заместитель наместника.*

Эти два примера показывают, что обе владелицы лесопильных предприятий были дочерьми и женами представителей высшей социальной страты, например, в случае Вердеревской, чиновника, присланного в губернию из Петербурга для административного контроля. Мотивом для владения предприятиями и включенностью в бизнес было понимание выгоды и востребованности лесного товара. Известный исследователь русской промышленности П.Г.Любомиров считал, что развитие лесопильных предприятий в Архангельской губ. (в 1760 г. – пять предприятий, в 1802 г. – 12) было связано с экспортом леса в Европу через Архангельский и Выборгский порты [27, с.222–249].

В XVIII в. был выпущен целый комплекс законов о запрете на самовольную рубку леса, были составлена опись и карта Архангельских лесов, организована служба форстмейстеров (Forstmeister), следившая за порядком в лесных угодьях и исполнением лесосберегающих законов. Случаи с устройством лесопильных заводов Вердеревской и Брюммер демонстрируют, что концессию на разработку карельского леса можно было получить, имея влиятельные связи в Петербурге.

Активно развивалось дворянское предпринимательство в Петербургской губ. По сведениям 1795–1802 гг., поданным в Мануфактур-коллегию, в Санкт-Петербурге и губернии владелицам-дворянкам принадлежало восемь предприятий.

Баронесса Регина-Луиза фон Фридерикс (1735–1821), супруга придворного банкира императрицы Екатерины II, владела двумя стекольно-хрустальными заводами в своем имении, мызе Ириновка в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии. Регина-Луиза, урожденная Христинек, происходила из петербургской немецкой семьи. Она была супругой Ивана Фридерикса (1723–1779), который имел голландские, по другим сведениям, шведские и финские корни. У супругов было девять детей.

В 1773 г. барон Фридерикс приобрел в окрестностях Ладожского озера значительные владения, включавшие мызу Ириновка, по одной из версий названную так в честь жены Регины (чье имя на русский манер звучало, как Ирина). Фридерикс устроил тут усадьбу для приема гостей, осушил болота и наладил добычу торфа, проложил дороги и каналы, а также основал железоделательный завод и устроил молочную ферму. Его супруга завела стекольный завод на реке Морье в 1774 г., и через 20 лет после первого, видя, что дела идут хорошо, еще один на мызе Ириновка. Как указано в ведомости, поданной в Мануфактур-коллегию,

завод устроен Региной-Луизой «в своей даче и своем владении ... по праву дворянства» [6, л.49–51].

На двух заводах производились оконные стекла, ежегодно по 400 ящиков (ящик содержал по 20 комплектов стекол, каждое стекло размером 97 см на 15 см) на сумму 24 800 руб. В ведомости 1797 г. отмечено, что «доброта [стекла] самая лучшая». Рабочие были вольнонаемные (количество не указано). После смерти мужа Регина-Луиза предпочла сдать фабрики в аренду своим же управляющим. Один завод арендовал «стеклянный мастер» немец Франц Нахман, другой – его брат Себастьян Нахман. С 1804 г. в числе арендаторов была женщина-предпринимательница – вдова купца Анна Ерофеева, которая вела дела в доле с Себастьяном Нахманом [3, л.1–3]. Можно предположить, что Себастьян хозяйничал на фабрике, а Анна занималась сбытом. Таким образом, мы видим на позднем этапе существования предприятия довольно редко встречающуюся модель имущественных отношений, когда арендодателем и арендатором были женщины. В 1812 г. престарелая баронесса Фридерикс продала имение Ириновка вместе с заводом, который просуществовал до 1912 г.

**Петербургская губерния:
винокуренные заводы дворянок.
Агафоклея Полторацкая**

Важнейшей отраслью, где действовала монополия дворян, было винокурение. Государство осуществляло особый надзор над изготовлением алкогольной продукции. Обо всех

винокуренных предприятиях подавались сведения в кабинет императрицы Екатерины II. Ведомость 1795 г. показывает, что в Петербургской губ. из 19 винокуренных предприятий дворянкам принадлежали семь. Все они находились в сельских имениях владелиц и в качестве рабочей силы использовали крепостных крестьян. Сырье для производства – пшеница и дрова – не закупалось, а использовалось из своего урожая и лесных угодий. Произведенный спирт гарантированно закупался казной, и меньшая доля оставалась производителю «на домашний обиход».

Крупнейший по объемам производства винокуренный завод принадлежал Агафоклее Полторацкой, супруге действительного статского советника. Предприятие находилось в Шлиссельбургском уезде и в 1795 г. произвело 26 300 «ведр»³ (или 323 490 литров), из которых 26 000 было

³ Ведро – основная русская неметрическая единица измерения объема жидкостей, 12,3 литра.

ДВОРЯНКИ – ВЛАДЕЛИЦЫ ФАБРИК И ЗАВОДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

продано по контракту «в казну», в том числе, 19 000 «в Придворную контору», в ведении которой был Императорский Двор [7, л.2–3]. Получение многолетнего выгодного контракта свидетельствовало о больших связях Полторацкой при дворе и личной предприимчивости.

Многое о Полторацкой известно (главным образом, по мемуарам, и особенно потому, что о ней писала ее любимая внучка Анна Петровна Керн, адресат стихотворения А.С.Пушкина «Я помню чудное мгновенье – передо мной явилась ты...»), а многое абсолютно неизвестно: были у нее упоминаемые мемуаристами несметные богатства или нет? И если были, то что являлось источником дохода? Найденные в РГАДА документы показали, что Полторацкая делала по контрактам огромные поставки спирта и водки ко двору. Которые, возможно, играли не меньшую роль, чем ее продажи на рынке сельскохозяйственной продукции (получаемой в результате барщины).

Агафоклея Александровна Полторацкая. Портрет Д.Г.Левицкого. 1781 г.

Агафоклея Александровна Полторацкая (1737–1822), урожденная Шишкова, родила 22 ребенка. И при этом славилась как властная правительница своих имений. Одна из красавиц пушкинской поры Анна Петровна Керн в написанных ею в старости мемуарах дала яркий портрет своей бабушки. Она писала о ней: «Была так умна и распорядительна, что, владея 4000 душ, многими заводами, фабриками и откупками, вела все хозяйственные дела сама без управляющего через старост. Этих старост она назначала из одной деревни в другую, отдаленную, где у них не было родни» [20, с.115; 45]. (Следует разъяснить, что это был известный способ избежать коррупции и кумовщины.)

По воспоминаниям внучки, стиль управления делами был весьма строгим и даже самодурным. Помещица Полторацкая, почти постоянно проживавшая в своем имении Грузины в Тверской губ., во дворце, по легенде построенном по проекту Растрелли, «всякую зиму лежала в постели и из подушек ее управляла всеми огромными делами, все же лето она была в поле и присматривала за работами» [20, с.115]. Ложе себе она устроила в большом зале, отделанном розовым мрамором, и там принимала управляющих.

Внучка писала в мемуарах, что «в этой комнате было две картины: Спаситель во весь рост и Екатерина II». Полторацкая была столь преданной поклонницей императрицы, что «купила после ее смерти все рубахи и других уже не носила».

Биографы Полторацкой писали, что к концу жизни у нее было 13 тысяч душ крепостных, а хозяйство ее неуклонно крепло. Муж Полторацкой служил директором Придворной певческой капеллы в Петербурге и не касался хозяйственных вопросов, поскольку и не имел прав на имущество супруги. К тому же, по свидетельству внучки, «энергичная личность бабушки стусевывала его личность» [20, с.118]. Но при этом любимую маленькую внучку Анну бабушка могла спросить, что подарить девочке – куклу или деревню? (Ребенок по возрасту выбрал куклу.)

Полторацкая не терпела прекословий. А.П.Керн вспоминала: «Она была очень строга и даже жестока», «когда бывала она недовольна кем-нибудь из детей, то проклинала виновного и называла его Пугачевым». Когда она узнала, что ее сын промотал переписанное ею на него имение в 150 душ, то была разъярена. По прибытии к ней сына на разговор, вскочила, когда он вошел в комнату. Ей в это время делали прическу. Присутствовавшие, видевшие ее в гневе, запомнили, что «седые ее волосы стали дыбом, она страшно закричала, изрекла несколько проклятий и выгнала» [20, с.118]. Уже на следующее утро, будучи отходчивой, она разговаривала как ни в чем не бывало, хотя сын продолжал пребывать в сильном потрясении. Он боялся, что страшный крик означал лишь одно – ему придется окончить жизнь проклятым и в нищете.

О деловых качествах и стратегическом уме Агафоклеи Полторацкой свидетельствует написанное ею в 82 года завещание (фрагменты его обнаружены в Отделе рукописей РГБ, в фонде внука Полторацкой. – Г.У.), в котором она распределила нажитое ею имущество между многочисленными детьми и внуками, подробно перечисляя села и деревни в трех губерниях (Петербургской, Тверской и Полтавской), имена крепостных крестьян, построек, лесов, пустошей и все капиталы [2, л.1–5]. Любопытно, что она, помня наизусть десятки имен крепостных, перебрасывала их семьями из имения в имение, из губернии в губернию, чтобы уравнивать имущество и количество «крепостных душ» между детьми по ей самой понятной «справедливости» и по степени благосклонности к своим отпрыскам.

Остальные винокуренные заводы были гораздо меньше по размерам, чем у Полторацкой. Они принадлежали следующим собственницам: Елене Ребиндер, Саре-Элеоноре Стенбок-Фермор, Агафье Корсаковой, а

также супруге майора Анне Рыкачевой, дочери генерала Марье Хвостовой, Елизавете Аничковой [7, л.4–7].

Супруге генерал-поручика Елене Ивановне Ребиндер принадлежало два винокуренных завода при мызе Войсковица, в 12 км от Гатчины. В 1795 г. было выработано 4190 ведер дистиллированной алкогольной продукции (в современных мерах, 52 375 л), из которых отдано «в казну» 4000 ведер (в современных мерах, 49 200 л) и оставлено для личного употребления 90 ведер (1107 л). Елена Ребиндер имела в собственности 799 крепостных крестьян [7, л.3–4]. В рассматриваемом случае собственницей опять является представительница высшего слоя аристократии – Вильгельмина-Елена (1744–1806), урожденная фон Штакельберг, которая была супругой генерала Рейнгольда-Иоганна Ребиндера, видного сподвижника императрицы Екатерины II, дипломата, позже правителя Белорусского наместничества, нижегородского и пензенского губернатора. Он принадлежал к старинному немецкому дворянскому роду. Елена родила девять детей.

Графиня Сара-Элеонора Стенбок-Фермор (1740–1818), владевшая 237 крестьянами, производила на своем заводе (осн. 1795) в Новоладожском уезде 750 ведер в год (9225 л), из которых в казну шло 650 ведер [7, л.4–5]. Она была единственной дочерью видного военачальника – генерал-аншефа, генерал-губернатора Смоленска Виллима Фермора, приехавшего в Россию из Шотландии. Мужем Сары-Элеоноры был Якоб Понтус Стенбок, российский генерал, происходивший из шведского дворянства, в браке супруги имели восемь детей [26, с.453–458].

Богатая помещица Агафья Григорьевна Корсакова (1748–1826) на заводе в поместье Верхоляне (Верхоляны), «в шести верстах от г. Гдова», производила 200 ведер в казну и 30 для себя [7, л.5–6]. После смерти брата, погибшего в 21 год, Агафья осталась единственной наследницей своего отца Григория Коновницына, после смерти которого получила значительные земельные владения и 3000 крепостных крестьян. Вышла замуж в 16 лет и родила четверых детей. В семейной генеалогии указано, что Коновницыны при Екатерине II «были в большой силе при Императорском Дворе», и дядя Агафьи, Петр Петрович был губернатором Петербурга в 1786–1893 гг. По семейной легенде, «Агафья Григорьевна была красавицей собою, любила наряжаться, танцовать и веселиться» [18, с.57–58].

В деятельности владелиц винокуренных заводов есть много сходных черт. Все они были помещицами, имевшими в своих поместьях ста-

бильное хозяйство. Мужья их (иногда другие близкие родственники) занимали высокие посты в военной и гражданской иерархии, служа, к примеру, генералами или губернаторами. Все были замужем и имели детей (от четырех до девяти). Можно говорить о том, что устройство винокуренных заводов было не только источником дохода при продаже в казну. Оно также являлось хозяйственной необходимостью в случае своего потребления, когда алкогольные дистилляты использовались не только как горячительные напитки, но и для консервирования овощей и грибов, для медицинских целей (дезинфекция, компрессы, обертывание, лечение внутренних болезней). Промышленное винокурение для элиты дворянства также стало своеобразной модой, давая дополнительный доход от поставок в казну и ощущение включенности в систему широких государственных и общественных связей.

**Родовая аристократия
и модели наследования**

В «Списке фабрикантам и заводчикам 1832 года» среди владельцев дворянок особый интерес представляет группа представительниц родовой аристократии. Сюда вошли 26

персон, которые по родителям или по мужу относились к высшей аристократии – княжеским родам Бярятинских, Волконских, Вяземских, Гагариных, Голицыных, Долгоруковых, Мещерских, Радзивилл, Репниных, Хованских; графским – Апраксиных, Толстых, Браницких, Закревских, Зубовых, Лаваль, Орловых, Потоцких, Разумовских, Салтыковых, Уваровых, Чернышевых, Шереметевых.

Каким образом собственность в виде промышленных предприятий оказывалась в руках женщин? Изучение деталей получения имущества в сопоставлении с генеалогическими данными дало возможность определить несколько типов наследования и владения предприятиями.

Подсчеты показали, что в половине случаев дочь получала имущество от родителей (отца или матери) – 13 случаев среди 26 персон (или 50%). Причем десять дочерей получили владения отца и три – владения матери. Тут существовало три варианта – подарок, приданое или по завещанию (последний наиболее частый).

Еще пять персон (20%) женщин получили собственность от мужей – как подарок или наследство. Отмечен один случай приобретения собственности – покупка графиней А.Г.Лаваль имения в Таврической губ. В

семи случаях из 26 схему приобретения собственности установить не удалось. Рассмотрим наиболее яркие документированные случаи владения собственностью.

Владелица трех предприятий «тайная советница», супруга директора Ассигнационного банка сенатора П.В.Мятлева, Прасковья Ивановна Мятлева (1772–1859) унаследовала вотчину с крупным селом Порецкое в Симбирской губ. от отца – генерал-фельдмаршала графа И.П.Салтыкова (1730–1805), а тот, в свою очередь, от своего отца – графа и генерал-фельдмаршала П.С.Салтыкова (1698–1772). Граф П.С.Салтыков, посланный Петром I во Францию для обучения морскому делу, свыше 15 лет прослужил во французском военно-морском флоте, затем был московским генерал-губернатором в 1762–1772 годах. Со-

Прасковья Ивановна Мятлева.
Портрет К.Штейбена

временные читатели знают семью Мятлевых больше по сыну Прасковьи Ивановны – Ивану Мятлеву, который был поэтом и дружил с А.С.Пушкиным. И.П.Мятлев (1796–1844) был крупным чиновником Министерства финансов, камергером, а не только стихотворцем.

Предприятия Мятлевой были устроены ее отцом и включали суконную фабрику (выпускались сукна и ковры) и кожевенную фабрику – обе в селе Порецком Алатырского уезда, а также кожевенный завод в селе Батаево Казанской губ. [43, с.198, 703, 705]. На суконной фабрике трудилось 18–20 работников, годовое производство составляло 38–40 ковров. Изделия суконной фабрики были представлены на мануфактурной выставке 1833 г.: ковры (разной величины) из русской, английской, силезской шерсти, а также «дорожки» и «тесмы» [47, с.109].

Кожевенный завод в Порецком, производивший кожи юфтовые (отличались большой прочностью и эластичностью, употреблялись на обувь), опойковые и подошвенные, был большим предприятием. Тут для обработки кож было более 60 чанов, и трудилось 50 крепостных работников. В Санкт-Петербурге Прасковья по более поздним данным

1839 г. имела и четвертое предприятие – завод по производству стеариновых свечей в совладении с М. фон Кельдерманом [46, с.93]. В латифундии Мятлевой, кроме Порецкого, было еще восемь сел и деревень, всего же – 4391 крепостной мужского пола, как следовало из изданных в 1860 г. Приложений к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости [34, с.10].

Документы из фонда Мятлевых в РГАДА показали, что Прасковья Ивановна почти ежегодно посещала Порецкое (об этом также известно из мемуарной литературы, связанной с ее сыном И.П.Мятлевым). Во время летних пребываний в поместье она вникала в дела хозяйства. Однако, как и у большинства крупных помещиков, управление помещьем шло через управляющих. Сохранившиеся купчие на покупку и продажу земли демонстрируют, что от имени и по доверенности хозяев сделка с обеих сторон велась управляющими [8, л.20–21].

Прасковья Мятлева получила хорошее домашнее образование, знала несколько языков. Мемуарист Ф.Ф.Вигель с восхищением отзывался о стиле поведения графини Салтыковой и ее дочери Мятлевой: «Не знаю, откуда могли они взять совершенство неподражаемого своего тона, всю важность русских боярынь вместе с непринужденною учтивостью, с точностью приличий, которыми отличались дюшесы прежних времен» [13, с.192]. Большим ее увлечением были театральные спектакли, устраиваемые в подмосковном имении родителей – Марфине, особенно к 23 и 24 июня, дню рождения и именинам фельдмаршала Салтыкова: «Великую страсть имела г-жа Мятлева являться на сцене в домашнем театре, разумеется, во французских пьесах» [13, с.192].

От матери унаследовала поместье с фабрикой княгиня Варвара Сергеевна Долгорукова (встречается также написание Долгорукая) (1793–1833). Она была дочерью гофмейстера, князя Сергея Сергеевича Гагарина (1745–1798) от брака с княжной Варварой Николаевной Голи-

Варвара Сергеевна Долгорукова.
Портрет А.-Ф.Ризенера

цыной (1762–1802), то есть по отцовской и материнской линиям принадлежала к сливкам аристократии. Льяная фабрика в селе Каменке Нижне-Ломовского уезда Пензенской губ. изготавливала тонкое полотно, скатерти и салфетки [43, с.557]. Замужем Варвара с 1812 г. была за камер-юнкером, обер-шталмейстером князем Василием Васильевичем Долгоруковым (1787–1858). Владельцами Каменки до Варвары Сергеевны были ее мать, княгиня Варвара Николаевна Гагарина (умерла в 1802 г., когда девочке было девять лет), а ранее дед (отец матери) князь Николай Михайлович Голицын [16, с.150].

От родителей (матери, ранее наследовавшей от мужа) получила предприятия статская советница Анна Петровна Полторацкая (1772–1842). Она имела три металлических завода в селах Столпцы и Коленцы Пронского уезда Рязанской губ. На предприятиях производились «иглы, проволоки и железо разного сорта», а также оспопрививательные ланцеты, шпильки для суконных и полотняных фабрик, «чулошные спицы» [43, с.631; 47, с.25; 1, л.2], и трудилось до 600–700 работников. В начале 1840-х гг. в Коленцах выделялось 75 млн игл в год, а в Столпцах – 45 млн [28, с.58]. (В России в 1846 г. было 54 млн чел. населения.)

Почти вся продукция продавалась на Нижегородской ярмарке, откуда купцами-оптовиками распространялась по всей России. Изделия заводов Полторацкой за отменное качество были удостоены большой серебряной медали на Выставке произведений отечественной промышленности 1831 года [43, с.631].

Предприятия были куплены в 1773 г. отцом Анны Полторацкой Петром Кирилловичем Хлебниковым у представителей династии Рюминых, основавших предприятия еще в 1717 г.[25, с.7].

Семья богачей Хлебниковых была известная. Петр Кириллович, соратник К.Г.Разумовского, генерал, владелец Пронских металлических заводов и Благовещенского медеплавильного на Урале, будучи библиофилом, собрал уникальную библиотеку рукописей и книжных раритетов (например, ими пользовался Н.М.Карамзин при написании «Истории Государства Российского»). Его брат Тимофей был директором торговой Российской северо-американской компании, 16 лет прожил в Америке в 1817–1833 гг. для торговых операций.

Хлебников был женат на дочери купца Петрова, владельца крупного чугунолитейного завода на Урале. После смерти П.К.Хлеб-

никова, владелицей Пронских фабрик была его вдова Ирина Яковлевна, а после ее кончины предприятия перешли в собственность Анны Петровны. Анна Полторацкая владела фабриками до ухода из жизни в 1842 г. После нее эти крупнейшие в России фабрики наследовал сын Сергей Дмитриевич Полторацкий (1803–1884), знаменитый библиофил и литературный критик своего времени, близкий знакомый А.С.Пушкина, двоюродный брат Анны Керн. Анна Петровна была замужем за Дмитрием Марковичем Полторацким (1761–1818). О своем крестном, Д.М.Полторацком (одним из 22 детей, родившихся у Марка и Агафоклеи Полторацких) А.П.Керн писала: «Лучший из них и богатейший по жене (выделено мною. – Г.У.) был Дмитрий Маркович. Он был бесконечно добр» [20, с.114]. Дела фабрики Полторацкая вела вместе с мужем. Супруги были горячими сторонниками рационального хозяйства – их оснащенное новейшей английской сельскохозяйственной техникой имение Авчурино в Калужской губ. посещали императоры Александр I и Николай II.

От мужа получила владение Вера Ивановна Хлюстина (1783–1879), урожденная графиня Толстая, родная сестра Федора Ивановича Толстого («Американца»), двоюродная тетка Льва Толстого. Родителями ее были генерал-майор И.А.Толстой и А.Ф.Майкова. Замужем была за штаб-ротмистром Семеном Антоновичем Хлюстиным [29, с.635]. «Штаб-ротмистрша с детьми» Хлюстина была владелицей трех фабрик в Курской и Калужской губ.: писчебумажной при селе Троицком Медынского уезда (выпускалась бумага «почтовая, полуголландская, оберточная, чайная»); по производству красок – там же (выпускалась «лазорь»); суконной – в селе Красном Хотмыжского уезда Курской губ. [43, с.226, 229, 259]. Имение Троицкое было куплено свекром Веры Ивановны, А.С.Хлюстиным, потом почти столетие принадлежало Хлюстиным. Троицкая писчебумажная фабрика была устроена предыдущим владельцем князем Я.А.Козловским в 1787 г. и существует до сих пор (Троицко-Кондровская бумажная фабрика). Хлюстины продали фабрику в 1858 г. англичанину Василию Говарду (учредившему в 1858 «Компанию Троицко-Кондровских писчебумажных фабрик В.Говарда») [44, с.63]. О личном участии Веры Ивановны в руководстве фабрики сведений не найдено. Известно, что писчей бумагой «фабрики господ Хлюстиных» пользовался А.С.Пушкин, в частности, в 1822 г.

Среди рассматриваемых примеров был один случай личной покупки поместья с предприятием. Покупка у графа Завадовского имения Саблы в Крыму была совершена в 1826 г. (по другим данным, в 1828 г.) графиней Александрой Григорьевной Лаваль (1772–1850). Имение Саблы включало фабрику, выпускавшую тонкие сукна [43, с.742]. Графиня Лаваль была урожденная Козицкая (дочь статс-секретаря Екатерины II), ее мать происходила из рода известных горнопромышленников Мясниковых-Твердышевых, о которых Пушкин упоминал в примечаниях к «Истории Пугачева»: «Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть донныне одни из богатейших людей в России». Муж Александры Григорьевны, француз Жан Лаваль (1761–1846) приехал в Россию во время Великой Французской революции, преподавал в Морском корпусе и потом сделал карьеру до камергера, чиновника Министерства иностранных дел. Был возведен королем Людовиком XVIII в графское достоинство, в 1817 г. признанное в России [17, с.57, 528–529]. После смерти графини Лаваль имение Саблы унаследовала ее дочь Екатерина Трубецкая, жена декабриста Сергея Трубецкого, последовавшая за мужем в Сибирь и умершая в ссылке в Иркутске в 1854 г. Личное участие Лаваль в руководстве предприятием и принятии решений пока остается неясным.

Александра Григорьевна Лаваль.
Портрет П.Герена. 1825 г.

Наталья Александровна Зубова.
Художник не указан

Не удалось установить, от кого получили поместья с предприятиями следующие семь персон, которых важно назвать, чтобы показать широкий отраслевой и географический спектр дворянских фабрик: княгиня Александра Николаевна Волконская (полотняная фабрика в Саратовской губ.); Елизавета Голенищева-Кутузова (селитренный завод в Слободско-Украинской губ.); графиня Наталья Александровна Зубова (два поташных завода в Казанской губ.); баронесса Елизавета Яковлевна Иксуль (писчебумажная фабрика в Петербургской губ.); княгиня Александра Борисовна Мещерская (свеклосахарный завод в Курской губ.); княгиня Елена Васильевна Хованская (две суконных фабрики в Московской губ.).

Легендарной персоной в мире дворянского бизнеса была княгиня Наталья Петровна Голицына, о которой пойдет речь далее.

**«Уса́тая» княгиня
Наталья Петровна Голицына**

От родителей получила собственность княгиня Наталья Петровна Голицына (1741 или 1744–1837), урожденная графиня Чернышева. Удивительная личность русской истории

Н.П.Голицына прожила почти 100 лет и была фрейлиной при пяти императорах и статс-дамой при Александре I и Николае I. По легенде, она послужила поэту А.С.Пушкину прототипом графини в «Пиковой даме». В старости она сильно подурнела, «была собою очень нехороша: с большими усами и с бородой, отчего ее называли la princesse-moustache», то есть «уса́тая княгиня» [36, с.86].

Голицына была очень богата. Она унаследовала значительную собственность, ранее принадлежавшую ее деду, а потом отцу – графу Петру Чернышеву (1719–1773), сенатору, видному дипломату, сыну денщика императора Петра I.

Дед Натальи Петровны – Григорий Петрович Чернышев, сподвижник Петра I, участвовавший в Азовском походе и Северной войне – был московским генерал-губернатором в 1730–1735 гг., а брат отца, маршал Захар Григорьевич Чернышев, являлся главнокомандующим (генерал-губернатором) Москвы и губернии в 1782–1784 гг.

Отец, Петр Григорьевич Чернышев, прожил более 20 лет в Европе, будучи послом в Пруссии (1741–1746), Англии (1746–1755), Франции (1760–1762). За службу он в 1740-х гг. получил большие земельные владения с крепостными крестьянами в Орловской губ. Ими после смерти

графа владела его жена, от которой поместья перешли к дочери Наталье. Наталья Петровна родилась в Берлине, где служил ее отец, детство ее с двух до 11 лет прошло в Лондоне, а позже, по воспоминаниям современников, она много времени проводила в Париже, блистая при французском дворе. Тем не менее ее вряд ли можно назвать легкомысленной или ветреной – она строго соблюдала свой финансовый интерес, и ее имущество неуклонно прирастало. С 1765 г. Наталья была замужем за князем Владимиром Голицыным, чьи земли в Орловской губ. соседствовали с владениями Чернышевых. Князь Владимир Борисович занимал невысокую должность бригадира (чин V класса, между генералом и полковником), но был сильно богат.

Одна из современниц (Е.П.Янькова) оставила такие сведения о Голицыной: «Княгиня Наталья Петровна ... кроме того, что женщина от природы очень умная, была и великая мастерица устраивать свои дела. Муж ее ... очень простоватый был человек, с большим состоянием, которое от дурного управления было запутано и приносило плохой доход. Чтоб устроить дела, княгиня Наталья Петровна продала половину имения, заплатила долги и так хорошо все обделала, что когда умерла, почти что ста лет от роду, то оставила с лишком шестнадцать тысяч душ» [36, с.177].

В «Списке фабрикантам и заводчикам 1832 года» Голицына названа владелицей трех предприятий в Орловской губ. – кожевенного и стеклянного заводов «при селе Кокоревке» и фабрики льняного полотна в селе Радогощь. Есть свидетельства, что Наталья Голицына самостоятельно, не полагаясь всецело на управляющих, принимала решения по руководству хозяйством – при ней в селе Радогощь были построены здание вотчинной конторы, винокуренный и конный заводы, каменная церковь.

Наталья Петровна Голицына.
Портрет А.Рослена. 1777 г.

Однако эксплуатация крепостных, работавших на полях и на предприятиях, была безжалостной. В 1797 г. в имениях Голицыной произошло крестьянское восстание, во время которого были разгромлены контора кожевенного завода, здания винокуренного завода [24, с.122–123]. О размерах латифундии Голицыной в 1830–1840-е гг. сведений не найдено. Имеется более поздняя информация, что в 1860 г., когда накануне отмены крепостного права были собраны сведения о помещичьих имениях, в селе Радогощь и 18 прилегающих к нему селениях (унаследованных от Н.П.Голицыной вначале ее сыном Дмитрием, а после него внуком Владимиром) было 3768 крепостных и 134 дворовых мужского пола, а всего 3902 человека (значит, обоего пола примерно в два раза больше), и числилось 666 дворов. Земельная площадь поместья составляла 21 637 десятин, что в переводе на современные меры соответствует 23 627 гектарам, из которых в пользовании крестьян было 28%, а в пользовании помещика 72% [33, с.72]. Таковы были огромные богатства, принадлежавшие помещице-фабрикантке.

Хозяйственная жилка в Наталье Петровне была столь сильна, что она держала все семейное имущество в своих руках вплоть до смерти. У нее было два сына, но сын Борис (генерал в войне 1812 года) в 1813 г. скончался от ран, и в живых остался только старший сын Дмитрий Владимирович – боевой генерал, герой войны 1812 года, после военной отставки генерал-губернатор Москвы в течение 24 лет (1820–1844) [15; 48].

Ему при женитьбе Н.П.Голицына дала только имение Рождествено в Московской губ. со 100 крепостными (сейчас Рождествено в Дмитровском районе). Основное наследство в виде земель с 16 тыс. крепостных Дмитрий Владимирович получил после смерти матери, когда ему было 66 лет от роду, а пережил он родительницу только на шесть лет.

Вопреки своему титулу, имени и положению, князь Д.В.Голицын жил весьма скромно в сравнении с другими представителями знати. Главным источником его существования было вначале военное, а потом гражданское жалованье (на официальные «приемы и угощенья» дополнительно выделяли деньги из казны). Даже когда Д.В.Голицын стал руководить Москвой, то основным источником его дохода было пособие от матери. Но при властной матери эти доходы не были велики. Как вспоминала Е.П.Янькова, «княгиня Наталья Петровна самовластно всем заведывала, дочерям своим при их замужестве выделила по 2000 душ, а

сыну выдавала ежегодно по 50 тысяч рублей ассигнациями» [36, с.179]. И возникла удивительная ситуация, когда генерал-губернатору Москвы не хватало денег на поддержание своего общественного образа жизни: «Будучи начальником Москвы, он не мог жить, как частный человек, и хотя получал от казны на приемы и угощения, но этого ему не доставало, и он принужден был делать долги» [36, с.179]. Об этом стало известно императору Николаю I, который сказал старой княгине Голицыной, что ее сын-губернатор нуждается и хорошо было бы, если бы она давала ему больше денег из дохода с имений. Наталья Петровна стала давать Дмитрию Владимировичу еще по 50 тыс. руб., а всего 100 тыс. руб. ассигнациями [36, с.179]. Таковы были нравы эпохи – из казны царь не считал возможным увеличивать содержание, а сыну было неудобно просить у авторитарной матери сверх той суммы, которую она решила ему давать.

**Суконные предприятия
с крепостными рабочими**

Следует подробнее остановиться на суконной отрасли, где было много женщин-владелиц. В производстве сукна действовали наиболее старые предприятия, и на них распростра-

лась политика государственной поддержки. Государство проявляло огромную заинтересованность в производстве сукна, что коррелировало с преимущественно дворянским составом владелиц. По нашим подсчетам, в 1814 г. 90% владелиц российских суконных предприятий (26 из 29 персон) принадлежали к дворянству, и только 10% к купечеству.

Значительное преобладание владелиц-дворянок объяснялось историей суконной промышленности в России. Эта отрасль изначально развивалась для обеспечения потребностей армии в мундирном сукне. А поскольку в XVIII в. Европу сотрясали бесконечные войны за передел территорий, то Россия содержала большую армию, в которой солдаты, призванные по рекрутскому набору, служили пожизненно, а с 1793 г. 25 лет и с 1834 г. 20 лет. К концу царствования Петра I (начало 1720-х гг.) в армии числилось 300 тыс. чел. на 13 млн чел. населения. В начале 1850-х гг. – почти 2 млн чел. на 65 млн населения (по данным ревизии 1850 г.). Армию надо было обеспечить обмундированием, в основном, шерстяным, для круглогодичного ношения, для чего изготавливать сукна «по образцам» и поставлять в Кригс-комиссариат, что получило вы-

ражение в «Суконном регламенте» 1741 г. [31, т. XI, №8440]. Костюм воина состоял из кафтана до колен, штанов, камзола и епанчи (накидки из сукна), на голове – треугольная поярковая (то есть, валяная из овечьей шерсти первой стрижки с овец в возрасте до года) шапка.

Для поощрения суконного производства дворянам и купцам при Петре I и последующих монархах по законам 1721 и 1744 гг. разрешалось покупать к фабрикам крестьян целыми деревнями [31, т. VI, №3711; т. XII, №9004]. С 1797 г. этот разряд рабочей силы получил специальное название «посессионные» крестьяне [40, с. 540–547]. Но, поскольку купцы не имели значительных капиталов для таких покупок, то этой возможностью смогли воспользоваться, в основном, дворяне.

Наряду с покупными крестьянами использовались так называемые «приписные» крестьяне – государственные крестьяне, которые «приписывались» для отработки оброка к предприятиям частных владельцев в том случае, если предприятие выполняло казенные заказы.

Императрица Анна Иоанновна в 1732 г. издала указ о мерах «к умножению суконных фабрик для удовольствования сукнами войск, без покупки иностранных» [31, т. VIII, №6262], тем самым поставив задачу обходиться без импорта сукон, главным поставщиком которых в Россию и другие страны Европы в XVII–XVIII вв. были Голландия и Англия.

При Екатерине II был в 1769 г. принят указ, позволявший всем желающим заводить ткацкие станы (с платой по 1 руб. за стан) [31, т. XVIII, №13374]. Это свидетельствовало о повороте к расширению свободы предпринимательства. Стали возникать купеческие предприятия, производившие сукна для продажи на свободном рынке. Однако нехватка армейских сукон в 1790-е гг. вновь заставила вернуться к системе казенных поставок. Поэтому количество «старых» дворянских предприятий даже в 1814 г. было значительным.

В 1814 г. в России было всего 235 суконных фабрик, из них 29 (12,3%) принадлежали женщинам. Географически наибольшее количество предприятий, принадлежавших женщинам, находилось в Московской и Симбирской губ. – по пять предприятий. Две эти губернии лидировали и по общему количеству суконных предприятий в масштабах Российской империи: в Московской губ. было 28 предприятий, в Симбирской губ. – 25, а в общей сложности 53 предприятия или почти четвертая часть всего российского числа [некоторые аспекты истории су-

конной промышленности в конце XVIII–первой половине XIX в. освещены в статьях: 30; 9; 42].

По статистике 1832 г. женщины владели 69 суконными предприятиями из имеющихся в стране 424, то есть 16,3%. Среди владелиц 64 чел. (93%) были дворянками, и только пять (7%) – купчихами.

Большая часть дворянских предприятий была устроена в собственных имениях. На дворянских фабриках использовался, как правило, труд крепостных крестьян.

По статистике 1814 г., в числе владелиц суконных предприятий были: княжна Варвара Шаховская (фабрика в Московской губ.), графиня Степанида Толстая (в Нижегородской губ.), княгиня Варвара Долгорукова (в Пензенской губ.), графиня Александра Лаваль (в Пензенской губ.), княгиня Александра Волконская (в Саратовской губ.), графиня Наталья Зубова (в Симбирской губ.), графиня Прасковья Потемкина (в Курской губ.) и др.

В 1832 г. среди собственниц помещичьих суконных фабрик продолжала главенствовать аристократия: супруги генерал-майоров Ольга Потемкина (в Курской губ.), Екатерина Столыпина (в Саратовской губ.), Екатерина Болговская (в Калужской губ.), Вера Ивашева (в Симбирской губ.), «тайная советница» Прасковья Мятлева (в Симбирской губ.), графиня Аграфена Закревская (в Нижегородской губ.) и многие др.

По данным 1814 г. крупнейшим из предприятий, принадлежавших женщинам, была находившаяся в с. Глушково Курской губ. фабрика по производству солдатского сукна графини Прасковьи Потемкиной. На этой фабрике трудились 9413 покупных и приписных рабочих на 553 станах. За 1814 г. было произведено 552 731 аршин (392 439 м) сукна, в том числе 76% солдатского [12, с.6]. Рассмотрим, как глушковская фабрика попала во владение Потемкиной. Глушково со всеми крестьянами и фабрикой армейских сукон, заведенной в 1719 г., было приобретено у предыдущего владельца в 1791 г. мужем Прасковьи Андреевны – генерал-аншефом, графом Павлом Сергеевичем Потемкиным – с разрешения Екатерины II, а после его смерти в 1796 г. перешло к вдове. В 1783–1791 гг. брат П.С.Потемкина, Михаил, руководил Кригс-комиссариатом, закупавшим сукна для армии. Данное обстоятельство, вероятно, сыграло свою роль и в приобретении фабрики, и в получении казенных заказов. На это косвенно указывает тот факт, что в записке курского гражданского губернатора С.Д.Бурнашева на имя генерал-прокурора канце-

лярии Сената князя А.Б.Куракина 23 ноября 1797 г. фабрика дважды обозначена как «пожалованная» [41, с.202, 221].

Кроме нескольких крупных, остальные предприятия представляли собой фабрики с числом рабочих от 10 до 60 крепостных крестьян. Из 29 предприятий труд вольнонаемных в 1814 г. использовался только на шести, например, отчасти у Степаниды Алексеевны Толстой в Ардатовском уезде Нижегородской губ. (742 рабочих) [12, с.11–13].

Помещица-фабрикантка Екатерина Аркадьевна Столыпина (1791–1853) была дочерью генерал-майора Аркадия Никаноровича Анненкова (неизв. – 1797) и Прасковьи Александровны Болтиной (1763–1828). Замужем за генерал-майором Дмитрием Алексеевичем Столыпиным (1785–1826), родным братом бабушки поэта М.Ю.Лермонтова. Екатерине Аркадьевне после смерти мужа принадлежала фабрика по производству солдатских сукон в деревне Крутец Саратовского уезда Саратовской губ. [43, с.676]. Оставшись вдовой, Столыпина занималась предприятием, унаследованным от мужа. Внук Е.А.Столыпиной – Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) – председатель Совета министров Российской империи в 1906–1911 годах.

Другая владелица, княгиня Мария Федоровна Барятинская (1793–1858), получила большую суконную фабрику в селе Ивановском Льговского уезда Курской губ. после смерти мужа и владела ею «вместе с детьми» [43, с.258]. Из четырех ее сыновей наиболее известен генерал-фельдмаршал Александр Иванович Барятинский (1815–1879). Фабрика в 1830-х гг. производила широкий ассортимент продукции: «сукна разные», включая казимир, драдедам, фланель, одеяла и платки. Мария родилась в Баварии и была дочерью графа Людвиг-Христофора Келлера, представителя известного прусского рода. С 1813 г. была замужем за князем Иваном Ивановичем Барятинским (1772–1825), после смерти которого унаследовала обширные земельные владения (с 21 тыс. крестьян), включая имение Барятинских – с. Ивановское, где ее мужем была устроена так называемая «образцовая» система хозяйства. После смерти мужа в основном жила в Ивановском, занимаясь хозяйственными делами и воспитанием детей. Прославилась как известная благотворительница (в память рано умершей дочери Марии Кочубей в 1843 г. создала Мариинский детский приют в Петербургской губ., помогала приюту для вдов, общине сестер милосердия) [10; 35, с.132].

Аграфена Федоровна Закревская.
С миниатюры

От матери – вышеупомянутой Степаниды Толстой – в 1821 г. унаследовала крупную суконную фабрику графиня Аграфена Федоровна Закревская (1799–1879). Она была единственная дочь у родителей – С.А.Толстой и графа Федора Андреевича Толстого (сенатора, двоюродного деда Л.Н.Толстого), а замуж вышла за генерал-адъютанта Арсения Андреевича Закревского (1786–1865). Муж ее в 1828–1831 гг. был министром внутренних дел Российской империи, а в 1848–1859 гг. – москов-

ским военным генерал-губернатором – жестким и своенравным, наводившим страх на московское население.

Фабрика Закревской находилась в шести принадлежавших ей селениях Ардатовского уезда Нижегородской губ.: селах Елизарьево, Круглове, Дивнево, Синеве, сельце Князь-Иванове и деревне Яковлевке, а рабочих числилось в 1848 г. 1519 человек крепостных – в два раза больше, чем было у ее матери тридцатью пятью годами ранее [38, с.180].

Неизвестно, насколько регулярно сама Закревская контролировала фабрику (у нее были еще вторая фабрика в Московской губернии и третья в Москве), но предприятие работало, как часы. Шерсть (в количестве до 200 тонн в год) закупалась в Москве и на Дону, откуда доставлялась в Ардатовский уезд, где производили суровые, так называемые «испанские» (20%) и «русские» (80%) ткани в огромном количестве – 320 тыс. аршин в год «на сумму 241 245 рублей серебром ежегодно» (как явствует из сведений в «Журнале мануфактур и торговли») [38, с.179–180]. Затем выработанная продукция возвращалась в Москву, разделенная на три потока – первый, предназначавшийся для поставляемых казне армейских сукон, направлялся на отделку и окраску на Павловскую государственную суконную фабрику, второй (для собственного сбыта) шел в отделку на арендуемые фабрики, третий (полу-

фабрикат, требующий отделки) продавался другим частным фабрикантам.

Если же обратиться к данным о принадлежавших женщинам суконных фабриках Московской губернии, то они демонстрируют кристаллизацию этого феномена. Здесь находилось шесть расположенных в поместьях шерстоткацких фабрик, принадлежащих пяти владелицам – Балк-Полевой, Окуловой, Пушкиной, Свечиной и Хованской. Они работали по государственным заказам, изготавливая суровые и солдатские сукна для обмундирования армии. К примеру, на фабрике Прасковьи Семеновны Окуловой (в селе Никольском Подольского уезда) делали сукна «гвардейские и армейские», рабочих в 1843 г. было 243 чел. [37, с.113]. В том же году у Елены Васильевны Хованской на двух фабриках (в Волоколамском и Подольском уездах) насчитывалось 227 рабочих [37, с.114, 124].

Все эти фабрики принадлежали женам военных или бюрократов высокого ранга (у двух владелиц – княгини Елены Хованской и Варвары Балк-Полевой – мужья были тайными советниками, у Елены Пушкиной – действительным статским советником, у Прасковьи Окуловой – генерал-майором и губернатором, у Федосьи Свечиной – полковником). Таким образом, высокие социальные позиции открывали двери к получению выгодных казенных заказов, гарантировавших фабрикантам прибыль без риска.

Эта система укрепилась, когда в 1832 г. Министерством финансов была упорядочена раздача казенных заказов. Отныне она согласовывалась с мощностью фабрик. Каждый владелец фабрики получал точно определенное задание по количеству армейских сукон, которое поставлял для Военного и Морского министерств. Благодаря этой так называемой раскладке, можно понять, как работали в этой сфере фабрики дворянок.

По статистике, из 92 всех выбранных казной фабрик-поставщиков во главе 24 были женщины, из них 23 дворянки. Этим владелицам принадлежали предприятия во Владимирской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Курской, Московской, Пензенской, Полтавской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерниях. Подсчеты показали, что указанные дворянские фабрики производили в год 845 270 аршин (около 601 тыс. метров) «сукон отделанных, сукон суровых и каразеи» или 20% всего российского производства армейских сукон (составлявшего

4 189 133 аршина) [32, с.121–138]. Среди женщин-фабриканток была только одна купчиха – москвичка Марфа Часовникова с небольшим заказом на 12 тыс. аршин. Остальные владелицы фабрик принадлежали по преимуществу к высшей аристократии и часто были дочерьми или женами министров, губернаторов или генералов российской армии. Среди выбранных казной владелиц фабрик перечислены графиня Анна Соллогуб (сестра канцлера Горчакова), княгиня Олимпиада Лобанова-Ростовская (супруга камергера), «генерал-майорша» Вера Ивашева (дочь симбирского губернатора А.В.Толстого, супруга крупного военного и инженера, мать декабриста).

Если взять трех крупнейших поставщиц – Марию Посникову (контракт на поставку 120 тыс. аршин), Екатерину Уварову (контракт на 90 тыс. аршин) и Александру Лубяновскую (контракт на 85 тыс. аршин) – то очевидна их принадлежность к высшей знати [32, с.132, 137, 129].

Наибольшее количество сукна поступало с фабрики Посниковой в Тамбовской губ. Муж Марии Посниковой, Захар Николаевич, был сенатором в высоком чине тайного советника. Фабрика в селе Рассказове была одной из крупнейших в России. Когда Мария Ивановна унаследовала ее, то на ней трудилось 943 ткача, причем 923 были собственные крепостные крестьяне [12, с.31]. Позже количество рабочих превысило 1000 чел., поскольку к 1830-м гг. производство выросло в полтора раза (в 1814 г. 75 тыс. аршин, в 1832 г. по раскладке запланировано 120 тыс. аршин). Посникова унаследовала фабрику от отца, Ивана Петровича Архарова (1744–1815), генерала, московского губернатора в 1796–1797 гг. при Павле I. Фабрика находилась в имении, которое Павел I в честь своей коронации пожаловал Архарову, выведя владение из казенных земель. Сведений об управлении фабрикой не сохранилось, но, вероятно, ею руководили управляющие под контролем хозяйки. Рост производства свидетельствовал о благополучии дел.

Еще одна владелица крупной фабрики Екатерина Алексеевна Уварова (1783–1849) также унаследовала предприятие от родителя. Она была внучкой знаменитого вельможи XVIII в., графа Кирилла Разумовского, которому имение Троицкое-Болычево в Можайском уезде Московской губ. было пожаловано в 1742 г. императрицей Елизаветой Петровной после коронации. Ее отец, Алексей Кириллович, был министром народного просвещения в 1810–1816 гг. Министром народного просвещения (в 1833–1849 гг.) стал и ее муж Сергей Семенович Уваров, кото-

рый также в 1818–1855 гг. возглавлял Академию наук. Сама Екатерина Алексеевна известна как любимая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. В 1812 г. Уварова была в числе двенадцати учредительниц одной из первых в России благотворительных организаций – Женского Патриотического общества, а в 1816–1822 гг. возглавляла это общество.

Семья ее относилась к культурнейшим в России. Сын Алексей Сергеевич известен как археолог, основатель Московского археологического общества и Исторического музея. Надо думать, что в данном случае получение крупного государственного контракта на поставку сукна для армии было одним из показателей приближенности Уваровой к императорской семье, потому что только 11 поставщиков из 92 имели контракты величиной от 85 тыс. аршин и более.

Получательницей третьего крупнейшего контракта стала Александра Яковлевна Лубяновская (1782–1863) – генеральская дочь и супруга губернатора. От своего отца, генерал-майора Я.Д.Мерлина, она унаследовала имение в селе Архангельском Нижне-Ломовского уезда Пензенской губ. Там была суконная фабрика, где в 1814 г. трудилось 336 крепостных рабочих под руководством двух вольных мастеров [12, с.20]. Фабрика приносила значительный доход в бюджет семейства. Муж Лубяновской, Федор Петрович Лубяновский, был крупный чиновник, сделавший хорошую карьеру как адъютант князя Репнина, затем секретарь у князя Кочубея. Позже он служил у М.М.Сперанского в Министерстве внутренних дел, и потом в 1820-х – 1830-х гг. на постах пензенского, подольского (на Украине) и полтавского губернаторов.

В биографиях владельцев крупнейших фабрик зафиксированы не только высокий социальный статус, принадлежность семьи к элите в нескольких поколениях, но одновременное владение наибольшими производственными ресурсами. Их деды и отцы в XVIII в. получали большие земельные владения от монархов в награду за усердную службу (случай Уваровой, урожденной Разумовской), либо купили на свое высокое жалованье, полученное на постах губернаторов и министров (случай Посниковой, урожденной Архаровой). Во всех трех случаях фабрики вместе с имениями были унаследованы фабрикантками от родителей, входивших в высшую элиту Российской империи.

Заключение

Дворянство в имперской России было привилегированным сословием. В течение XVIII в. императоры и императрицы раздаривали приближенным ко двору вельможам в полную

наследственную собственность казенные земли с крестьянами.

Историк В.О.Ключевский писал, что к середине XVIII в. продолжались «простые раздачи населенных земель по разным случаям: крестьяне с землей жаловались за победу, за удачное окончание кампании генералам или просто "для увеселения", на крест или зубок новорожденному». В результате, «каждое важное событие при дворе, дворцовый переворот, каждый подвиг русского оружия сопровождался превращением сотен и тысяч крестьян в частную собственность» [21, с.121]. Например, дед вышеупомянутой Екатерины Уваровой, граф Кирилл Разумовский, при императрице Елизавете «приобрел путем пожалования ... до 100 тысяч душ» [21, с.121]. Екатерина II жаловала своим приближенным казенные и дворцовые земли, как отмечал Ключевский, «еще более щедрой рукой» и подарила более 400 тыс. крестьян (в документах упоминались только лица мужского пола, так что на деле около 1 млн человек) [21, с.121, 129]. Это значит, что было закрепощено и передано в частные руки только за одно ее царствование около 2,5% населения (население России к 1800 г. составляло около 40 млн чел.).

Продолжая эту мысль, можно сказать, что наделение высшей знати казенными заказами на поставки сукна было продолжением политики поддержки властью экономического благополучия аристократической элиты дворянства как привилегированного сословия.

В первой половине XIX века 50% российских предпринимательниц составляли дворянки, имевшие заводы и фабрики в своих имениях и чаще всего использовавшие труд крепостных крестьян, а не вольнонаемных рабочих. Общая же доля женщин среди всех лиц, владеющих промышленными предприятиями, составляла, по проведенным подсчетам, 4,4% в 1814 г. и 9,1% в 1832 г.

Рассмотрение вопроса о предпринимательстве дворянок опровергает сразу два стереотипа: первый – бизнесом занимались только лица из купечества, второй – женщины наследовали имущество, включая промышленные предприятия, исключительно от мужей.

Изучение истории предпринимательства женщин показало, что женщины-дворянки составляли почти половину всех предпринимательниц-фабриканток в первой половине XIX в. Они наследовали имущество в 50% случаев от родителей (отца или матери) и только в 20% от мужей.

У дворянок имелись капиталы, накопленные богатыми дворянскими династиями в течение нескольких поколений, а также было преимущество в ресурсах, таких, как земля, недвижимость, и зачастую, крепостная рабочая сила. По нашим подсчетам, в 1814 г. доля дворянок среди всех женщин-фабриканток составляла 90% в суконной отрасли, 56% в металлической – производстве железа и стали, 87% в стекольной и хрустальной, 80% в писчебумажной. В 1832 г. доля дворянок достигала 93% в суконной отрасли, 81% в металлической – производстве железа и стали, 81% в стекольной и хрустальной, 80% в писчебумажной, 100% в сахарной, 80% в производстве поташа и 100% в изготовлении селитры. На их предприятиях от 62,4% до 96,4% рабочих являлись несвободными: крепостными, приписными и покупными.

В дворянском хозяйственном комплексе, ядром которого была сельская усадьба, промышленные предприятия были одним из элементов инфраструктуры. Доходы от промышленных предприятий могли в некоторой степени компенсировать низкую товарность сельскохозяйственного производства, особенно в неурожайные годы.

Список сокращений

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I
РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Библиографический список

1. Духовное завещание Анны Петровны Полторацкой // ОР РГБ. Ф.233 (С.Д.Полторацкий). Карт.6. Ед. хр.70.
2. Духовное завещание Агафоклеи Александровны Полторацкой, составленное 18 июня 1822 г. Писарская копия // ОР РГБ. Ф.233. Карт.6. Ед. хр.75.
3. Ведомости о состоянии стекольной фабрики Анны Ивановой Ерофеевой и Санкт-петербургского купца Себастьяна Нахмана. 1802–1803 гг. // РГАДА. Ф.277. Оп.2. Д.1638.

ДВОРЯНКИ – ВЛАДЕЛИЦЫ ФАБРИК И ЗАВОДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

4. Ведомости о состоянии стекольных и хрустальных фабрик с 1797 по 1803 гг. // РГАДА. Ф.277. Оп.16. Д.2.
5. Донесения Архангельского губернского правления о состоянии фабрик и заводов в губернии. 1797 г. // РГАДА. Ф.277. Оп.16. Д.12.
6. Донесения Петербургского губернского правления, ведомости и другие сведения о состоянии посессий по губернии. 1797–1803 гг. // РГАДА. Ф.277. Оп.16. Д.46.
7. Архив Кабинета Его Императорского Величества. Донесения о винокуренных заводах Петербургской губернии. 1795 г. // РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.III. Д.59173.
8. Счета и расписки Мятлевых и прочие документы 1813–1826 гг. // РГАДА. Ф.1271. Оп.1. Д.104.
9. Арсентьев В.М. Суконная промышленность в контексте промышленной политики России в первой половине XIX века // Экономическая история. 2014. №3. С.8–15.
10. Барятинская М.Ф. (некролог) // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. №48.
11. Белова А.В. Родовой выкуп дворянских вотчин как стратегия социальной идентификации в России XVIII – первой половины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2018. №2. С.80–89.
12. Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб.: типография Правительствующего Сената, 1816. 457 с.
13. Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч.1. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1864. 237 с.
14. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1988. 301 с.
15. Голицын М.Н. Несколько слов в память незабвенного начальника ... князя Дмитрия Владимировича Голицына. М.: типография С.Селивановского, 1844. 15 с.
16. Голицын Н.И. Род князей Голицыных. Т.1. Материалы родословные. СПб.: типография М.Н.Скороходова, 1892. 611 с.
17. Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 749 с.
18. Дондуков-Корсаков А.М. Род князей Дондуковых-Карсаковых. Тифлис: типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. 108 с.
19. Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в.: Сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного. М.: Наука, 1975. С.248–345.
20. Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн А.П. Воспоминания, дневники, переписка. М.: Правда, 1989. 477 с.
21. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXXX // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т.V. М.: Мысль, 1989. 457 с.
22. Ковальчук А.В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 430 с.
23. Козлова Н.В. Значение семейно-правовых актов дворян для изучения социальной истории // Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С.47–64.

24. Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. Сб. док. М.: Соцэкгиз, 1961. 1048 с.
25. Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Дом и люди. Род Рюминых. Рязань, 2012. 96 с.
26. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб.: издание А.С.Суворина, 1895. Т.1. 467 с.
27. Любомиров П.Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX в. // Исторические записки. Вып.12. М.; Академия наук СССР, 1941. С.222–249.
28. Мельников П.И. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. Нижний Новгород: губернская типография, 1846. 292 с.
29. Остафьевский архив князей Вяземских. Т.III. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. Примечания. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1908. 470 с.
30. Певзнер И.В. Суконная промышленность России на рубеже XVIII и XIX вв. и экономическая политика правительства // Исторические записки. 1978. Т.102. С.223–245.
31. ПСЗ I. В 45 тт. СПб.: типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830–1843.
32. Правила на раскладку поставки сукон для армии и флота // Журнал мануфактур и торговли. 1832. №1. С.121–138.
33. Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб.: Комиссия для составления положений о крестьянах, 1860. Т.2. Орловская губерния. 364 с.
34. Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб.: Комиссия для составления положений о крестьянах, 1860. Т.3. Симбирская губерния. 334 с.
35. Пчелов Е.В. Монархи России. М.: Олма-Пресс, 2003. 668 с.
36. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л.: Наука, 1989. 472 с.
37. Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. М.: Московское отделение мануфактурного совета, 1845. 182 с.
38. Сведения мануфактурные // Журнал мануфактур и торговли. 1848. №11. С.179–180.
39. Свод законов Российской империи. СПб., 1833. Т.Х: Свод законов гражданских.
40. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.1. СПб.: типография Ф.С.Сушинского, 1903. 643 с.
41. Сивков К.В. К истории волнений на Глушковской суконной фабрике (1797–1798 гг.) // Красный архив. 1938. №6(91). С.199–224.
42. Смирнова Е.А. Казенный подряд в российской промышленности первой половине XIX века (на примере суконной отрасли) // Экономическая история. 2016. №1. С.7–17.

ДВОРЯНКИ – ВЛАДЕЛИЦЫ ФАБРИК И ЗАВОДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

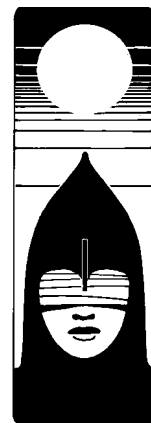
43. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. В 2-х тт. СПб.: типография Департамента внешней торговли, 1833. 844 с.
44. Справочная книга о лицах, получивших на 1895 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям по г. Москве. М.: типография А.Г.Кольчугина, 1895. 340 с.
45. Сысоев В.И. Благотворительница Агафокля Александровна Полторацкая // Тверская старина. 2008. №27. С.118–131.
46. Указатель выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С. Петербурге в 1839 году. СПб.: типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 286 с.
47. Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на Выставке 1833 года в Санкт-Петербурге. СПб.: типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1833. 151 с.
48. Шевырев С.П. Князь Дмитрий Владимирович Голицын (некролог). М.: Университетская типография, 1844. 14 с.
49. Antonova Pickering K. An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia. New York; Oxford: Oxford University Press, 2013. 329 pp.
50. Farrow L.A. Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia. Newark: University of Delaware Press, 2004. 256 pp.
51. Marrese M.L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002. 296 pp.

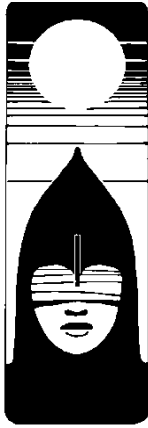
Счастлив, кто независим, но как
трудно быть счастливым, то есть
независимым.

Н.М.Карамзин

Компромисс – это искусство разделить
пирог так, чтобы каждый был уверен,
что лучший кусок достался ему.

Людвиг Эрхард

Сергей Орешин

**ГЕНЕРАЛ
А.И.ДЕНИКИН
И ГОРСКАЯ
РЕСПУБЛИКА:
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
КОМПРОМИСС**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
94(47)

В статье рассматриваются взаимоотношения между лидером Белого движения на Юге России генералом А.И.Деникиным и правительством самопровозглашенной Горской Республики в начале 1919 г. Белые отказывались признать суверенитет Горской Республики, но готовы были предоставить им широкое внутреннее самоуправление. Горское правительство настаивало на признании независимости и невмешательстве во внутренние дела республики. Из-за нежелания сторон пойти на уступки достичь компромисса не удалось, и переговорный процесс зашел в тупик. В мае 1919 г. в результате военной операции ВСЮР Горская Республика была ликвидирована. Это явилось тактическим успехом белогвардейцев, однако стратегически они значительно ослабили свои позиции, втянувшись в изнурительное вооруженное противостояние с кавказскими горцами.

In article, the author considers relationship between the leader of the White movement in the south of Russia general A.I.Denikin and the government of the self-proclaimed Mountain Republic at the beginning of 1919. White refused to recognize sovereignty of the Mountain Republic but guaranteed them broad internal self-government. The Mountain Government insisted on recognition of independence and non-interference to internal affairs of the republic. Parties did not succeed to reach a compromise, and negotiation process came to a standstill. In May 1919, the Volunteer Army liquidated the Mountain Republic. It was tactical success of White Guards, however strategically they considerably weakened their positions, having involved in the wearisome armed opposition with the Caucasian mountaineers.

Ключевые слова: Россия; Гражданская война; Северный Кавказ; Белое движение; Горская Республика; Вооруженные Силы Юга России; А.И.Деникин.

Key words: Russia; Civil war; North Caucasus; White movement; Mountain Republic; Armed Forces of the South of Russia; A.I.Denikin.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Продолжающийся столетний юбилей Гражданской войны закономерно вызывает интерес со стороны научно-исторического сообщества и общественности к одному из самых сложных и противоречивых событий отечественной истории. Особую специфику данный конфликт приобрел на окраинных территориях бывшей Российской империи, отличавшихся сложным этноконфессиональным составом населения, где возник ряд новых государств, вынужденных лавировать между РСФСР и Белым движением. Одной из таких окраин был Кавказ.

В начале 1919 г. возглавляемые генералом А.И.Деникиным Вооруженные Силы Юга России (ВСЮР) были близки к окончательному успеху на Северном Кавказе. Противостоявшая им XI армия РККА была практически полностью уничтожена, а ее остатки отступали в Астрахань. Белые приближались к границам Республики Горцев Северного Кавказа и Дагестана – самопровозглашенного государственного образования, контролировавшего территорию Дагестанской и частично Терской областей распавшейся Российской империи.

Горское правительство пришло к власти в октябре–ноябре 1918 г. при поддержке турецких интервентов, а после окончания Первой Мировой войны поспешило заручиться покровительством Антанты. В Порт-Петровске (ныне – г.Махачкала) был высажен небольшой контингент британских войск, которые сменили ушедших турок. Кроме них, с начала 1919 г. в городе дислоцировался перешедший из Баку белогвардейский отряд генерала от инфантерии М.А.Пржевальского численностью 2500 человек, организационно подчинявшийся Деникину [18, с.233]. Правительство Горской Республики претендовало на всю территорию Северного Кавказа от Каспийского моря до Черного, однако сил для того, чтобы претворить свои намерения в жизнь не имело.

А.И.Деникин

Члены правительства Горской Республики

После разгрома большевиков лидеры Горской Республики полагали, что для них открывается благоприятная возможность расширения территории. Однако вскоре они поняли, что белогвардейцы не собираются делиться с ними властью, а напротив, рассматривают Северный Кавказ в качестве неотъемлемой части «единой и неделимой России». 2 февраля 1919 г., подойдя к границам Назрановского округа, белые потребовали от проживавших там ингушей:

- *расформировать все вооруженные отряды,*
- *передать Добровольческой армии оружие и снаряды,*
- *выдать укрывшихся у них красноармейцев,*
- *пропустить белогвардейские части к Грозному,*
- *возместить все убытки, причиненные казакам и крестьянам Терской области за время революции,*
- *мобилизовать всех мужчин в возрасте 18–40 лет для борьбы с большевиками [20, с.146].*

Ингуши отказались и приготовились к отпору, направив делегацию в столицу Горской Республики Темир-Хан-Шуру (современный г.Буйнакск) с просьбой о помощи. Одновременно 8 февраля в адрес

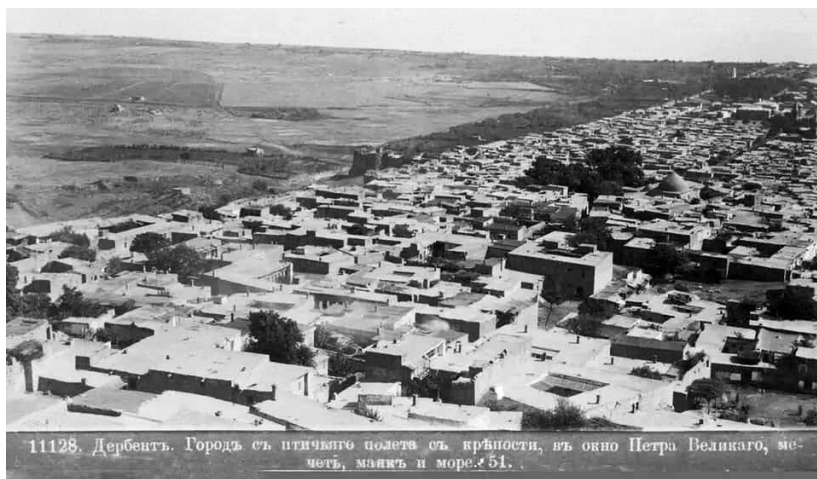
председателя Совета Министров Горской Республики поступило письмо командира 1-й конной дивизии белых генерал-майора П.Н.Шатилова, осуществлявшего военную операцию на Кавказе. В нем говорилось о том, что командование Добровольческой армии не признает ни Горского правительства, ни Горской Республики и намерено само определить организацию местного управления горских народов и назначить всех ответственных должностных лиц. В связи с этим правительству предлагалось добровольно сложить свои полномочия [20, с.160].

Город Порт-Петровск (современная Махачкала)

Руководство республики решило направить полномочную делегацию для переговоров с руководителями Белого движения с целью выяснения планов и намерений Добровольческой армии и предотвращения вооруженного столкновения. Делегатам, которых возглавили председатель Союзного Совета (парламента) З.Темирханов и председатель правительства П.Т.Коцев, была дана инструкция «неукоснительно и твердо отстаивать самостоятельность и независимость Республики Союза Горских Народов». В станции Шелковской делегаты обратились в штаб командующего 1-м Кубанским корпусом генерал-майора В.Л.Покровского, но тот заявил, что не имеет полномочий обсуждать политические вопросы и рекомендовал обратиться в расположенный в станции Прохладной штаб генерал-лейтенанта В.П.Ляхова, назначенно-

го главнокомандующим войсками Терско-Дагестанского края. В Прохладной, однако, Ляхова застать не удалось, т.к. он выехал во Владикавказ, к тому времени уже захваченный белыми. Делегаты направились было в Кисловодск, где находился командующий Кавказской Добровольческой армией генерал-лейтенант П.Н.Врангель, но тот был болен тифом и принять их не смог. Тогда было решено направиться в Екатеринодар, непосредственно к Главкому ВСЮР А.И.Деникину. Деникин сначала назначил день и час приема, но потом через своего адъютанта велел по всем вопросам обращаться непосредственно к Ляхову, которому он уже передал полноту власти по управлению Терско-Дагестанским краем.

11128. Дербентъ. Городъ съ птичьего полета съ крѣпости, въ окно Петра Великаго, мечеть, минаретъ и море. 51.

Город Дербент

Становилось очевидным, что признавать самостоятельное существование Горской Республики белые не намерены. Делегация заявила, что с генералом Ляховым ей обсуждать нечего, и передала Деникину заявление, в котором говорилось, что в регионе уже существует местная власть, «признанная английским командованием», а назначение властей от Добровольческой армии может привести к конфликту. Вследствие этого Правительство Союза Горских Народов снимает с себя всякую ответственность за осложнения, могущие возникнуть в будущем [21, с.202–203]. На обратном пути на станции Прохладной делегаты случайно встретили поезд генерала Ляхова, направлявшийся в занятый белыми

Грозный на предстоящий съезд чеченского народа, в результате чего незапланированная встреча все же состоялась.

Ляхов предложил следующий компромисс: Горское правительство признает подконтрольную ему территорию частью России и самораспускается, а его вооруженные части подлежат расформированию. В свою очередь, он гарантировал горским народам широкое самоуправление, включая назначение особых правителей каждого народа из числа горцев и комплектование местных администраций чиновниками преимущественно горского происхождения. Кроме того, при главноначальствующем и каждом правителе создавался выборный совет с совещательными функциями, избираемый местным населением. Делегаты ответили отказом и на съезде чеченского народа добились принятия резолюции, отвергавшей при-

Владимир Платонович Ляхов – главнокомандующий войсками Терско-Дагестанского края (январь–апрель 1919 г.), генерал-лейтенант

язания деникинцев на управление краем и выражавшей лояльность Горскому правительству. Ляхов был обескуражен таким решением и предложил лидерам Горской Республики сформировать Меджлис при главноначальствующем, который разделял бы с ним власть. Однако Коцев отверг и это предложение, заявив, что Добровольческая армия должна уйти с территории Союза Горских Народов и не вмешиваться во внутренние дела Горской Республики. Генералу ничего не оставалось, кроме как заявить о том, что подобные вопросы находятся в компетенции исключительно Деникина, к которому и следует обратиться [1, л.11–14].

Угроза столкновения между белыми и горскими националистами возрастала. Еще 13 февраля появилось заявление о том, что Республика Союза Горских Народов рассматривает Добровольческую армию в качестве посторонней силы, которая не может «посягать на суверенные права новых государственных образований на Кавказе», а военные операции белых в Ингушетии расцениваются как удар, направленный про-

тив Горской Республики [16]. 17 февраля Союзный Совет принял резолюцию о политическом положении, в которой говорилось, что ультиматум, предъявленный ингушскому народу, неприемлем ни по форме, ни по существу, а назначение Деникиным главноначальствующего Терско-Дагестанским краем является покушением на самостоятельность республики и вмешательством в ее внутренние дела. Правительству было поручено всеми имеющимися у него средствами добиваться признания суверенитета Горской Республики, прекращения военных действий против горского населения и вывода частей Добровольческой армии с ее территории [3, л.89].

И.Г.Эрдели

Тем временем председатель Совета Министров Горской Республики П.Коцев в Баку при посредничестве командующего британскими экспедиционными войсками в Закавказье генерала У.М.Томсона провел переговоры с представителем Деникина в Закавказье генералом от кавалерии И.Г.Эрдели.

Коцев подчеркнул, что Горское правительство не желает конфликтовать с Добровольческой армией и хочет установить с ней мирные, доброжелательные отношения, однако настаивает на признании суверенитета Горской Республики. Подразделения белогвардейцев должны уйти с территории

Северного Кавказа, передать Горскому правительству занятые ими Грозный и Владикавказ и отозвать всех назначенных чиновников. Он отверг требования о разоружении горских отрядов, а по вопросу возмещения убытков пострадавшим за время революции и войны, предложил создать смешанную комиссию, которая должна была определить количество пострадавших, причиненный им ущерб и сумму компенсации.

Серьезные разногласия вызвал также вопрос об участии горцев в войне с большевиками. Коцев отказался участвовать в походе на Москву, однако гарантировал поддержание порядка на территории Северного Кавказа и безопасность тыла Добровольческой армии, отметив, что с кавказскими большевиками правительство будет вести беспощадную борьбу. В конечном итоге переговоры зашли в тупик. Горский премьер-министр заявил, что условия, предлагаемые Деникиным, «сам Николай II не мог бы предложить», а потому согласиться на них невоз-

можно. Более того, Коцев подчеркнул, что мнение Деникина несущественно, т.к. он не занимает каких-либо официальных постов, а полноценные переговоры Горская Республика будет вести только с общероссийским правительством, когда последнее возникнет. В результате соглашения достичь не удалось, но Коцев заручился устным заверением Томсона, что Великобритания потребует от Деникина отказаться от проведения наступательных операций против Горской Республики [14].

Вполне успокоенный английскими обещаниями, Коцев вернулся в Темир-Хан-Шуру, где на заседании Союзного Совета обвинил белогвардейцев в нежелании урегулировать разногласия мирным путем. Тем не менее парламентарии решили предпринять еще одну попытку достижения компромисса и 22 февраля постановили командировать председателя Совета Министров в Терскую область «для выяснения положения на местах» и переговоров с представителями Добровольческой армии. Одновременно Правительство должно было безотлагательно начать переговоры с Азербайджаном и Грузией о военном союзе [15].

Между тем в начале марта белогвардейцы начали наступление в Чечне. Горское правительство немедленно выступило с протестом, обвинив белых в нарушении права народов на самоопределение и заявив, что «позиция, занятая Добровольческой армией, вынудит его использовать в целях самозащиты все доступные ему средства» [10, л.2]. 12 марта Союзный Совет принял резолюцию, в которой говорилось о том, что до решения Парижской мирной конференции державным хозяином Горского Края является Союзный Совет и Правительство Горской Республики, а потому все решения Деникина и Ляхова представляют собой «покушение на самоопределение горских народов». Правительству предписывалось мобилизовать все силы и средства для защиты самостоятельности республики и отражения угрозы со стороны Добровольческой армии [20, с.167].

16 марта генерал Томсон приказал М.Пржевальскому в кратчайшие сроки вывести свой отряд с территории Горской Республики. Однако генерал ответил решительным отказом, заявив, что исполняет только приказы своего непосредственного начальника Деникина. Деникин же предписал ему ни в коем случае не уводить войска из Порт-Петровска, а британскому правительству заявил протест, отметив, что «отдача распоряжений вооруженным силам, находящимся в ведении Деникина, есть акт, враждебный Добровольческой армии» [19]. Англичане вынуждены были уступить.

20 марта МВД Горской Республики разослало циркуляр начальникам округов, в котором им предписывалось призвать всех граждан к записи в народное ополчение и провести разъяснительную работу с населением, обозначив принципиальную позицию правительства: «мы одинаково против как Деникина, так и большевиков» [7, л.13–14]. 22 марта из Екатеринодара возвратился П.Коцев, сделавший в Союзном Совете доклад о содержании своих переговоров с А.Деникиным. Выяснилось, что Главком ВСЮР категорически отказался признать право горских народов на самоопределение и суверенитет Горской Республики, потребовав подчиниться власти генерала Ляхова. По словам Коцева, конфликт между Горской Республикой и Добровольческой армией становился практически неизбежным. Парламентарии приняли решение обратиться к державам Антанты с просьбой оказать содействие в предотвращении военных столкновений [6, л.19–20].

З.Темирханов

26 марта белогвардейцы возобновили наступательную операцию в Чечне. 31 марта правительствам закавказских стран, командованию вооруженных сил Антанты в Закавказье и горской делегации на Парижской мирной конференции от имени правительства Горской Республики была направлена нота, в которой говорилось, что Добровольческая армия «усвоила себе поведение воюющей стороны». Это обстоятельство вынуждает Горское правительство использовать все имеющиеся в его распоряжении средства вооруженной обороны против продолжающегося наступления деникинцев для защиты свободы и независимости республики [3, л.253]. 7 апреля военный министр Горской Республики полковник Д.Мусалаев издал приказ о мобилизации всех горцев в возрасте от 18 до 30 лет. Мобилизуемые должны были явиться со своим оружием и быть готовыми к выступлению на фронт [2, л.57]. На следующий день Союзный Совет санкционировал начало мобилиза-

П.Коцев

ции и призвал все народы Союза на борьбу с Добровольческой армией в интересах защиты независимости горцев Кавказа.

Тем самым в завуалированной форме давалось согласие на союз с большевиками, которые по-прежнему пользовались определенным влиянием на Кавказе. Во исполнение положения о едином антибелогвардейском фронте в состав Комиссии по обороне Республики были включены исламист Д.Апашев, национал-демократ А.Плиев и большевик С.Дударов [3, л.153–154].

Деникинские войска, успешно завершив операцию в Чечне, начали сосредоточиваться в Гудермесе, готовясь к походу в Дагестан. Однако британское командование настояло на возобновлении переговоров, выступая в качестве посредника. 7 апреля Деникин через генерала Пржевальского направил приглашение лидерам Горской Республики прибыть на встречу с ним в Грозный.

В состав делегации вошли новый председатель Союзного Совета князь Р.З.Капланов, министр почт, телеграфов, путей сообщения и снабжения З.Темирханов, и глава ведомства шариатских дел Н.Гоцинский [12]. Переговоры начались 11 апреля. От белых в них принимали участие А.И.Деникин и В.П.Ляхов, британское командование представляли генерал Ч.Бриггс и полковник Г.Роуландсон. Деникин вновь заявил о непризнании самостоятельности Горской Республики и потребовал подчиниться главноначальствующему Терско-Дагестанским краем, сохранив внутреннее самоуправление. Железные дороги должны были перейти под контроль

Рашид Капланов

ВСЮР, а вооруженные формирования, подконтрольные Горскому правительству, обязаны были сдать все пулеметы и артиллерию. Горцы должны были выдать всех скрывавшихся красноармейцев, большевиков и абреков, вернуть награбленные ценности, поставлять продовольствие и фураж белым за плату по назначенной расценке и принять деятельное участие в борьбе с красными [17, с.192]. Горская делегация отвергла подобные требования и, в свою очередь, потребовала от Деникина очистить всю территорию Горской Республики, в частности, немедленно передать под юрисдикцию Горского правительства города Владикавказ,

Грозный и район Кавказских Минеральных вод. Стало очевидным, что компромисса достичь невозможно, и через два часа делегаты покинули Грозный.

Горская Республика

18 апреля в Темир-Хан-Шуре прошел многотысячный антиденикинский митинг, на котором выступили влиятельные мусульманские шейхи Али-Хаджи Акушинский и Узун-Хаджи Салтинский, призывавшие дагестанцев к «священной войне» с белогвардейцами. В тот же день в правительственном «Вестнике Горской Республики» была напечатана статья, в которой говорилось о стремлении горских народов жить с Россией в добром соседстве и постоянной дружбе. Однако, говорилось в статье, Деникин не является официальным представителем России, а Добровольческая армия представляет собой лишь временную организацию, поэтому генерал не правомочен вести переговоры международного значения. Горское правительство должно требовать немедленного очищения территории республики, ни в коем случае не втягиваться в войну Деникина с Советской Россией и, соответственно, не оказывать белым генералам никакой помощи. Державы Антанты должны были гарантировать территориальную целостность и безопасность Горской Республики от «политических авантюр» с Севера. Под «авантюрой» явно подразумевались деникинцы, ставившие своей целью возрождение «единой и неделимой России» [11].

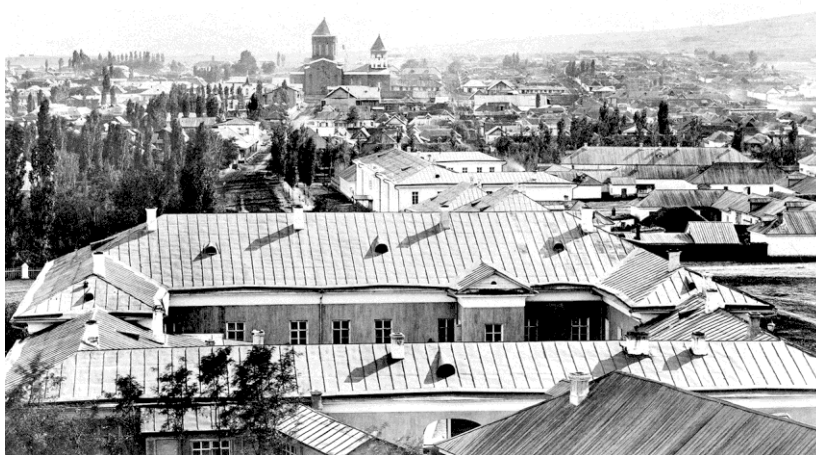
Последнюю попытку остановить назревающее столкновение предприняли англичане. 24 апреля полковник Роуландсон известил П.Коцева, что Деникин дал согласие не наступать на Дагестан, сместить генерала Ляхова с поста главноначальствующего Терско-Дагестанским краем и сократить расположенный в Порт-Петровске отряд Пржевальского. В свою очередь, Горское правительство должно было позволить белым пользоваться Петровским морским портом и прилегающей акваторией Каспийского моря для военных операций против красных в Астрахани и Туркестане, а также немедленно ликвидировать все большевистские организации на подконтрольной правительству территории. До сведения премьера доводилось, что нападение на отряд Пржевальского в Порт-Петровске будет расцениваться британским командованием как враждебный акт [7, л.94]. Однако Коцев ответил, что нахождение белогвардейского отряда в Порт-Петровске представляется «невозможным и опасным явлением», потому что народные массы легко могут быть спровоцированы на эксцессы. Поэтому Пржевальский должен немедленно увести свой отряд из города, предварительно передав все бронепоезда и тяжелое вооружение Горскому правительству [5, л.74]. Генерал, естественно, ответил решительным отказом. 11 мая, выступая на заседании Союзного Совета, Коцев заявил, что враждебными молодому государству являются лишь реакционные силы, «стремящиеся к реставрации старых форм русской государственности» [13]. Намек на Деникина был более чем очевиден.

Однако в это же время подпольный Дагестанский обком РКП (б) во главе с У.Д.Буйнакским заканчивал последние приготовления к восстанию, целью которого являлось свержение Горского правительства и восстановление в Дагестане Советской власти. Буквально накануне переворота правительству удалось его предотвратить, арестовав почти всех руководителей подполья на конспиративной квартире. Тем не менее кабинет П.Коцева был вынужден уйти в отставку. Новым председателем Совета Министров стал генерал-майор М.М.Халилов. Он сразу

М.Пржевальский

же заявил о стремлении отмежеваться от борьбы Советской России с Добровольческой армией, направив все силы на укрепление государственности и внутреннего порядка [20, с.192]. Но Деникин и новый главноначальствующий Терско-Дагестанским краем генерал И.Г.Эрдели уже заканчивали последние приготовления к силовой акции против Горской Республики.

Город Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск) – столица Горской Республики

Опираясь на данные разведки, белогвардейское руководство ясно видело всю картину чудовищной слабости Горской Республики. Ее вооруженные силы составляли всего лишь Дагестанский конный полк и пехотный батальон имени имама Шамиля, а также малочисленные гарнизоны городов и не превышали 1000 человек. На вооружении находилось 24 полевых и 3 горных орудия, однако квалифицированных артиллеристов практически не было. Объявленная 7 апреля мобилизация полностью провалилась: на призывные пункты явилось всего 18 (!) человек. Неспособность лидеров горской национал-демократии восстановить экономику и финансы, преодолеть кризис и разруху, а также тяжелое экономическое положение населения, спекуляцию и рост цен, коррумпированность аппарата управления привели к разочарованию дагестанцев в «независимой» республике [9, л.70]. Многие аулы открыто не подчинялись правительству и игнорировали его распоряжения. Город-

ские низы были настроены большевистски, а зажиточные классы, опасаясь победы большевиков, склонны были поддержать Деникина, с которым связывали надежды на восстановление твердого порядка. «Вообще уставшее население склонно к мирным занятиям», – отмечалось в сводке отдела пропаганды Особого совещания¹ от 7 мая 1919 г. [5, л.116].

Англичане также пересмотрели свою прежнюю позицию. Убедившись в слабости Горского правительства, они вполне обоснованно полагали, что следующая попытка большевиков взять власть может увенчаться успехом, а, овладев Дагестаном, Советская Россия получила бы прекрасный плацдарм для броска к Баку. Британское командование стало склоняться к мысли, что белые, заняв Дагестан, смогут надежнее прикрыть бакинскую нефть от большевиков, чем горские национал-демократы.

Последнюю надежду Горское правительство возлагало на... итальянцев. В середине мая стали муссироваться слухи о скором выводе британских войск из Закавказья и замене их итальянскими частями. 22 мая глава итальянской миссии в Баку полковник Габба посетил временно исполняющего должность дипломатического представителя Горской Республики в Азербайджане Б.Малачиханова и высказал готовность королевского правительства Италии поддержать горцев в их стремлении к независимости [4, л.31].

Однако было поздно: войсковая операция ВСЮР в Дагестане уже началась. Белогвардейскими войсками командовал генерал Д.П.Драценко. 18 мая он занял Хасавюрт, через несколько дней, почти не встретив сопротивления, его солдаты вошли в Порт-Петровск, а 22 мая – в Дербент. Белогвардейское командование

Генерал У.Томсон

¹ Особое совещание при Главкоме Вооруженных Сил Юга России – законосовещательный и распорядительный орган управления антибольшевистских сил на Юге России в 1918—1919 гг., выполнявший функции правительства на территории, подконтрольной войскам Добровольческой армии и ВСЮР. Фактически выполняло функции дореволюционных Совета министров и Государственного совета.

заявило, что оно не признает Горское правительство и переговоры с ним вести не намерено, однако готово признать собственно Дагестанское правительство и вести с ним переговоры о политическом урегулировании конфликта. 23 мая в Темир-Хан-Шуре состоялось экстренное заседание Союзного Совета Горской Республики, посвященное создавшемуся положению. Исполняющий обязанности шейх-уль-ислама А.-Б.-Х.Мустафаев заявил, что шариат запрещает правительству втягивать народ в неравную борьбу с превосходящими силами противника и тем самым подвергать опасности его физическое существование. Его поддержал Н.Гоцинский и некоторые другие богословы. В результате депутаты приняли решение распустить Союзный Совет и Горское правительство и сформировать Временное правительство Дагестана из 3-х лиц во главе с генералом М.Халиловым «для охраны порядка и общественного спокойствия». Члены Союзного Совета от Дагестанской области объявили себя Временным Дагестанским законодательным органом [8, л.1]. 29 мая в обмен на признание Деникиным автономии Дагестана, правительство Халилова санкционировало ввод белогвардейских войск в Темир-Хан-Шуру, объявив регион частью России. Горская Республика прекратила свое существование.

Подводя итоги, следует отметить, что причиной конфликта стало нежелание сторон идти друг другу на уступки и занятая ими жесткая позиция на переговорах. Деникин наотрез отказывался признавать независимость Горской Республики, намеревался реинтегрировать Северный Кавказ в состав «единой России» и настаивал на участии горцев в войне с РСФСР. Горское правительство, в свою очередь, категорично требовало вывести все подразделения ВСЮР с Северного Кавказа, отказаться от вмешательства во внутренние дела республики и не проявляло желания воевать с большевиками за пределами Кавказа. Оно подчеркивало, что вопрос о статусе региона может быть решен только на Парижской мирной конференции.

Несмотря на то, что достижение компромисса в принципе представлялось возможным, стороны не нашли в себе достаточной политической мудрости для мирного урегулирования противоречий. Горское правительство до последнего было уверено в поддержке Антанты, а Деникин, зная о слабости республики, считал, что военная операция не займет много времени и сил. Действительно, во второй половине мая 1919 г. в крайне сжатые сроки ему удалось почти без потерь ликвидировать Горскую Республику и поставить под свой контроль всю территорию Северного Кавказа. Однако тактический успех очень скоро обернулся

стратегическим поражением. Белогвардейское командование вынуждено было решать многочисленные проблемы региона и запутанные межэтнические противоречия между проживавшими там народами. Белые оказались втянуты в затяжной конфликт с горцами, неоднократно поднимавшими восстания, в результате чего должны были постоянно держать в крае крупные воинские силы. Более того, в разгар наступления на Москву осенью 1919 г. Деникин вынужден был перебрасывать с главного направления часть сил в Чечню и Дагестан против местных повстанцев. Все это, безусловно, ослабило Белое движение на Юге России и явилось одной из причин его конечного поражения.

Библиографический список

1. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (далее – ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф.2. Оп.1. Д.14.
2. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп.1. Д.58.
3. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп.1. Д.60.
4. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп.1. Д. 61.
5. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп.1. Д.151.
6. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ГКУ «ЦГА РД»). Ф.Р-621. Оп.1. Д.12.
7. ГКУ «ЦГА РД». Ф.Р-621. Оп.1. Д.18.
8. ГКУ «ЦГА РД». Ф.Р-621. Оп.1. Д.33.
9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – РГБУ «ЦГА РСО-Алания»). Ф.2с/Р-2. Д.4.
10. РГБУ «ЦГА РСО-Алания». Ф.Р-9. Оп.1. Д.13.
11. Вестник Горской Республики. 1919. 18 апреля. №4.
12. Вестник Горской Республики. 1919. 20 апреля. №5.
13. Вестник Горской Республики. 1919. 18 мая. №9.
14. Дагестан. 1919. 26 февраля. №38.
15. Дагестан. 1919. 2 марта. №40.
16. Северный Кавказ. 1919. 13 февраля. №12.
17. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горской Республики. История несостоявшегося государства. 1917–1920. М.: Центрполиграф, 2018.
18. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.5. Минск: Харвест, 2002.
19. Пржевальская Л.К., Пржевальский Н.М. Генерал М.А.Пржевальский и Белое движение [Электронный ресурс] // Кубанское казачье войско. URL: <http://slavakubani.ru/kazachestvo/fame-cossack/warriors/general-m-a-przhevskiy-i-beloe-dvizhenie/> (дата обращения – 03.03.2020).
20. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.): (документы и материалы). 2-е изд., испр. и доп. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013.
21. Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанский науч.-исслед. ин-т, 1927.

Самым мужественным государством
бывает то, в котором лучше всего
награждается доблесть и сильнее
всего наказывается трусость.

Клод Адриан Гельвеций

Наука является коллективным творчеством и не может быть ничем иным; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века, и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни.

Анри Пуанкаре

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

**РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
КАК ПРЕДТЕЧА
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
ЧАСТЬ III:
РОССИЯ И ШВЕЦИЯ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
94(47)08:35

В третьей, заключительной части статьи авторы приходят к выводу, что русско-шведские противоречия сыграли далеко не главную роль в происхождении Северной войны. Ее инициаторами были другие государства, которые имели к Швеции давние претензии, выливавшиеся в постоянные конфликты. Хотя Россия не собиралась вечно мириться с отсутствием у нее выхода на Балтику и хотела, как минимум, вернуть свои исконные северные земли, она была вынуждена терпеливо ждать своего часа. Этот час мог наступить гораздо позже 1700 года, если бы не был подписан мирный договор с Турцией, избавивший Петра от угрозы войны, которая заставила бы надолго забыть о реванше над Швецией.

In the third and final part of the article the authors came to the conclusion that the Russian-Swedish tensions had not played a major role in the origins of the Great Northern War. It was initiated by other states with long-standing claims against Sweden that resulted in permanent conflicts. Although Russia was not going to constantly put up with its lack of access to the Baltic shores and wanted at least to regain its native Northern lands lost to the Swedes in the early 17th century it had to wait patiently until the right time. The propitious moment might have come much later than 1700 if not for the signing of a long-cherished peace treaty with Turkey. This saved tsar Peter from the threat of war which would have made him postpone the revenge over Sweden indefinitely.

Ключевые слова: Северная война 1700–1721 гг.; русско-шведские отношения XVII века; Петр Великий; петровская дипломатия; Османская империя; Карл XII.

Key words: The Great Northern war of 1700–1721; Russian-Swedish relations in the 17-th century; Peter the Great; Peter's diplomacy; the Ottoman Empire, Charles XII.

E-mail: degas@list.ru

¹ Окончание. Начало см.: 2019. №5, 2020. №1.

ЧАСТЬ III. РОССИЯ И ШВЕЦИЯ

Немного предыстории Северной войны

Поскольку Северную войну вели главным образом Россия и Швеция, может возникнуть впечатление, будто основная масса горючего материала для нее скапливалась в русско-

шведских отношениях. Это далеко не так. Конечно, московских царей не устраивал тот факт, что с 1617 года их владения были полностью отрезаны от Балтийского моря, но у них были заботы поважнее. Решая острейшие проблемы безопасности на своих западных и южных границах, Россия в течение XVII века трижды воевала с Польшей (в общей сложности 24 года) и дважды с Турцией (23 года). Причем польские (до 1686 года) и турецкие (до 1700 года) войны заканчивались лишь перемириями, что говорило о высоком уровне противоречий между государствами. Между тем, с момента заключения Столбовского мирного договора (1617 год) до 1700 года была лишь одна русско-шведская война, длившаяся всего два года и закончившаяся подписанием прочного Кардисского мира (1661 год). Он не устраивал Москву, однако нарушать договор она не собиралась. Сохранение статус-кво на севере было для России гораздо важнее, чем рисковать войной в условиях, когда приходилось держать изнурительную оборону на западе и юге.

Теперь бросим взгляд на отношение других государств к шведскому господству на Балтике. Тут опять-таки следует обратиться к конкретным фактам. На протяжении того же XVII века Дания воевала со Швецией пять раз, Польша три раза и Бремен дважды. Пруссия не принимала в этом участия только по своей тогдашней слабости, но претензий к Стокгольму имела много. Общая продолжительность войн составила 43 года. Победителями из них в подавляющем большинстве случаев выходили шведы. Это наглядно указывает на то, где именно находились точки критического напряжения в балтийском вопросе, что, впрочем, вовсе не свидетельствует о бесконфликтном характере русско-шведских отношений. Но для того, чтобы они превратились из потенциального в реальный очаг возгорания, понадобилось много времени даже на завершающей стадии этого процесса, связанной уже с царствованием Петра I.

Каким бы неотвратимым появлением в царской внешнеполитической повестке темы балтийского реванша сегодня ни казалось, можно констатировать, что до 1700 года Петр эту тему в практическую плоскость не переводил. В русско-шведских дипломатических документах конца

XVII века о Балтике не обмолвлено ни единым словом². Царя больше всего заботило отношение Стокгольма к выборам короля в Польше. Он обратился к Швеции (начало августа 1697 г.) с предложением объединиться в военный союз против де Конти (читай – против Франции). Тогда принц, «видя забаву в воинских промыслах... обоих государей (русского царя и шведского короля. – *В.Д., И.С.*) на общего креста святого неприятеля (имелся в виду де Конти, поддерживавший турецкого султана и крымского хана. – *В.Д., И.С.*)», не рискнет учинять «каковые либо тягости или убытка кому». При этом Петр апеллировал к условиям Кардисского договора (1661 г.), «в котором написано, что во всем друг другу всякого добра хотеть и лучшего искать». [3, с.901–903].

**Шведское посольство
в Россию (1699 год)**

После возвращения Петра из заграницы Стокгольм отправил в Москву посольство для извещения о восшествии на шведский престол Карла XII и подтверждения условий Кардисского мира 1661 года. Миссию, включавшую 150 человек, возглавляли канцлер барон Яган Бергенгельм, ландсгевдинг барон Андерс Линденгельм и ассессор Самуил Гетте. На подъезде к русской столице гостей хлебосольно принял (23 июля 1699 года) Л.К.Нарышкин в своей подмосковной вотчине селе Чашниково. Глава Посольского приказа сообщил, что его царское величество, как и было предварительно уговорено, ждал послов до марта месяца, и, не дождавшись, уехал, и теперь находится «в дальних пределах... в непрестанных воинских приуготовлениях». Встречать послов и вести переговоры поручено ближним боярам. Ему, Нарышкину, и сенату, в частности.

В общих чертах объявив о цели визита, шведы сказали, что подробности они передадут лично Петру, как и королевскую грамоту Карла XII.

Л.К.Нарышкин указал на нецелесообразность такой процедуры, поскольку о времени возвращения царя неизвестно, и гостям долго придется сидеть в Москве без дела. Он предлагал действовать через него, тогда и ответ от государя будет получен быстро.

Шведы твердо настаивали на своем, и вскоре выяснилось, почему для них так важно физическое присутствие Петра. Они заявили, что

² *Формально это действительно так, хотя ниже мы коснемся русско-шведских переговоров 1699 года (октябрь), в которых не все было однозначно.*

согласно 27-й статье Кардисского договора, царь, в связи с приходом к власти нового шведского короля, должен в присутствии королевских посланцев «дать присягу на святом евангелии и тот вечный мир своею государскою душою и крестным целованием подтвердить».

В ответ Л.К.Нарышкин горячо заверял собеседников в непрестанном попечении Петра об «урастании соседственной дружбы и любви» между государями обеих держав. Вместе с тем он столь же категорично отверг шведское толкование соответствующего положения Кардисского мира. «Такого обязательства в той статье не написано», – отрезал боярин. И был прав. Написано в той статье было другое: в случае смерти одного из государей-подписантов производится «обвещание посольствами» и обмен подтвердительными грамотами. И никаких крестоцеловательных присяг при свидетелях [1, с.14–117; 7, с.525–527; 5, с.642–647].

Шведов было не пронять. Они выразили готовность ждать царя, сколько понадобится, но только бы исполнить данный им наказ. Продолжать разговор Нарышкин не стал, объявив гостям дату их въезда в Москву – 26 июля. По тому, как торжественно обставили эту церемонию, ни за что нельзя было догадаться о малоприятном обмене мнениями, состоявшимся накануне [7, с.329–331; 1, с.118]. Давая общую оценку осенней дипломатической ситуации 1699 года, Н.Г.Устрялов резюмировал: «Таким образом, по возвращении из Керченского похода 27 сентября Петр нашел в Москве два посольства: одно (от Карла XII. – *В.Д., И.С.*) предлагало мир, другое (от Августа II. – *В.Д., И.С.*) – войну со Швецией». Вступая в параллельные переговоры с одними (открыто) о сохранении мира, с другими (тайно) о подготовке к войне, «Петр, – как писал тот же Н.Г.Устрялов, – не страшился ни упреков современников, ни суда потомков: государственные выгоды отечества были для него выше всех расчетов» [7, с.331–332].

Поскольку это похоже на попытку морально оправдать царя, возникает вопрос: а в чем собственно его вина? Петр оказался в непростой и в то же время совершенно тривиальной, с точки зрения дипломатической истории, ситуации, диктовавшей необходимость строго рационального поведения. Одно из требований момента – сохранение миссии Карловича втайне от шведских посланцев – вообще не подлежит анализу в морализаторском стиле, хотя бы потому, что дипломатия большей частью относится к негласной сфере деятельности. Впрочем, мало что изменится, если оценивать поведение Петра по сугубо житейским меркам. Ведь он, в принципе, не обманывал ни Августа II, ни Карла XII. Как бы угро-

жающе ни выглядело соглашение с польским королем, в реальности оно носило эвентуальный характер. Его положения ровным счетом ничего не стоили без вступления в силу статьи тринадцатой, согласно которой

Россия решалась на разрыв со шведами только после урегулирования самой фундаментальной для нее внешнеполитической проблемы – турецкой. А исход переговоров в Стамбуле, повторимся не в первый раз, зависел от слишком многих, крайне непредсказуемых факторов.

Теперь вновь обратимся к русско-шведским переговорам, чтобы, между прочим, выяснить, «обманывал» ли Петр Карла XII и в чем именно.

13 октября 1699 года королевская делегация была представлена царю в его кремлевских покоях. Церемония прошла пышно. Шведы могли бы придраться к соблюдению буквы протокола, если бы это нарушение не польстило их сердцу. Дело в том, что в начале действия послы «правили великому государю (от Карла XII. – В.Д.,

Петр I

И.С.) поклон», после чего Петр, согласно заведенному порядку, должен был, немного приподнявшись в знак почтения, справиться о здоровье короля. Царь сделал это стоя, с непокрытой головой, оставаясь в таком положении на протяжении всей официальной части приема. Легко догадаться, как тронуло гостей такое «непротокольное» поведение. Как после этого не простить ему нетерпеливый и не очень дипломатичный жест, призывавший послов опустить в их приветственной речи перечисление всех царских титулов («больших титл слушать не изволил») и перейти к следующей части церемонии: передаче государю королевской грамоты, припаданию к руке, вручению шведских даров, ответной бла-

государственной речи, объявлению о царском угощении для послов и т.д. [1, с.132–133].

На следующий день гости снова и с такой же помпезностью были доставлены в Кремль благодарить Петра за хлебосольный прием. И на этот раз он «изволил стоять ...без прикрытия главы». Затем послам сообщили, что для переговоров с ними о делах назначены три высокопоставленных лица: Ф.А.Головин, С.И.Языков и П.Б.Возницын. На этом аудиенция завершилась и следом тут же в Кремле открылась первая конференция. Она была весьма странной. В ответ на предусмотренную протоколом просьбу объявить о цели визита в Москву шведы сказали, что они к такому объявлению пока не готовы. Если гости таким образом тянули время (вопрос, однако, для чего), то русские этого делать не желали. Ф.А.Головин заявил, что ответ их принят к сведению, однако он уполномочен сообщить, что царь с удовлетворением ознакомился с королевской грамотой, где речь идет о подтверждении трех договоров: Кардисского 1661 года, Плюсского 1666 года и Московского 1684 года. [5, с.532–551, с.642–647; 6, с.619–622]. Поэтому можно приступить к обсуждению темы, не откладывая.

Послы отказались во второй раз, но теперь открыли причину. Оказывается, они привезли с собой не только ту королевскую грамоту, что уже была передана Петру, но и другую, «от слова до слова» включавшую тексты вышеуказанных договоров, которые были подтверждены подписью и печатью Карла XII. Предъявив это выдающееся произведение типографского искусства, шведы заявили о стремлении их короля обновить и подкрепить соседственную дружбу с царем в соответствии с представленными документами. Принимая грамоту, Ф.А.Головин сказал: «То дело доброе и ...дай

Карл XII

боже, чтобы тому учинилось довольство». Он заверил, что о грамоте будут донесено государю незамедлительно.

Хотя предмет переговоров был ясен обеим сторонам, просьбу гостей об отсрочке охотно уважили. Их лишь спросили, когда они будут готовы. Те указали на 17 октября. Тогда и начались настоящие переговоры. Не считая первую (квази-) конференцию, их было пять (17, 20, 26 октября, 2 и 20 ноября). Позиция Петра основывалась на его однозначном согласии продолжать «соседственную дружбу» со Швецией. Однако его не устраивали навязываемые ему (порой, чуть ли не ультимативно) формы подтверждения прежних русско-шведских договоров. О них, собственно, и шел основной спор, жаркий и долгий.

Стороны с разной степенью убедительности и осведомленности оперировали историческими аргументами, обычаями, прецедентами. Существенно расходились толкования церемониально-протокольных правил, принятых в международной практике вообще и в русско-шведских отношениях в частности. Камнем преткновения стало требование послов о том, что Петр должен принести крестоцеловальную присягу на верность договорам между Москвой и Стокгольмом. В обоснование этого притязания приводились доводы, относившиеся к правлению царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. И теми же ссылками на историю и на более близкие времена русская сторона оспаривала шведские домогательства.

К обсуждению этого вопроса московские дипломаты и законоведы подготовились лучше, чем шведы, поставленные в замешательство русскими контраргументами и вынужденные, в конце концов, уступить. Это было еще и состязание на скорость и глубину сугубо логического мышления. На шведские атаки русские моментально отвечали контратаками, вынуждавшими гостей брать тайм-ауты для обдумывания дальнейшей стратегии. Они пытались давить на собеседников заявлением о невозможности вернуться в Швецию без точного выполнения королевского наказа добиться от Петра крестоцеловальной присяги. Ф.А.Головин ответил, что царь уже давал такую присягу в 1684 году перед шведским посольством Гильденстерна вскоре после вступления на престол, и об унижении для царского достоинства акте повторения ее не стоит даже говорить, тем более, если придерживаться буквы Кардисского договора, где об этом нет ни слова. Послы зашли с другой стороны, сообщив, что в указанном трактате идея о подтверждении присяги отсутствует лишь потому, что она естественно подразумевается как «древнее обыкновение». Барон Яган Бергенгельм и его товарищи в

очередной раз отказались действовать вопреки королевскому наказу, предупредив о своем намерении запросить у Стокгольма новые инструкции, поскольку русская позиция непреклонна.

Ф.А.Головин посоветовал этого не делать, напомнив, что четверть века назад (1674 год) шведский посол в Москве Густав Оксенсьерна уже посылал гонца в Стокгольм, и ждал ответа около пяти месяцев, живя «на своих проторях» (за свой счет). Нынешнему посольству придется запастись возможно и большим терпением, учитывая длительные разъезды царя по своим дальним границам. Перспектива неопределенно долгого проживания в русской столице, да еще «на своих проторях», была не из приятных.

Взывая к благоразумию гостей, боярин позволил себе не согласиться с гостями, ссылавшимися на отсутствие у них достаточных полномочий для принятия русской точки зрения. Ф.А.Головин давал понять, что сняв свои возражения, они разрядят ситуацию, избавят себя и русских от бесплодного продолжения дискуссии и получат все основания считать свою миссию честно выполненной.

Шведы и сами это осознавали, однако просто взять и отступить не позволяла державная гордость. Под конец дебатов по данной проблеме они сделали попытку прибегнуть к подобию угрозы: если Петр не хочет приносить присягу, то и Карлу XII это делать не к лицу. Ф.А.Головин вежливо поправил шведских делегатов, подчеркнув принципиальную разницу между нежеланием царя приносить вторичную присягу и отказом короля, в случае такового, давать присягу впервые. Кроме того, в истории русско-шведских отношений имели место случаи, когда мирный договор (Столбовский 1617 года) подтверждался обеими сторонами без всяких присяг. Иными словами, Ф.А.Головин речь вел о церемониально-протокольной симметрии, для соблюдения которой требовалась не повторная присяга Петра, а первичная присяга Карла XII.

Возразить было нечем, но как признать правоту русских так, чтобы это не выглядело потерей лица. Яган Бергенгельм и его советники в поисках достойного выхода из положения спросили, нужно ли Карлу XII, если Петр уйдет в мир иной, присягать на подтверждение существующих мирных договоров перед лицом царского наследника. Эта «маленькая» бестактность была своеобразным реваншем за еще не состоявшееся, но приближающееся поражение в дипломатическом споре. Для Ф.А.Головина сами по себе слова о возможной смерти царя звучали как табу и кощунство. Но он сделал вид, будто ничего не заметил, торжест-

венно заверив, что никакой нужды в присягах преемникам Петра нет. Складывать оружие шведы все же не спешили и попросили время на размышление [1, с.136–140; 7, с.337–338].

Через 6 дней на очередной конференции послы поинтересовались, на какие именно прецеденты отсутствия присяг ссылаются русские. Ф.А.Головин объяснил, что в 1635 году царь Михаил Федорович и в 1646 году царь Алексей Михайлович, с одной стороны, и королева Кристина (Христина), с другой, подтвердили Столбовский мир путем простого подписания «докончальных грамот» и обмена посольствами.

Гости, судя по всему удивленные, попросили показать им эти документы, что незамедлительно было исполнено. Шведы сдались [1, с.140–144; 7, с.340–341, 529].

Вторым на переговорах стоял вопрос об «обидах и утеснениях», учиненных русскому Великому посольству во время пребывания его в Риге в 1697 году [2, с.67–86]. Ф.А.Головин изложил эту историю подробно и не без преувеличений, подчеркивая отсутствие реакции Стокгольма на просьбу Москвы провести расследование инцидента и наказать виновных.

Шведские послы, явно лукавя, отвечали, что слышат о том впервые, но воспринимают это как печальное недоразумение, о котором их король не знает, иначе бы он такое дело без последствий не оставил. О чем им доподлинно известно, так это о «почестях достойных», недавно оказанных в Риге направлявшемуся в Голландию царскому послу Андрею Артамоновичу Матвееву и возвращавшемуся с Карловицкого конгресса Прокопию Богдановичу Возницыну.

Гости просили изложить все обиды «на письме», обещая донести их до своего короля.

Рассматривались также мелкие жалобы на поведение шведских властей в отношении русских подданных, на нерадивость рижского почтмейстера, на невнимание к ситуации в пограничных землях, где происходят столкновения по торговым, межевым и другим вопросам. Встречные претензии аналогичного характера предъявили и шведы, в результате чего было решено обменяться «обидными книгами» и назначить с обеих сторон таможенных комиссаров и межевых судей для улаживания споров.

Многозначительной кажется высказанная Ф.А.Головиным мысль о том, что Россия поднимает эти проблемы вовсе не для обострения отношений со Швецией. Если бы царь не стремился к «соседственной

дружбе», то любая из перечисленных обид была бы достаточным предлогом для нарушения мира [1, с.144–147; 7, с.338–340, 527–529].

Не удалось договориться по вопросу, поднятому шведами – о новых пышных эпитетах, которые должны появиться перед титулом Карла XII в официальных русско-шведских документах. Не имея ничего против, Ф.А.Головин предложил сделать соответствующие добавления и к царскому титулу, которые уже присутствуют в обращениях к нему «римского цесаря» и других христианских государей. Когда гости под разными предлогами стали уворачиваться от принятия встречного предложения, им пришлось примириться с мыслью, что разумнее все оставить по-прежнему [1, с.147–148].

Более доброжелательная атмосфера сопутствовала обсуждению таких вопросов, как улучшение дорожного сообщения между Лифляндией и Новгородом, упрощение для подданных обоих государств того, что сегодня называется «визовым режимом», дозволение нескольким членам шведского посольства остаться в России для изучения русского языка [1, с.148–149].

Результаты обнадеживают

В целом русско-шведские конференции прошли в деловом, конструктивном духе, не предвещавшем в ближайшей перспективе обострения отношений. Любезных слов и знаков внимания с обеих сторон хватало. Ф.А.Головин, от имени царя, просил передать Карлу XII благодарность за ценный подарок – 300 пушек «с нарядом» (с вспомогательными инструментами). Петр обращался к королю с «соседственной просьбой» поддержать Россию в борьбе с Турцией. Эту просьбу боярин мотивировал высокой вероятностью возобновления войны, поскольку стамбульские переговоры из-за неуступчивости «гордой и взмерчивой (надменной, чванливой. – *В.Д., И.С.*)» Порты идут очень трудно. Пообещав донести Карлу XII государеву благодарность и просьбу, гости выразили надежду, что во имя дружбы король «ко учинению того склонен явится», чему они, послы, уж постараются поспособствовать изо всех сил. Затем последовало объявление Ф.А.Головина о царском распоряжении выдать шведскому посольству (150 человек, как припомним) кормовых денег на все время их пребывания в Москве [1, с.149–150].

Завершились переговоры 20 ноября 1699 года. Поскольку в этот же день по окончании последней конференции предполагалась прощальная аудиенция у царя, послов при въезде в Кремль встречали с особой торжественностью. Недостатка в обходительности и дорогих подарках не было с обеих сторон. Для финальной сверки гостям дали копии царских грамот к шведскому королю. Сообщение Ф.А.Головина о намерении Петра отправить в Стокгольм постоянного резидента «для росправных дел и смирения ссор и обид» было воспринято «с удовольствием». С пониманием отозвались послы и на просьбу выдавать русских раскольников и смутьянов, если они окажутся на шведской территории. Заявив, что никакого пристанища беглецам не будет, Яган Бергенгельм воспользовался случаем для представления встречного ходатайства. Речь шла о выдаче Стокгольму шведского подданного Иоганна Паткуля, скрывающегося от судебного наказания «в стороне великого государя на Москве».

В этот момент Ф.А.Головин меньше всего был похож на человека, застигнутого врасплох. Не моргнув глазом, он сказал, что «того иноземца... отдадут немедленно», нужно лишь его найти и опознать, для чего следует подать соответствующий запрос в Посольский приказ [1, с.160–161]. Полученные в Европе уроки плутоватой дипломатии не прошли для боярина даром. Он обнадеживал шведов тем смелее, что знал: пока неповоротливая московская бюрократия будет разыгрывать розыскной спектакль, Паткуль успеет покинуть Россию. А там иди, доказывай, был ли этот иноземец в Москве или нет.

Возможно, Бергенгельм и продолжил бы разговор о лифляндском изменнике, если бы в палату не вошел посланный Петром стольник с приглашением на царскую аудиенцию. Она прошла чинно и с точки зрения протокола в более каноничном виде, чем первая встреча послов с царем. Произнеся речь, Бергенгельм поднес государю королевскую грамоту – уже упоминавшийся нами восхитительный памятник книгопечатного искусства. Петр спросил послов «о здоровье», а потом говорил «о делах» в духе дружбы и миролюбия, на что гости ответили словами благодарности.

Затем главное – послам передали «любительные и докончальные грамоты», обернутые в красную камку, для вручения Карлу XII в подтверждение готовности царя соблюдать Кардисский и другие договоры. Обмен документами сопровождался символическим жестом Петра, означавшим царское одобрение и благословение. По случаю свершившегося акта царь велел поздравить шведского короля и допустил послов

«к руке». В завершение отпускной аудиенции шведам объявили, что к ним на подворье будет отправлено монаршее угощение [1, с.160–162; 4, с.310–317].

По мнению русского историка Г.В.Форстена, «шведские послы, бывшие в Москве (после возвращения царя из заграницы. – *В.Д., И.С.*), ничего враждебного к своему государю не предвидели, – доказательство большого искусства Петра-дипломата» [9, с.292]. Более откровенно высказался М.М.Богословский, назвавший общение Петра с шведскими дипломатами «маскарадом, прикрывавшим истинные намерения» [1, с.166, 406]. Это очень важное наблюдение, потому что перспектива русско-шведской войны действительно была вилами по воде писана. В порядке дня стоял вопрос о продолжении войны с Турцией. И дипломатическое искусство государя, мало кем оспариваемое, здесь ни при чем. Оно никогда не помогло бы скрыть от пронзительных европейских осведомителей русские приготовления к разрыву со Швецией, имея они место. Какая-то информация наверняка просочилась бы, учитывая болтливость, бахвальство и продажность многих московских чиновников.

Как мы уже имели случай заметить, отношения между Москвой и Стокгольмом развивались далеко не так прямолинейно и детерминированно, как это зачастую представляется в исторической литературе, то есть уже постфактум. В оценке перспектив этих отношений шведские дипломаты в русской столице воздерживались и от благодушия, и от паникерства. Но все же та или иная степень тревоги присутствовала, что абсолютно естественно в тогдашней международной обстановке. Они просто не могли не обратить внимания на публичное благоволение Петра к Гейнсу [9, с.298] и двукратное пребывание датчанина в Воронеже. Но, с другой стороны, царь находил удовольствие и в обществе других дипломатов, государи которых не собирались воевать со Швецией. На признаки двойственности в настроениях шведской делегации указывал бранденбургский резидент Задора-Цесельский. Он сообщал Фридриху III, что шведы не усматривали в поведении русских опасности для своей страны, но, вместе с тем, проявляли озабоченность военными приготовлениями Петра и настойчиво интересовались условиями договора 1697 года между царем и курфюрстом. Они также просили резидента на всякий случай заверить Посольский приказ в самой тесной дружбе между Фридрихом III и Карлом XII, чтобы удержать Москву от искушения искать союза с Бранденбургом [8, с.75, 78].

Вообще говоря, для Стокгольма, с учетом истории русско-шведских отношений, пребывание в благостном и безмятежном настроении было бы легкомыслием. Настороженность к восточному соседу присутствовала всегда и являлась для шведов естественным состоянием. Неудивительно, что рижский губернатор Дальберг в беседе с направлявшимся в Москву бранденбургским послом Принцем (декабрь 1698 года) высказывал беспокойство по поводу возможных намерений Москвы. Он говорил, что собирается построить в Ливонии новую сильную крепость, хотя пока русские не подписали мир с турками, опасаться нечего [8, с.80].

Среди исследователей, тяготеющих к идее о жесткой исторической детерминированности Северной войны, есть те, кто включает в сферу своего научного анализа любые эпизоды, которые можно истолковать в пользу их точки зрения. 16 октября на пирушке в доме у Томаса Книппера произошла пьяная стычка между шведским дворянином майором Ранком и бранденбургским посланником Задорой-Цесельским, в результате которой последний получил смертельное ранение и вскоре скончался. Ранк пытался бежать в Швецию, но был пойман и взят под стражу. После долгого разбирательства Петр по соображениям доброй воли согласился выдать виновника Карлу XII, однако накануне выдачи Ранк скончался, и в Швецию отправили лишь его тело [8, с.78–80; 1, с.151–154].

Перед нами заурядный по тем временам инцидент, не имеющий касательства к причинам Северной войны³, хотя задним числом действительно возникает невольное искушение каким-то образом найти ему место среди факторов, добавивших масла в огонь, пусть еще и не заглянувшийся.

Краткие итоги

Во второй половине 1690-х годов Петр проявлял в отношении шведов исключительную осторожность, и она имела очень мало общего с преднамеренной политикой усыпления их бдительности. У царя не было нужды ее усыплять, Стокгольм

³ *Будь оно иначе, Фридрих III и Карл XII воспользовались бы этим удобным случаем для обострения отношений. Но они сделали все, чтобы замаять последствия банальной пьяной драки, как ее единодушно оценили и в Кенигсберге, и в Стокгольме. Не стал, несмотря на все свое человеческое негодование, раздувать этот инцидент и Петр, что тоже весьма показательно [8, с.78–80].*

усыплял себя сам, наблюдая за тем, как турецкие дела поглощают все внимание России. До подписания мира с Портой в июле 1700 года, до последнего момента остававшегося под большим вопросом, война с Османской империей была наиболее реальной перспективой на ближайшее время. Петр всецело сосредоточился на подготовке к ней, не откликаясь на отчаянные призывы своих союзников к нападению на Швецию. Только после заключения Константинопольского договора он атаковал шведов, для которых это было почти полной неожиданностью. Неслучайно Карл XII негодовал на Петра за его «вероломство» и исполнился жаждой мести. Лишь в увязке с этим фактом обретает некое правдоподобие версия об «усыплении бдительности» шведов. Она никому бы и в голову не пришла, если бы продолжилась война России с турками. Тогда Северная война была бы совершенно другой и закончилась бы в несколько месяцев полным торжеством выдающегося шведского полководца.

Итак, подводя итог всем трем частям нашей статьи, зададимся вопросом: являлись ли русско-европейские отношения XVII века предтечей Северной войны? Да. Но с одной оговоркой. Признавая неизбежность войны в принципе, следует все же учитывать, что участие в ней России было обусловлено стечением целого ряда международных и внутривосточных обстоятельств, которые вполне могли сложиться совсем иначе.

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т.4. М., 1948. 510 с.
2. Дегоев В.В. Внешняя политика Петра I. Т.1. Русское Великое посольство (1697–1698 гг.). М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2019. 616 с.
3. Памятники дипломатических сношений Древней России. СПб., 1867. Т.8. 798 с.
4. Письма и Бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т.1.888+ЛШ с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т.1. СПб., 1830. 1029+13 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т.2. СПб., 1830. 974+2 с.
7. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.3. СПб., 1858. 667 с.
8. Форстен Г.В. Бранденбург и Москва 1688–1700 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1905, ноябрь.
9. Форстен Г.В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1904, декабрь.

Михаил Ковалев

**«ЗА УКРЕПЛЕНИЕ
МИРА И ДРУЖБЫ»:**

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АКАДЕМИКА
А.М.РУМЯНЦЕВА**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
316.2

Статья посвящена международной деятельности экономиста и социолога, академика А.М.Румянцева (1905–1993). На основе материалов из Архива РАН, впервые введенных в научный оборот, освещаются разные этапы его биографии: период резкого карьерного взлета в 1950-е гг., время бурного всплеска советской социологии в 1960-е гг. и его участие в этом процессе, опала академика в годы брежневского застоя 1970-х. Архивные материалы позволили проследить за тем, как менялась точка зрения А.М.Румянцева на перспективы развития советско-британских отношений и роль науки и культуры в этом процессе, а также его участие в работе Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук, взгляд на экономические реформы в Югославии в 1970-е гг. Таким образом, создается широкая картина участия советского академика, «интеллектуального марксиста», как называли его современники, в транснациональных интеллектуальных обменах периода Холодной войны.

The article is devoted to the international activities of the economist and sociologist, academician A.M.Rumyantsev (1905–1993). Based on new materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences, the various stages of his biography are highlighted: the period of a sharp career take-off in the 1950s, the time of a boom in Soviet sociology in the 1960s and his participation in this process, the academician's fell down during the Brezhnev stagnation of the 1970s. Archival materials allowed to analyze the Rumyantsev's point of view on the prospects for the development of Soviet-British relations and the role of science and culture in this process, his participation in the work of the European Center for the Coordination of Research and Documentation in the Social Sciences, his perspective on economic reforms in Yugoslavia in the 1970s. Thus, a large-scale picture of the participation of the Soviet academician, the «intelligent Marxist», as his contemporaries called him, in transnational intellectual exchanges of the Cold War period is created.

Ключевые слова: А.М.Румянцев; международные научные связи; научная дипломатия; Великобритания; Югославия; социалистические страны; Холодная война; история советской социологии.

Key words: A.M.Rumyantsev; international scientific relations; science diplomacy; UK; Yugoslavia; Eastern Bloc; Cold War; history of Soviet sociology.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

В истории отечественной социологии академику Алексею Матвеевичу Румянцеву (1905–1993) принадлежит совершенно особое место. Он не был простой личностью, его мировоззрение в полной мере несло на себе отпечаток противоречивой эпохи. Нельзя сказать, что о жизненном пути А.М.Румянцева не писали, но все же его биография и научное наследие еще требуют комплексного изучения, в том числе на основе новых архивных источников.

Начало громкой карьеры

А.М.Румянцев родился 3 (16) февраля 1905 г. в деревне Минцово Костромской губернии. Его карьера началась в 1920-х гг. на Украине. После окончания Харьковского института народно-

го хозяйства в 1926 г. он некоторое время работал в органах хозяйственного управления, затем в 1930-х гг. связал жизнь с образованием и наукой. В 1940 г. А.М.Румянцев защитил в Институте экономики АН СССР кандидатскую диссертацию «Возникновение частной собственности на движимое имущество». Его научным руководителем был член-корреспондент АН СССР К.В.Островитянов, а оппонентом Д.Т.Шепилов. Начало Великой отечественной войны А.М.Румянцев встретил в должности заведующего кафедрой политической экономии Харьковского государственного педагогического института имени Г.С.Сквороды. Вместе с институтом он направился в эвакуацию в Таджикистан, где в 1941–1943 гг. возглавлял кафедру основ марксизма-ленинизма Таджикского сельскохозяйственного института в Ленинабаде. Вернувшись в освобожденный Харьков, А.М.Румянцев в 1944 г. переходит на партийную работу в обком. Там ему была вверена работа по пропаганде и агитации. Он не порывает с педагогической деятельностью и наукой, в 1949 г. назначается заведующим кафедрой политической экономии Харьковского политехнического института, а уже на следующий год становится директором Института экономики АН УССР. В 1952 г. А.М.Румянцев переведен в Москву. Он введен в ЦК партии и ему вверено возглавить Отдел науки. На этой должности он проработает до 1955 г., после чего получит назначение главным редактором журнала «Коммунист». К этому времени относится начало активной международной деятельности А.М.Румянцева.

Рис.1. А.М.Румянцев. 1971 г.
(Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.124. Л.5об.)

Успешности данного направления работы способствовали его личные качества. Социолог Лен Вячеславович Карпинский (1929–1995) вспоминал о Румянцеве как о «высокоинтеллигентном человеке», который явно изучал труды классиков в подлиннике, а не по пропагандистским брошюрам [3, с.191]. Видимо, на фоне многих других партийных деятелей А.М.Румянцев сильно выделялся как личными, так и интеллектуальными способностями. Показательно, что на протяжении всей жизни он имел прочные связи в творческой среде. В его личном фонде в Архиве РАН сохранились письма Ю.А.Завадского, Ю.П.Любимова, Б.Н.Полевого, И.Л.Сельвинского, К.М.Симонова, А.И.Солженицына, А.М.Твардовского, К.А.Федина, К.И.Чуковского.

Представительность и обаяние А.М.Румянцева позволяли ему успешно работать в сфере международных связей. Ему довольно быстро удалось наладить связи с зарубежными коммунистическими партиями. По своей служебной работе он объехал почти весь мир. Масштаб его поездок поражает: Австрия, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Индонезия, США, Уругвай, ФРГ, Цейлон, Чехословакия, Югославия, Япония и др. В личном фонде Румянцева в Архиве РАН сохранилось множество фотоснимков, наглядно демонстрирующих широчай-

шую географию его заграничных поездок [1, д.106, 107, 113, 115, 117, 118, 119, 120, 121 и др.]. Однако имеющиеся там документальные материалы о международной деятельности А.М.Румянцева немногочисленны. Тем важнее их введение в научный оборот. Среди таких документов – отчет о развитии советско-британских связей.

**А.М.Румянцев и его встречи
в Великобритании**

В июле 1956 г. делегация Верховного совета СССР, в которую входил и А.М.Румянцев, посетила Великобританию по приглашению парламента. К сожалению, материалы об

этой поездке в Архиве РАН скудны. Правда, имеется коллективное фото делегатов, на котором рядом с А.М.Румянцевым запечатлена Е.А.Фурцева [1, д.105, л.1]. В августе 1956 г. он был приглашен в британское посольство в Москве для обсуждения итогов поездки и перспектив развития советско-британских связей. Результаты этого визита А.М.Румянцев отразил в служебной записке на имя Д.Т.Шепилова, ставшего 2 июня 1956 г. министром иностранных дел СССР.

Рис.2. А.М.Румянцев (третий справа) в составе делегации Верховного Совета СССР во время визита в Великобританию. Кембридж, июль 1956 г. Четвертая справа – Е.А.Фурцева (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.105. Л.106.)

Хозяин встречи в посольстве, Джозеф Доббс (1914–2002), был важной фигурой в истории советско-британских связей. Ирландец по рождению, выпускник Кембриджа и поборник империи, он еще в конце 1930-х гг. заинтересовался международными отношениями. В годы Второй мировой войны сражался в рядах британской армии в Северной Африке, был в числе первых союзных солдат, высадившихся на юге Италии. В освобожденном Риме ему, как старшему офицеру, было поручено взаимодействовать с итальянской армией. Там же, в итальянской столице, он занялся изучением русского языка, беря уроки у русских эмигрантов. После демобилизации он подал заявление о поступлении на службу в Форин Оффис и в октябре 1947 г. был направлен на работу в Москву. В советской столице он проработает с перерывами до 1974 г., в общей сложности – 14 лет. Это едва ли не дольше, чем прочие британские дипломаты в Москве. Д.Доббс критически относился к коммунизму, доказывая неизбежность его краха. В то же время он с оптимизмом смотрел в будущее российского народа и с глубокой симпатией относился к русской истории и культуре. Он завел немало друзей и знакомых в московской творческой среде, среди которых были Надежда Мандельштам и Мстислав Ростропович. Один из сотрудников британского посольства вспоминал о Д.Доббсе как о «человеке неизменной доброты, которую он распространял и на русских, относясь к ним как к порядочным людям, обремененным дрянной системой» [20, р.71]. Таким образом, перед А.М.Румянцевым был умный и внимательный собеседник, готовый к трудным интеллектуальным дискуссиям. Важно обратить внимание и на другого британца, присутствовавшего при встрече в посольстве. То был Исая Берлин (1909–1997), именитый историк, литературовед и философ, чье имя в специальном представлении не нуждается. Он родился в Риге, в детстве видел революцию 1917 г. в Петрограде, вместе с родителями эмигрировал в Великобританию в 1921 г. Россия стала предметом его интеллектуальных рефлексий на всю жизнь. В 1945–1946 гг. он был сотрудником британского посольства в СССР и получил возможность лично познакомиться с крупнейшими писателями, артистами, художниками и учеными. В момент встречи с А.М.Румянцевым дипломатия для И.Берлина была в прошлом. Он сосредоточился на научных исследованиях, пребывая в статусе профессора Колледжа всех душ (All Souls College) в Оксфордском университете.

Неформальная встреча с Д.Доббсом и И.Берлиным состоялась в тот момент, когда советско-британские отношения делали крутой поворот от противостояния к попыткам поиска примирения. С официального визита в Великобританию Н.С.Хрущева и Н.А.Булганина в апреле 1956 г. начался многотрудный процесс разрядки двухсторонних связей. Записка А.М.Румянцева наглядно демонстрирует, что науке и культуре в этом процессе отводилось особое место. Как заметил М.А.Липкин, период 1956–1963 гг. стал настоящим «бабьим летом» в англо-советских отношениях, временем, когда расцвела «публичная дипломатия», когда усилились контакты представителей британской и советской интеллигенции [5]. В 1957 г. А.М.Румянцев вновь посетит Великобританию, что будет связано с проведением 12–19 сентября в Лондоне 46-й конференции Межпарламентского союза [1, д.48, л.1–2].

«Интеллигентный марксист» Авторитет А.М.Румянцева за рубежом способствовал его продвижению по карьерной лестнице. В 1958 г. он был назначен главным редактором ежемесячного журнала «Проблемы мира и социализма», издание которого намечалось в Праге. Атмосфера в редакции по меркам того времени была либеральной, что обеспечивалось личными качествами Румянцева. Работавший в то время в журнале социолог Александр Борисович Вебер (род. 1929) вспоминал о нем: «Он был просвещенным человеком и терпимо относился к разным взглядам. Мы имели возможность ездить за рубеж, печататься в журнале, встречаться с людьми из разных стран. Из Праги я ездил в страны Западной Европы, в том числе в Италию, скандинавские страны. Это дало другое видение мира чем то, которое до этого складывалось в Москве» [6].

Работа в Праге, вовлеченность в круги европейских интеллектуалов, несомненно, оказали серьезное влияние на мировоззрение А.М.Румянцева. Л.В.Карпинский писал о нем как об «интеллигентном марксисте, стороннике, если можно так выразиться, правового социализма». Его понимание социализма «строилось на базе фундаментальных западных ценностей в западной цивилизации: конституционность, плюрализм, дискуссионность в самой партии, права человека, свободы» [3, с.192]. После того, как в 1964 г. А.М.Румянцев был отозван из Чехосло-

вакии в Москву, где ему вверили руководство «Правдой», он попытался воссоздать демократическую атмосферу в редакции главной партийной газеты. Такой подход нравился не всем. В результате в 1965 г. он был отозван с этой должности и переведен на работу в АН СССР. Современники полагали, что одним из весомых поводов для этого решения стала публикация в газете его нашумевшей статьи об интеллигенции [12], вызвавшей раздражение партийных консерваторов [3, с.193–194].

Рис.3. А.М.Румянцев с сотрудниками журнала «Проблемы мира и социализма». Прага, начало 1960-х гг. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.112. Л.5)

Уход Румянцева в научное администрирование не разорвал прежних международных связей, а, напротив, усилил их. Развивать их помогал высокий научно-бюрократический статус: в 1960 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1966 г. стал академиком и академиком-секретарем Отделения экономики, а в 1967 г. получил пост вице-президента всесоюзной академии. А.М.Румянцев был в числе немногих ученых-обществоведов, кто ясно осознавал важность развития интеллектуальных контактов с иностранными коллегами и всемерно способствовал их развитию. Правда, в 1950-е гг., это сотрудничество мыслилось ему исключительно как пропагандистское оружие в борьбе с «буржуазной наукой». Свидетельство тому – аналитическая записка А.М.Румянцева и П.Н.Федосеева на имя Н.С.Хрущева об участии в

августе 1956 г. в III Международном конгрессе социологов в Амстердаме. В ней авторы призывали резко активизировать контакты с учеными-обществоведами из стран народной демократии, чтобы усилить интеллектуальное присутствие там советской науки в противовес науке западной [11, с.585–587]. В апреле 1958 г., отвечая на письмо первого секретаря Румынской академии наук Василе Малинского (1912–1992), А.М.Румянцев подчеркивал полезность усиления личных контактов между учеными социалистических стран [1, д.167, л. 2]. Однако постепенно, по мере развития его собственных научных связей за рубежом, он все больше осознавал потребность советской науки в широких интеллектуальных обменах. Хотя Румянцев был убежденным марксистом, он постепенно убеждался в необходимости слушать не только идейных сторонников или попутчиков, но также и критиков. Он был чужд безудержного и беспартийного обличения «буржуазной науки», столь свойственного большинству представителей советских общественных и гуманитарных наук. Это качество А.М.Румянцева, вкупе с его личным обаянием, ценили коллеги из разных стран. Показательно, что готовя визит академика в США в 1968 г., американская сторона желала, чтобы Румянцев встретился не только с учеными, но и с кем-то из государственных деятелей. Об этом намерении советскую сторону уведомил профессор Колумбийского университета Джон Фишер (1910–2009) во время запрошенной им 2 марта 1968 г. встречи с Н.А.Ковальским, представителем СССР в Комиссии социального развития ООН. Организовать переговоры А.М.Румянцева с высокопоставленным представителем американского истеблишмента брался посол США в СССР Льюэллин Томпсон (1904–1972) [1, д.167, л.29]. Следует особо отметить, что по итогам поездки, состоявшейся в декабре 1968 г., А.М.Румянцев представил детальную аналитическую записку о развитии общественных наук в США, указав при этом на необходимость углубления международных научных контактов [11, с.604–608].

Что касается социалистических стран, то там авторитет академика был особенно высок в силу многочисленных личных связей, во многом сформировавшихся в пору работы главным редактором журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге. Они сохранялись и после того, как Румянцев покинул чехословацкую столицу. Показательно, что публикация в «Правде» его статьи о советской интеллигенции вызвала непод-

дельный интерес и даже восхищение у восточноевропейских коллег, особенно в Чехословакии [1, д.167, л.13].

Рис.4. А.М.Румянцев в редакции югославской газеты «Борба». Белград, 14 декабря 1964 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.122. Л.2)

Крепкие международные связи помогли ему в период работы на посту директора Института конкретных социальных исследований АН СССР, созданного в июне 1968 г. А.М.Румянцеву удалось сформировать притягательную интеллектуальную атмосферу, отличавшуюся демократизмом отношений и научного поиска. Владимир Александрович Ядов (1929–2015) описывал, как на одном из институтских семинаров академик обратился к участникам с риторическим вопросом: «Знаете, в чем наши проблемы? Все формации развивались естественным образом, и только одна – путем целенаправленного строительства» [16, с.17]. Спустя годы, В.А.Ядов без всякого преувеличения называл А.М.Румянцева великолепным и очень смелым человеком [2, с.169]. Академик сумел создать коллектив из молодых по преимуществу ученых, которые впоследствии составили цвет отечественной социологии – Б.А.Грушин, Л.В.Карпинский, И.С.Кон, Ю.А.Левада, В.А.Ядов и др.

А.М.Румянцев и Европейский центр по координации исследований и документации в области социальных наук

Интернациональная сторона научной деятельности А.М.Румянцева в ИКСИ АН СССР является малоизученной и не осмысленной в должной мере. Между тем, международные

связи советской социологии, быстро расцветшей на почве «Оттепели», являют собой крайне важный сюжет транснациональной интеллектуальной истории Холодной войны. В связи с этим огромный интерес представляет работа Румянцева и его коллег в Европейском центре по координации исследований и документации в области социальных наук (Венском центре). Среди бумаг ученого в Архиве РАН обнаружен отчет о его участии в сессии Совета директоров этого международного объединения, состоявшейся в Будапеште 10–12 апреля 1969 г. К большому сожалению, это единственный сохранившийся документ в личном фонде А.М.Румянцева, который касается его деятельности в научном союзе.

Европейский центр по координации исследований и документации в области социальных наук начал свою работу 6 апреля 1963 г. в Вене. Он был создан по решению XII Генеральной конференции ЮНЕСКО как автономное отделение Международного совета по социальным наукам. В его задачу входило развивать отношения между социологами из стран Западной и Восточной Европы, активизировать научные дискуссии, стимулировать национальные исследования в сфере социальных наук, но одновременно способствовать их интернационализации. По сути, ему отводилось важное место в системе научной дипломатии времен Холодной войны, направленной на укрепление мира и взаимопонимания между народами. Эта задача становилась особенно актуальной в свете начавшейся в конце 1960-х гг. подготовки подписания заключительного акта о безопасности и сотрудничестве в Европе. С практической стороны, Центр занимался проведением конференций и семинаров, координацией научных проектов, особенно сравнительного плана, способствовал обмену информацией по актуальным социальным исследованиям, развивал деловые коммуникации между учеными. Тематика проектов охватывала широкий спектр социальных проблем, но упор в работе все же делался на текущие социальные явления, на изучение актуальных социальных трансформаций. Среди перспективных направлений работы были обозначены: технология и общество, окружающая среда и общество, Средиземноморский регион, семья и демография, сельские и городские системы, язык, этничность и культура, экономика и сельское хозяйство, информация и документация, изучение конфлик-

тов и миротворчества, междисциплинарность и философия, образование. В этой работе были объединены совместные усилия национальных комитетов. Исследования регулировались заранее намеченными планами, анализ и интерпретация результатов осуществлялись как на национальном, так и на межнациональном уровне [13, с.240–241]. Среди главнейших исследовательских направлений был упомянутый в отчете А.М.Румянцева проект «Автоматизация и рабочий класс», в разработке которого принимали участие 15 национальных групп [19]. Важность его отчетливо осознавалась в силу бурного развития технического прогресса, информатизации и компьютеризации. В письме к А.М.Румянцеву в апреле 1968 г. заместитель главного редактора чехословацкого журнала «Репортер» М.Сайдлер замечал: «Технизация, вызванная быстрым внедрением науки в различные области общественной жизни, ставит руководство – прежде всего экономическое и политическое – в совершенно новые условия, несравнимые с традиционными проблемами, которые оно решало в начале этого века. На фоне современной техники масштабы экономической и политической жизни настолько разрослись, что ни один человек не может взять на себя риск единолично управлять ими» [1, д.167, л.30]. С советской стороны координатором проекта «Автоматизация и рабочий класс» выступал член-корреспондент АН СССР Тимур Тимофеевич Тимофеев (1928–2013), основатель Института международного рабочего движения АН СССР.

Венский центр стал уникальной площадкой взаимодействия между социологами из стран Восточной и Западной Европы. Перед ними открылась возможность непрерывного, открытого обмена идеями и информацией, обсуждения общих проблем развития современного общества. Заметим, что это было время, когда в интеллектуальных кругах Запада витала идея постепенной конвергенции двух экономик – плановой и рыночной, а значит, и двух политических систем.

В руководящих органах Центра состояли влиятельные ученые из социалистических стран. Главную роль среди них играл польский философ Адам Шафф (1913–2006). Долгое время он был одним из идеологов Польской объединенной рабочей партии. Но уже в 1960-х гг. А.Шафф пытался развивать идеи марксизма и обогатить их философскими исканиями польско-американского математика и логика Альфреда Тарского и французских экзистенциалистов, особенно Жана-Поля Сартра. В 1965 г. он издал книгу «Марксизм и личность», в которой писал, что для успеха социализма необходимо развивать демократические институты и обеспечивать реализацию личных свобод. А.Шафф был немедленно

обвинен в ревизионизме, исключен из ЦК партии и удален с поста директора Института философии и социологии. Однако польские власти вряд ли могли повлиять на участие А.Шаффа в работе Венского центра, ибо создавался он под эгидой ЮНЕСКО [17, р.190]. Его идейные искания были попытками конструирования гуманистического социализма и связаны с пониманием потребности мирного сосуществования. Они определялись желанием порвать со сталинским прошлым и создать такую модель международной разрядки, в которой науке принадлежала бы особая роль. Подобные идеи находили множество сторонников в Восточной Европе, особенно в Чехословакии, Польше и Венгрии. Помимо восточноевропейских ученых, в руководство Центра входили и западные авторитеты, как, например, профессор Парижского университета, социолог Жан Стецель (1910–1987), первым во Франции начавший применять социологические опросы. Или же кембриджский профессор Эдвин Робинсон (1897–1994), ученик Д.М.Кейнса, президент Международной экономической ассоциации в 1959–1962 гг.

Рис.5. Заседание Венского центра. Будапешт, 1971 г. (?). Слева направо: А.Шафф, А.М.Румянцев, неустановленное лицо, Ж.Стецель (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.124. Л.3об.)

К сожалению, ряд начинаний ученых из ИКСИ АН СССР, сделанных в рамках работ Венского центра, оказался свернут после ухода А.М.Румянцева с поста директора. Показательна судьба проекта «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение плани-

руемых и непланируемых (спонтанных) факторов социальных процессов». Его участники разработали собственные подходы, основанные на специфике развития советской экономики и социальной сферы, но с вниманием отнеслись и к зарубежным методикам (Т.Парсонс, М.Крозье). Они искренне хотели понять, какие социальные факторы способствуют реформированию предприятий, а какие мешают. После ухода А.М.Румянцева указанный проект посчитали неэффективным, а все его неопубликованные материалы сдали в архив. Многие участники проекта были вынуждены перейти на работу в иные научные учреждения [4, с.209]. Лишь в 2005 г. фундаментальный труд советских социологов увидел свет [14].

В поисках научной свободы

Деятельность А.М.Румянцева раздражала руководство Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, который, по иронии судьбы, сам он возглавлял в 1952–1955 гг. 1 июля

1970 г. академик представил записку в ЦК КПСС, в которой выразил серьезное беспокойство состоянием общественных наук в СССР, отставанием их развития от актуальных проблем и потребностей современности. Он заступался за коллег, обвиняемых в ревизионизме; причем пытался замолвить слово не только за экономистов, но, например, за историка М.Я.Гефтера и его коллег из ликвидированного центра методологии истории. Делая отсылки к К.Марксу и В.И.Ленину, он доказывал, что общественные науки должны носить опережающий характер по отношению к текущим событиям. Но такое опережение возможно лишь в условиях свободного обмена научными мнениями, при разнообразии точек зрения. Главное, А.М.Румянцев обвинял аппарат Отдела науки в административном давлении и мелочной опеке над учеными, в насаждении атмосферы недоверия [11, с.450–456]. Столь смелые для своего времени и своего круга мысли вызвали незамедлительное раздражение партийных консерваторов. Прав во многом Н.В.Романовский, посчитавший, что А.М.Румянцев «под вопрос ставил систему руководства страной, включая роль клана номинальных теоретиков, практику бездумного обслуживания наукой выработки и реализации (реализации безропотной) политических решений» [10, с.26]. В ответной записке от 24 июля 1970 г. заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П.Трапезников обрушился с критикой на А.М.Румянцева. В

мае 1971 г. академика вынудили уйти с поста директора под угрозой исключения из КПСС [8, с.104].

Вынужденная отставка руководителя не спасла институт. В январе 1972 г. на имя М.А.Сулова поступил коллективный донос, в котором ИКСИ АН СССР назывался «рассадником завуалированной антисоветчины (которая выдается ведущими сотрудниками за последнее слово социологической науки)». Среди прочих обвинений, показывающих несоветский характер научного учреждения, было следующее: «Однобокий национальный состав привел к тому, что в Институте царит торгашеский дух, многие сотрудники ИКСИ при встрече вместо приветствия говорят: "Ну, как там наши, бьют арабов?"» [цит. по: 15, с.35–36]. С уходом А.М.Румянцева ИКСИ АН СССР лишился мощного патрона и, по сути, был обречен на реструктуризацию. В научной литературе события 1970–1972 гг. рассматриваются как коренной перелом в развитии советской социологии, связанный с прекращением ряда прежних исследований и выдавливанием видных специалистов, таких как Б.А.Грушин, Л.В.Карпинский, И.С.Кон, Н.Ф.Наумова, Ю.А.Левада и др. [9, с.171–172; 18, р.132–133]. В конце 1972 г. вместо ИКСИ АН СССР был создан Институт социальных исследований АН СССР.

**Югославия глазами
А.М.Румянцева**

Опала А.М.Румянцева предопределила его удаление с поста вице-президента АН СССР в 1971 г. и, вероятно, его вывод из ЦК КПСС в 1976 г. Тем не менее кипучая дея-

тельность ученого не прервалась, но приняла новые формы. Он продолжал работу в Академии наук, 13 июня 1973 г. был избран президентом научной секции Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) [1, д.61, л.1]. Эта сторона его работы отразилась в отчете о поездке в Югославию, которую он совершил по линии Союза 5–13 июня 1978 г. [1, д.170, л.1–8]. Напарником А.М.Румянцева в этой поездке стал член-корреспондент АН СССР Павел Григорьевич Бунич (1929–2001). Пребывание в этой балканской стране советских ученых: стажеров, участников конференций, членов делегаций – без сомнения представляет особый научный интерес. Тем более, что в Архиве РАН сохранился огромный массив отчетов о таких поездках. Югославия занимала особое место среди социалистических стран, а потому ее научные связи с СССР тоже имели свою специфику.

Взгляд побывавших там советских специалистов на конкурирующую модель социализма еще требует специального изучения.

А.М.Румянцев неоднократно бывал в Югославии. Например, в декабре 1964 г. он посещал Белград как член делегации КПСС на VIII съезде Союза коммунистов Югославии, и тогда же Иосип Броз Тито вручил ему персональный подарок [1, д.150, л.1]. Поездки 1970-х гг. были регулярными и имели особые причины, связанные с бурными политическими и социально-экономическими процессами в этой стране. Желая преодолеть внутренний кризис, все отчетливее говоривший о себе в Югославии рубежа 1960–1970-х гг., Иосип Броз Тито инициировал масштабные политические перетасовки, вершиной которых стало принятие в 1974 г. новой конституции. Ее особенностью было провозглашение всеохватывающей системы «социалистического самоуправления» и резкое увеличение полномочий регионов в ущерб федерации. Теперь республики и края превращались в «замкнутые общественно-экономические образования» [7, с.736]. Эти эксперименты и их последствия вызывали опасливый интерес в Москве и находились в поле зрения советских специалистов. Так, в апреле 1975 г. А.М. Румянцев приезжал в Белград как глава советской делегации на международную встречу по вопросам экономических отношений между европейскими и развивающимися странами, организованную по инициативе ЦК Союза коммунистов Югославии. К сожалению, отчет об этой поездке пока обнаружить не удалось.

Июньская поездка 1978 г. была предпринята по линии научной секции ССОД. Приглашающей организацией выступил Союз экономистов Югославии. Он был основан в 1937 г. как профессиональное объединение. После Второй мировой войны, в связи с разрастанием научной и образовательной инфраструктуры, число его членов стремительно возросло, а в 1962 г. в составе Союза было сформировано специальное научное отделение. А.М.Румянцев и П.Г.Бунич побывали в Белграде, Любляне и Скопье, где встречались с руководителями федеративных и республиканских органов хозяйственного управления, с учеными и преподавателями, а также побывали на крупных предприятиях. Например, они посетили знаменитую фармацевтическую фабрику «Лек» (Lek), чья продукция имела огромный спрос в СССР. Отчет А.М.Румянцева и П.Г.Бунича интересен с точки зрения советского взгляда на югославские экономические реформы. Эта поездка состоялась вскоре после принятия в 1976 г. «Закона об объединенном труде», который расширял практики экономического самоуправления. В различных сферах экономики создавались так называемые организации

объединенного труда (ООТ), которые должны были закрепить новые формы общественных отношений. Проводником реформ выступал главный идеолог Союза коммунистов Югославии Эдвард Кардель (1910–1979), который в своей деятельности опирался на идеи К.Маркса о постепенном отмирании государства и его смене союзами свободных производителей. Как справедливо заметил К.В.Никифоров, «государство у Карделя заменялось бесчисленными организациями объединенного труда, общественно-политическими организациями, институтами общенародной обороны и т.п. В его построениях были и свои противоречия. Добиваясь отмирания государства, он одновременно провозгласил государствами республики. Именно в них, по его словам, народы должны реализовывать свой суверенитет» [7, с.740].

Советских обществоведов эти практики живо интересовали. Взгляд Румянцева и Бунича – это взгляд не закоренелых догматиков, а внимательных и критичных наблюдателей. Разумеется, в их оценках присутствует традиционность советских подходов. Авторы отчета крепко отстаивают идею централизованного планирования, которое в их глазах является гарантом полноценной реализации принципа общественной собственности. Они говорят о противоречиях югославской экономической модели. Интересно, что они обращают внимание на диспропорцию в развитии разных регионов Югославии, фактически закрепленную реформами по децентрализации. А.М.Румянцев и П.Г.Бунич внимательно отнеслись к проблемам социально-бытового развития Югославии и признали определенные успехи страны в этой сфере. Успехи югославской экономики подмечены и в системе использования хозрасчета. Таким образом, отчет двух советских ученых являет собой взвешенную попытку понять специфику социально-экономического развития Югославии на фоне проводимых реформ. Разумеется, эта попытка реализовывалась сквозь призму марксистской методологии. Но нельзя не заметить в ней стремления к взвешенному анализу текущих событий. Так, Румянцева и Бунича пугал стремительный рост безработицы и внешнего долга. Как теперь известно, эти факторы действительно сыграли печальную роль в истории страны. Если в 1971 г. внешний долг Югославии составлял 1,2 млрд. долларов, то в 1976 г. – 7,93 млрд., в 1977 г. – 9,54 млрд. К моменту смерти Тито в 1980 г. он вырос более чем на 18 млрд. долларов. В конце 1985 г. уровень безработицы составлял 15%, инфляция достигла 100%, а внешний долг приближался к 21 млрд. долларов [7, с.743–745]. Экономический кризис станет одной из причин кровавого распада Югославии.

Рис.6. А.М.Румянцев дает интервью югославскому тележурналисту Б.Мирковичу. Белград, 11 апреля 1975 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.140. Л.106.)

Высказанное в отчете предложение создать двухстороннюю комиссию экономистов двух стран полностью вписывалось в мировоззрение Румянцева, который всегда оставался верен своим социалистическим идеалам. Но это не стремление поучать «младшего брата», как это зачастую было принято в практике советской научной дипломатии, а попытка взвешенного диалога. Поездка А.М.Румянцева и П.Г.Бунича имела свои последствия. В мае 1980 г. СССР с ответным визитом посетила югославская делегация, которая побывала в Москве и Таллинне. Во главе нее стоял словенский профессор Франце Черне (1923–2012), бывший в тот момент руководителем Союза экономистов Югославии. Ф.Черне примечателен тем, что сразу после Второй мировой войны и до охлаждения советско-югославских отношений в 1948 г., успел поучиться в Ленинградском плановом институте. Затем, в 1950–1960-х гг., он стажировался в Лондонской школе экономики и Университете Беркли в США. Поэтому югославский профессор был хорошо знаком, как с советскими, так и с западными экономическими исследованиями. В своей исследовательской работе он сочетал марксистские установки с работами неоклассической экономической теории. Его взгляды на совет-

скую экономику и его контакты с советскими учеными еще нуждаются в специальном исследовании. Визит 1980 г. оказался плодотворным, и Союз экономистов Югославии принял решение продолжать сотрудничество и регулярные встречи с советскими коллегами [1, д.167, л.60].

Рис.7. А.М.Румянцев с китайским коллегой, профессором Юй Суем.
Прага, 17 мая 1991 г. (Архив РАН. Ф.2052. Оп.1. Д.112. Л.77)

Социалистический романтик

А.М.Румянцев до конца жизни сохранял высокий авторитет и доброе отношение среди коллег. Так, во время официального визита в Москву Председателя КНР Цзян Цзэминя в мае 1991 г. А.М.Румянцев смог увидеться со своим давним знакомым, профессором Юй Суем, в тот момент – ведущим консультантом Отдела международных связей ЦК КПК. Впечатлением об этой встрече китайский коллега вскоре поделится в письме: «Спустя почти тридцать лет ... на вечере в китайском посольстве в Москве мне удалось увидеться с Вами, это меня очень обрадовало. Я не забуду те дни, когда мы с советскими товарищами дружно работали в редакции журнала "Проблемы мира и социализма". Благородный дух ваших неустанных усилий ради дела коммунизма вызывал и вызывает у меня восхищение. Искренне

желаю Вам крепкого здоровья и долголетия...» [1, д.167, л.72]. В ноябре 1991 г. Нобелевский комитет обратился к А.М.Румянцеву с запросом о том, кого бы из ученых он мог представить в качестве кандидатов на соискание Нобелевской премии по экономике 1992 г. [1, д.167, л.75–77].

К сожалению, сохранившиеся в личном фонде А.М.Румянцева материалы не дают представлений о том, как он оценивал события Перестройки, как воспринял распад СССР, что говорил о месте и роли науки и международных научных связей в новом мире. Это затрудняет понимание того, эволюционировала ли его картина мира и мировоззрение на склоне жизни. Однако на основе мемуаров коллег, близко знавших А.М.Румянцева, создается впечатление, что до конца своей жизни он оставался социалистическим романтиком. Л.В.Карпинский считал, что академик «жил внутри идеального социализма, как он его выучил», что он был верен «абстрактно-правовой точке зрения социал-демократической справедливости» [3, с.195]. А.Б.Вебер вспоминал о нем как о «прекраснодушном» человеке, который любил завершать свои выступления словами о «сияющих вершинах коммунизма» и совершенно искренне в это верил [6].

А.М.Румянцев скончался в Москве 1 декабря 1993 г. Изучение его сложной и многогранной, во многом противоречивой, личности является актуальной научной задачей. Публикуемые в качестве приложения к статье документы должны послужить вкладом в копилку этого будущего дела.

(Окончание следует)

Библиографический список

1. Архив РАН. Ф.2052. Оп.1.
2. Интервью с профессором В.А.Ядовым об истории советской социологии // Идеи и идеалы. 2014. Т.2. №4 (22). С.161–171.
3. Карпинский Л.В. «Работали свободно – и хорошо работали...» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С.Батыгин; Ред.-сост. С.Ф.Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С.191–205.
4. Кравченко А.И. Московская школа социальной организации // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2017. Т.17. №2. С.202–212.
5. Липкин М.А. Советско-британские интеллектуальные и культурные контакты в период «культурной разрядки»: конец 1950-х – начало 1960-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т.6. Выпуск 10 (43) [Электронный ресурс].

Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001328-9-1> (дата обращения: 16.06.2018). DOI: 10.18254/S0001328-9-1

6. На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2008. №4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/4/na-ideologicheskoy-postu-1960-e.html> [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.01.2020)

7. Никифоров К.В. «Карделевская Югославия» (1974–1990) // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Ответственный редактор К.В.Никифоров. М.: «Индрик», 2011. С.735–764.

8. Осипов Г.В. «Мы жили наукой» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С.Батыгин; Ред.-сост. С.Ф.Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С.95–109.

9. Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 годы // Социологический журнал. 1994. №2. С.158–172.

10. Романовский Н.В. Первый директор – академик А.М.Румянцев // Социологические исследования. 2008. №6. С.22–27.

11. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С.Батыгин; Ред.-сост. С.Ф.Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. 683 с.

12. Румянцев А.М. Партия и интеллигенция // Правда. 1965. 21 февраля.

13. Сазонтов Г.А. Международные научные связи ИНИОН РАН // Теория и практика общественно-научной информации. 2000. №15. С.237–250.

14. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973). Первая публикация / Сост. и общ. ред. чл.-корр. РАН Н.И.Лапина. М.: Academia, 2005. 909 с.

15. Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-е годы: очерки. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2012. 476 с.

16. Ядов В.А., Козловский В.В. Интервью с профессором В.А.Ядовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. №1 (5). С.9–21.

17. Jachec N. Europe's Intellectuals and the Cold war: The European Society of Culture, Post-War Politics and International Relations. L. – N.Y.: I.B. Tauris and Co, 2015. 326 p.

18. Koleva S. Totalitarian Experience and Knowledge Production: Sociology in Central and Eastern Europe 1945–1989. Leiden – Boston: Brill, 2018. 298 p.

19. Koval V., Nochevnik M. Automation and Industrial Workers: the Preparation and Implementation of an International Project // Technology and Work. East-West Comparison. L.: Croom Helm, 1986. P.185–205.

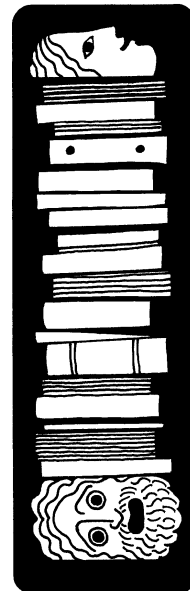
20. Nicholson M. Actives Incompatible: Memoirs of a Kremlinologist and a Family Man 1963–1971. Morrisville, NC: Lulu, 2013. 180 p.

Как и почти всегда в политике,
результат бывает противоположен
предвидению.

Франсуа Рене де Шатобриан

Самый опасный момент для плохого режима – когда он начинает реформироваться.

Алексис де Токвиль

Нина Хайлова

**«ПРЕДУПРЕДИТЬ РАЗГРОМ
ЛИБЕРАЛИЗМА
СПРАВА И СЛЕВА»:
ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ
И II ДУМА***

УДК
93/94

В статье анализируется участие либералов-центристов в избирательной кампании во II Думу (январь–февраль 1907 г.), а также деятельность их представителей в нижней палате (20 февраля – 2 июня 1907 г.). Отмечается особая активность лидеров Партии мирного обновления в январе–феврале 1907 г. Обращается внимание на факт популярности идей либералов-центристов в российской провинции. Вместе с тем выделен комплекс причин, которые не позволили им укрепить свои позиции во II Думе. Тем не менее примечательно отношение к ним левых радикалов (В.И.Ленин), а также кадетов и октябристов, как к своим политическим конкурентам.

The article analyzes the participation of the centrist liberals in the election campaign to the Second State Duma (January–February 1907), as well as the activities of their representatives in this Duma (February 20 – June 2, 1907). The author notes the special activity of the leaders of the Partiya mirnogo obnoveniya in January–February 1907. Attention is drawn to the fact that the ideas of the centrist liberals were popular in the Russian province. At the same time, the author identifies a set of reasons that did not allow them to strengthen their positions in the second Duma. Nevertheless, it is noteworthy that the left-wing radicals (V.I.Lenin), as well as the Cadets and Octobrists, treated the centrist liberals as their political competitors.

Ключевые слова: II Государственная дума; Партия демократических реформ; В.Д.Кузьмин-Караваев; М.М.Ковалевский; Партия мирного обновления; П.А.Гейден; М.А.Стахович.

Key words: the Second State Duma; Partiya demokraticeskikh reform; V.D.Kuz'min-Karavaev; M.M.Kovalevskij; Partiya mirnogo obnoveniya; P.A.Gejden; M.A.Stahovich.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

* Продолжение. См.: №6, 2019; №1, 2020; №2, 2020.

Реагируя на ужесточение правительственного курса после роспуска I Думы, либералы-центристы продолжали утверждать: «единственный здравый метод политики – реформы как источник успокоения, а не наоборот» [24]. Признавая «печальный факт» неизбежности суровых репрессивных мер в периоды анархии, они считали необходимым соблюдение дополнительных условий, гарантирующих «успокоение» страны: «во-первых, эти меры не должны противоречить нравственным началам; во-вторых, они должны быть строго законны, и, в-третьих, они должны исходить от власти, пользующейся доверием страны» [15, с.82].

Источник «всех зол» «демреформаторы» и «мирнообновленцы» видели в том, что «переход от абсолютизма к конституционному строю, возвещенный Манифестом 17 октября, совершился только на бумаге» [15, с.84], а сам этот документ превратился для «сильных мира сего» в «бумажку, лишенную всякой обязательной силы» [15, с.95]. Однако они не снимали ответственности за «пробуксовку» конституционного процесса и с общества: «Само население должно еще воспитать в себе привычку руководиться в жизни не прихотью и произволом, а законностью и правом». Значимое место в «воспитании народа в духе правового государства» отводилось политическим партиям, которые должны укреплять в обществе «чувство законности», а не создавать «почву для новых насилий» [15, с.87–88].

«Союз всадника и лошади»

Лидеры ПДР и ПМО, как и прежде, считали создание предвыборного блока партий центра «единственным способом предупредить разгром либерализма справа и слева»

[29, с.10]. Предостерегая кадетов и октябристов от ошибок первой избирательной кампании, кн. Г.Н.Трубецкой заявлял: «Партийное сектанство часто мешает сближению людей, которых разделяют оттенки во взглядах, а не серьезные разногласия, а неестественные союзы легче иногда заключаются между организациями, которые, казалось бы, должны иметь мало общего».

Князь Г.Н.Трубецкой

Отмечая проявившуюся весной 1906 г. склонность кадетов к поддержке крайних левых партий и проправительственные настроения в рядах октябристов, известный «мирнообновленец» подчеркивал: «Союз между столь разнородными элементами мог быть только союзом всадника и лошади», в котором каждый «предпочитал положение первого». Отсюда – «полная неустойчивость, колебание курса и беспринципность», которые, по его мнению, нередко характеризовали деятельность наиболее крупных либеральных партий. А в результате – «почти полное поражение» «Союза 17 октября» на выборах в I Думу и две «гибельные ошибки» кадетов, сыгравшие роковую роль и в судьбе нижней палаты. Это – «слишком легкое отношение к требованиям нравственного характера в политике» и «переоценка сил в борьбе с министерством» [15, с.126–129]. Либералы-центристы рассчитывали на то, что руководители крайних флангов отечественного либерализма извлекут урок из прошлого опыта. В свою очередь, сами они надеялись сыграть конструктивную роль в предстоящей избирательной кампании.

Особую настойчивость в реализации этой цели проявили «мирнообновленцы», предпринявшие попытку возглавить процесс образования «конституционного центра». Стремясь к «наведению мостов» с Партией народной свободы, организаторы ПМО делали ставку на расширение сети внепартийных политических клубов конституционалистов («типа Клуба независимых»). Они не сомневались: неформальные встречи на таких «площадках» могли ускорить сближение либералов-центристов с кадетами и, соответственно, дистанцирование последних от революционеров. В сентябре 1906 г. «мирнообновленцы» приветствовали отказ кадетов от Выборгского воззвания, в связи с чем надеялись на приток в свои ряды «чистых конституционалистов» из Партии народной свободы.

«ПРЕДУПРЕДИТЬ РАЗГРОМ ЛИБЕРАЛИЗМА СПРАВА И СЛЕВА»

Деятели ПМО были убеждены в том, что сама жизнь подталкивала и «Союз 17 октября» в сторону либерального центра. Они считали закономерным усиление разногласий в октябристской среде по вопросу об отношении к столыпинскому курсу. Гр. П.А.Гейден, М.А.Стахович и Д.Н.Шипов выступали (числясь пока еще октябристами) за «переформатирование» этой партии, т.е. возвращение ее к «истокам».

А.И.Гучков

П.Н.Милюков

«Между двух стульев»

Каково же было отношение руководства двух крупнейших либеральных организаций к «объединительной» инициативе либералов-центристов? Сратники П.Н.Милюкова и

А.И.Гучкова всерьез не рассматривали их, сидящих «между двух стульев» (к тому же численно слабых), ни как союзников, ни как соперников. «Этой партии не существует, потому что она не может и не будет существовать» [6], – «приговор», вынесенный «мирнообновленцам» членом ЦК Партии народной свободы В.М.Гессеном, отражал и отношение

кадетов к ПДР. Столь же категоричен был и П.Н.Миллюков¹. В унисон с ними выступал Ф.И.Родичев. Соглашаясь в лучшем случае на «выставление всей оппозицией общего списка левых кандидатов», он отрицал возможность избирательного соглашения с ПДР и ПМО – «так называемыми партиями», состоящими «из одних генералов», к тому же не имеющими механизма обеспечения «беспрекословного подчинения» своих сторонников решениям центральных партийных органов [27]².

В поддержку соратников из ПМО выступил тогда К.К.Арсеньев. Он считал позицию кадетского руководства крайне вредной. Подчеркивая, что не следует «провозглашать невозможным союз, который в недалеком будущем может стать неизбежным», лидер ПДР заявлял: «В минуту, когда приходится напрягать все силы в борьбе против правительства и против крайних, опасно поддерживать раскол в либеральном лагере... Для правительства не может быть более страшного удара, нежели блок между кадетами и обновленцами. Речь идет о спасении или гибели русской культуры, о жизни или смерти русского либерализма» [1]. При этом идеологи ПДР критически оценивали вновь (как и в период выборов в I Думу) проявившуюся у кадетов трактовку предвыборных соглашений как «замаскированного присоединения» других политических объединений к своей партии. «Действительное, а не кажущееся сложение сил» «депреформаторы» видели в сближении партий, между которыми нет

¹ В одном из интервью на вопрос «С какими партиями вы сочли бы желательным вступить в соглашение?» П.Н.Миллюков ответил, улыбаясь: «Ни с какими. Всякая уступка есть для нас потеря». Лидер Партии народной свободы заявил тогда, что не видит справа от кадетов никакой «настоящей оппозиции», а ПМО он аттестовал как «импрессионистскую» партию: «С ней трудно иметь дело. Мы не знаем, что мирнообновленцы скажут завтра» [26].

² В дискуссии о перспективах «малых» партий участвовал, наряду с кадетами, «депреформаторами» и «мирнообновленцами», и В.Г.Богораз-Тан, один из лидеров Всероссийского Крестьянского союза и организаторов Трудовой группы в I Думе. Он выступил со своим особым мнением в газете М.М.Ковалевского «Страна». «Трагический водевиль с переодеванием» – такой представлялась ему русская политическая жизнь. Комментируя ситуацию, известный ученый и общественный деятель не без иронии отмечал: «Заявляют себя октябристами, беспартийными монархистами и произносят вслух "благонамеренные речи". А в свое время, посмотришь, из-за монархистов выгланет снова тот же беспардонный трудовик: "Ку-ку! Вот он я". Шестьдесят монархических выборщиков, сложенных вместе, дают одного эсера, – вот русская политическая арифметика. В этой арифметике сам черт ногу сломит». Не отказываясь от ранее сказанных им слов о том, что ПМО «сидит между двумя стульями, а стулья отстоят друг от друга на полверсты», Богораз-Тан подчеркивал, что из этого «вовсе не следует, что мирнообновленцы такая ничтожная партия». Он полагал, что «теперь, быть может, начинается целая эпоха межстульная», поскольку «между этими двумя стульями сидит вся Россия, то есть не сидит, а пробует сесть, и никак не выходит у нее» [28].

слишком серьезных принципиальных разногласий, а не «принятии одной партии в состав другой» [9].

Что касается октябристов, то их пути с «мирнообновленцами» резко разошлись после опубликования 24 августа 1906 г. правительственного сообщения о введении военно-полевых судов³. В отличие от А.И.Гучкова, поддержавшего курс П.А.Столыпина, Д.Н.Шипов заявил о том, что путь к «новой» России лежит не через военно-полевые суды, а через нравственное возрождение, и вышел из «Союза 17 октября». Следом за ним покинул партию и М.А.Стахович. Случаи перехода от октябристов к «мирнообновленцам» были не единичны⁴. Эти события ускорили окончательное оформление ПМО в самостоятельную политическую организацию. К началу выборов во II Думу «мирнообновленцы» постарались «очистить свой либерализм от штемпеля правительственности»⁵.

А.И.Введенский

³ Это событие стало рубежным и для «демреформаторов». По их убеждению, одобрение А.И.Гучковым практики военно-полевых судов свидетельствовало о гибели октябризма как охранительно-конституционного течения. «В настоящий момент может иметь место в русской жизни конституционализм требующий, протестующий, борющийся, но не охраняющий. Охранять – нечего», – заявлял В.Д.Кузьмин-Караваев [13, с.744].

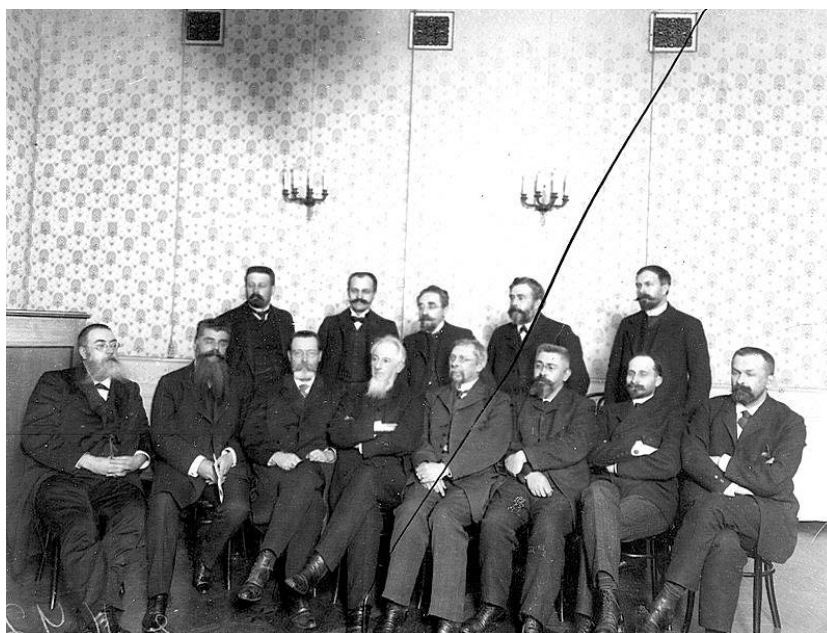
⁴ Так, в ноябре 1906 г. из «Союза 17 октября» вышел известный философ, профессор А.И.Введенский. Тогда же вступив в ПМО, он попытался «увести» за собой от октябристов весь Василеостровский (в Петербурге) отдел партии. Отметим, что процесс партийного размежевания проявлялся и в обратном направлении: от «мирнообновленцев» к октябристам «переметнулись», к примеру, поддержавшие столыпинскую аграрную политику. В этом смысле «первой ласточкой» стал переход из ПМО в «Союз 17 октября» кн. С.Н.Волконского.

⁵ ПМО публично осудила такие правительственные меры, как запрет проведения собраний политическими партиями, курс на отмену общинного землевладения в обход Думы (путем «временных правил, изготовляемых чиновными канцеляриями»), произвольное (в обход Манифеста 17 октября) ограничение чиновниками прав граждан, изменение изби-

**«Благо России для меня
дороже поклонения кличкам»**

Эволюцию ПМО приветствовали организаторы ПДР. В конечном итоге, среди либералов лишь они одни и поддержали призыв «мирнообновленцев» к объединению. Вместе с

тем ощутимой преградой на пути этих партий к взаимоприемлемому компромиссу стали различия в тактических установках. Об этом свидетельствовала публичная полемика между М.М.Ковалевским и руководством ПМО. Лидер ПДР, в частности, называл ошибкой «непродолжительное тяготение графа Гейдена к министерству роспуска», имея в виду участие главы «мирнообновленцев» в переговорах с властью о возможном вхождении в состав правительства в июле 1906 г. «Ни Тьер, ни Жюль Симон не искали войти в состав министерства графа Морни, хотя бы с целью перевоспитать его», – иллюстрировал М.М.Ковалевский свою мысль примерами из истории Франции. Он обратился к

Члены ЦК Партии мирного обновления

рательных законов путем сенатских толкований [15, с.96].

П.А.Гейдену с пожеланием обладать «прозорливостью первого и стойкостью второго в отстаивании законных прав народного представительства» [15, с.101]. В свою очередь, П.А.Гейден парировал доводы оппонента, вновь подтвердив свою принципиальную позицию по спорному вопросу⁶.

Однако более глубокий «водораздел» между ПДР и ПМО обозначился по вопросу о возможных в предвыборной борьбе союзниках «слева». «Демреформаторы» рассматривали свою партию и «мирнообновленцев» как потенциальных соратников «не-революционных левых групп» [2, с.807]. К последним ПДР готова была причислить меньшевиков, а также народных социалистов и трудовиков.

«Идеализм составляет лучшее, что есть в левом лагере»

На страницах «Вестника Европы» идеологи «демреформаторов» представили свое понимание перспектив социалистов в России. Обращаясь к тем, кто «негодует или оплакивает увлечение социализмом», они призывали помнить, что «общество не может жить без идеализма... социализм не умрет до тех пор, пока не явится новое высшее нравственное учение». И в русской жизни, и в зарубежной политической практике они видели подтверждение мысли о том, что «идеализм составляет лучшее, что есть в левом лагере. Но этот же идеализм включает в себе и отрицательные стороны. Когда он служит путеводной звездой в лабиринте жизненных вопросов... он оказывает самое благоприятное влияние. Когда же его содержание пытаются пересадить в жизнь, не считаясь с реальными условиями ее, он превращается в утопию» [5, с.341–342]. Публицисты «Вестника Европы» и

⁶ В открытом письме в редакцию газеты «Страна» П.А.Гейден подчеркивал, что никогда попросту «не обращал внимания» на хлесткую риторику, в т.ч. «аттестацию» правительства как «министерства роспуска»: «Благо России было для меня дороже поклонения кличкам». Фактически лидер ПМО излагал свое кредо: «Я хочу верить, пока не придут к иному убеждению, что и противник может действовать добросовестно и искренне хочет добра России. Он может идти по совершенно ложному пути, и я буду продолжать бороться с ним, но реальная политика не позволяет мне его игнорировать, с ним не считаться, порывать сношения, думать, что он мнимая величина». Сославшись на выступление в I Думе одного из кадетских ораторов, который тогда привел слова участника движения за национальное освобождение Италии Дж.Мадзини («хоть с дьяволом, да спасти Италию»), П.А.Гейден обращался к своим друзьям-оппонентам из ПДР: «Отчего же, в свое время, нельзя было идти и не так далеко и попытаться принести пользу России, хотя бы и с "министерством роспуска"? Ведь не хуже же оно дьявола! Не думаю, чтобы это было "наивным оппортунизмом"» [15, с.99–100; 129–130].

Г.В.Плеханов

«Страны» выражали солидарность с позицией Г.В.Плеханова, полагавшего, что либеральное и социалистическое движение взаимодополняют друг друга, и допускавшего заключение социал-демократами временных блоков с «буржуазией» (особо выделяя среди ее политических организаций ПДР) [23; 7, с.378].

Что касается ПМО, то она исключала всякую возможность сближения с партиями левее кадетов, приемля предвыборные соглашения лишь с Партией народной свободы, ПДР и беспартийными конституционалистами [15, с.138].

Отметим, что, несмотря на разный настрой либералов-центристов в отношении левых групп, последние не спешили «раскрывать свои объятия» «демреформаторам» и, тем более, «мирнообновленцам». ПМО была слишком «правой» для социалистов, а ПДР рассматривалась ими как фракция конституционалистов-демократов, не имевшая самостоятельного значения.

Проблематичность объединительных усилий либералов-центристов объяснялась не только программными и тактическими «трениями» между ними, но и слабой консолидированностью их собственных рядов, внутренними «нестроениями». Не надеясь на успех самостоятельного выступления на выборах, ПДР и ПМО предлагали своих кандидатов для включения в общие списки конституционных партий [15, с.139, 150].

ПМО: ставка на выборы в провинции

Избирательная кампания «мирнообновленцев» отличалась энергичным напором. Их идеологи отдавали себе отчет, что «лицо» и II Думы будет определено исходом голосования в провинции, которая однако «еще не освоилась с партиями». По словам П.А.Гейдена, «она патриархальна, она знает Ивана, знает Петра, знает общественных деятелей; что же касается партий в их политическом

смысле, то до них нашей провинции нет никакого дела» [25], – признавал лидер ПМО. Он заявил о решении своих соратников сосредоточиться на «продвижении» в регионах кандидатур «мирнообновленцев», зарекомендовавших себя «прошлой положительной деятельностью»⁷. С целью организации предвыборной агитации было избрано специальное Бюро. Из Петербурга и Москвы, где шансы партии были незначительны, на места были направлены лучшие ораторские силы⁸. Стараясь «нарастить» собственный электорат, Петербургский комитет ПМО предпринял шаги к сближению с представителями торгово-промышленных служащих⁹. Планировалось организовать мирнообновленческие группы в студенческой среде [15, с.149].

Сведения о позициях ПМО в провинции, поступавшие к началу февраля 1907 г., обнадеживали партийное руководство. Это побудило ЦК еще до завершения выборов включить в «повестку дня» вопрос об организации собственной парламентской фракции и разработке ее тактики. Предполагалось, что думскую группу возглавят П.А.Гейден, М.А.Стахович, Д.Н.Шипов, И.Н.Ефремов, а сама фракция станет «зародышем конституционной партии центра» [15, с.150]. В целях обеспечения эффективности своей деятельности во II Думе «мирнообновленцы» обсуждали вопрос об образовании («тотчас же по окончании выборов») ряда комиссий (бюджетной, по церковным вопросам, по разработке военной реформы и др.) для подготовки законопроектов [15, с.140, 146, 150].

Однако надеждам «мирнообновленцев» (равно как и членов ПДР) на укрепление своих позиций во II Думе не суждено было сбыться. В конечном итоге все испытания избирательной кампании удалось выдер-

⁷ ЦК ПМО выставил кандидатуры: П.А.Гейдена (Псковская губ.), Е.Н.Трубецкого (Калужская губ.), Д.Н.Шипова (Московская губ.), М.А.Стаховича (Орловская губ.), Н.Н.Львова (Саратовская губ.) [15, с.145].

⁸ Одним из центральных событий предвыборного периода стала публичная лекция Е.Н.Трубецкого «Идейные основы Партии мирного обновления», прочитанная в Петербурге в конце декабря 1906 г. Лектор намеревался выступить с ней и в других городах во время агитационной поездки по стране. В партийной прессе была отражена и речь Г.Н.Трубецкого «Как сложилась Партия мирного обновления и какие задачи она преследует», произнесенная тогда же на открытых собраниях ПМО в Костроме и Иваново-Вознесенске. Помимо братьев Трубецких выступали (в т.ч. в провинции) перед избирателями и другие лидеры ПМО, в частности, И.Н.Ефремов (во время посещения Могилева) [15, с.114–139].

⁹ Попытка ПМО привлечь на свою сторону на выборах во II Думу упомянутый контингент избирателей закончилась неудачей: приказчики «переметнулись» на сторону левых партий [15, с.141,147].

жать лишь двум известным либералам-центристам – «перводумцам»: от ПДР – В.Д.Кузьмину-Караваеву¹⁰, от ПМО – М.А.Стаховичу¹¹.

«Вследствие недостатка сил и политического влияния»

Столь скромный результат объясняется рядом причин. В целом, для России, охваченной революционной стихией, кандидаты в депутаты от ПМО и ПДР оказались слишком «умеренными»¹². Определенную роль сыграл и «недостаток сил и политического влияния» [15, с.146]. К тому же организационные особенности и характер агитации либералов-центристов нередко вызывали раздражение чересчур политизированных участников предвыборных собраний¹³.

¹⁰ В.Д.Кузьмин-Караваев прошел во II Думу как кандидат левого блока от Тверской губ., собрав там наравне с кадетом Ф.И.Родичевым 85 голосов. Его всероссийская известность позволила корреспонденту «Русских ведомостей» засвидетельствовать, что ПДР оказалась представлена в нижней палате им «почти единолично». В числе народных избранников оказался и «демреформатор»-«перводумец» И.П.Лаптев (от Акмолинской губ.). Он входил в состав казачьей фракции, при этом продолжался упоминаться в прессе как член ПДР.

¹¹ Наряду с М.А.Стаховичем, во II Думу прошли еще два члена ПМО – Г.С.Константинов и М.А.Искрицкий. Правда, последний никак не проявил себя в качестве депутата, недаром И.Н.Ефремов писал только о двух «мирнообновленцах» в составе нижней палаты [15, с.218].

¹² В их числе оказался и один из идеологов ПДР К.К.Арсеньев. На завершающем этапе выборов в Петербурге он ненамного (всего на 8 избирательных голосов) уступил кадету В.М.Гессену, однако это «отрезало» ему путь в депутаты [20]. Напротив, другой лидер «демреформаторов», М.М.Ковалевский, пострадал из-за своего «радикализма». Так, на поставленный ему в предвыборном собрании прямой вопрос о том, допускает ли он обязательный выкуп помещичьих земель правительством, последовал столь же прямой ответ. М.М.Ковалевский признал, что не исключает этого при условии, если переселенческая кампания и передача крестьянам в собственность казенных земель не будут способны удовлетворить земельный голод. Но и с этими ограничениями идея выкупа показалась землевладельцам Харьковского уезда, где ученый первоначально выдвинул свою кандидатуру, настолько революционной, что они стали агитировать против него. Возвратившись в Петербург, М.М.Ковалевский принял предложение П.Б.Струве участвовать в выборах по кадетскому списку. Ситуация на этот раз складывалась поначалу благоприятно. Однако состоявшееся избрание «нежелательного» деятеля было кассировано властями под тем предлогом, что ему недостает нескольких дней для того, чтобы считаться прожившим в столице целый год [8, с.386].

¹³ Нередко на предвыборные собрания ПМО публика допускалась только по специальным билетам, выдаваемым партийным Бюро, а исключительно выдержанные речи ораторов-«мирнообновленцев» порой не только не производили должного впечатления на потенциальный электорат, но, более того, встречали резкую отповедь [15, с.443–444].

Реально оценивая позиции ПДР и ПМО в период выборов во II Думу, на наш взгляд, следует и в этом случае избегать скоропалительных выводов. В «ненормальных, вопиющих», по оценкам современников, условиях избирательной кампании партии либералов-центристов не просто «выжили». «Мирнообновленцам» даже удалось легализовать свою деятельность. Лидеры ПДР и ПМО буквально до последнего боролись приемлемыми для них методами за представительство своих партий в Думе. Примечательно, что в ряде губерний повторилась ситуация, имевшая место в период первой избирательной кампании: результаты голосования в пользу кандидатов от ПДР на обоих этапах выборов оказались вполне сопоставимы с показателями кадетской партии.

Укреплять «этические начала права, справедливости и равенства» Признавая «относительную слабость прогрессивного центра» во II Думе, «декреформаторы» и «мирнообновленцы» не собирались опускать руки и «плыть по течению». Об этом ли-

деры партий заявили в своих обращениях к обществу и депутатам накануне начала работы народного представительства, подтвердив верность своим принципам. Так, И.Н.Ефремов выражал неизменную убежденность в том, что «этические начала права, справедливости и равенства взамен старого бесправия, произвола и классовых привилегий» должны определять не только «основу народной жизни», но и тактику преобразований, ведущих «не к частному улучшению и видоизменению существующего, а к радикальной его замене новым». Ставя в «повестку дня» поистине революционные изменения¹⁴, И.Н.Ефремов вместе с тем призывал деятелей освободительного движения отвергнуть «путь крови и насилия» и избрать «путь упорной конституционной борьбы», поскольку

¹⁴ Характерен страстный призыв, с которым И.Н.Ефремов обращался к соотечественникам: «Если замена безгласности и бесправия народа его действительным участием в законодательстве и твердым установлением основных прав свободного гражданина есть революция; если замена безответственности администрации реальной ответственностью министров, той децентрализацией в широком местном самоуправлении, при которой все чиновники служат народу, есть революция; если переложение бремени налогов на более сильные плечи имущих классов, если признание государственной необходимости и готовность пойти на все жертвы, не исключая и принудительного отчуждения земель, чтобы спасти миллионы крестьян от вырождения и голодной смерти, есть революция; если твердая решимость осветить все уголки России, этого царства безграмотности и невежества, светом знания и культуры есть революция, – то к такой революции должны стремиться все истинные друзья обновления России и поборники благополучия ее граждан» [15, с.153–154].

«только в такой борьбе народ воспитает в себе ту любовь к свободе, то чувство законности и уважение чужих прав, наконец, ту веру в свои права и в свою силу, без которых никакой конституционный строй не прочен» [15, с.153–154].

Переводя «лозунги момента» в практическую плоскость, И.Н.Ефремов ориентировал думцев на «закономерную борьбу» посредством «строго объективной критики министерских законопроектов», призывал депутатов к «тщательнейшему и бережливому отношению к народным средствам, правдивому, но корректному освещению незаконных действий администрации и вдумчивой, согласованной с действительными нуждами и идеалами народа, а также с историческими и бытовыми условиями его жизни, разработке собственных законопроектов» [15, с.150–154].

Ему вторил М.М.Ковалевский. Он желал депутатам «упрочить своими трудами еще колеблющееся здание русской свободы», исходя при этом из интересов «общего блага», возвышающегося «над всеми расчетами сословий, классов и партий». От лица своих соратников лидер ПДР обращался ко всем участникам парламентской жизни, независимо от их политических взглядов: «Мы слишком уважаем искренность убеждений, чтобы ставить в вину честное служение даже таким идеалам, которых сами не разделяем. Но верность им не позволяет терять из виду интересов родины» [15, с.154–157].

**«Оркестра нет
и управлять нечем»**

Посещая заседания нижней палаты, П.А.Гейден встречался с «троицей» своих «однопартийцев», записавшихся в Думе в группу беспартийных. Он уговаривал их попытаться сплотить членов этого объединения на платформе ПМО¹⁵. Однако его призывы не возымели действия. По словам лидера «мирнообновленцев», М.А.Стахович был «безынициативен», а Г.С.Константинов и М.А.Искрицкий «смотрели на дело сумрачно и реагировали дрябл». Несмотря на определенную популярность самого П.А.Гейдена у беспар-

¹⁵ *Еще в середине апреля 1907 г. у П.А.Гейдена сохранялась надежда на успех в деле создания самостоятельной думской фракции. Он делал ставку, во-первых, на беспартийных крестьян (примерно 20–30 чел.) из числа тех, кто посещал собрания, организатором которых время от времени являлся М.А. Стахович. Кроме того, П.А.Гейден рассчитывал на присоединение к фракции «мирнообновленцев» части депутатов, примыкавших к «группе сочувствующих при Союзе 17-го октября» [15, с.157].*

тийных депутатов, среди них также не нашлось сколько-нибудь выдающейся и активной личности, готовой «подставить плечо» организатору ПМО. Так что вполне понятен его комментарий к ситуации, сложившейся для «мирнообновленцев» во II Думе: «Орchestra нет и управлять нечем... С этим надо мириться и просто ждать лучших времен»¹⁶. Не лучше складывалось положение в самом руководстве ПМО, где не было единства мнений. По словам историка В.М.Шевырина, Д.Н.Шипова и Е.Н.Трубецкого тянуло к кадетам, М.А.Стахович больше склонялся в сторону октябристов, П.А.Гейден занимал в партии центр [30, с.222].

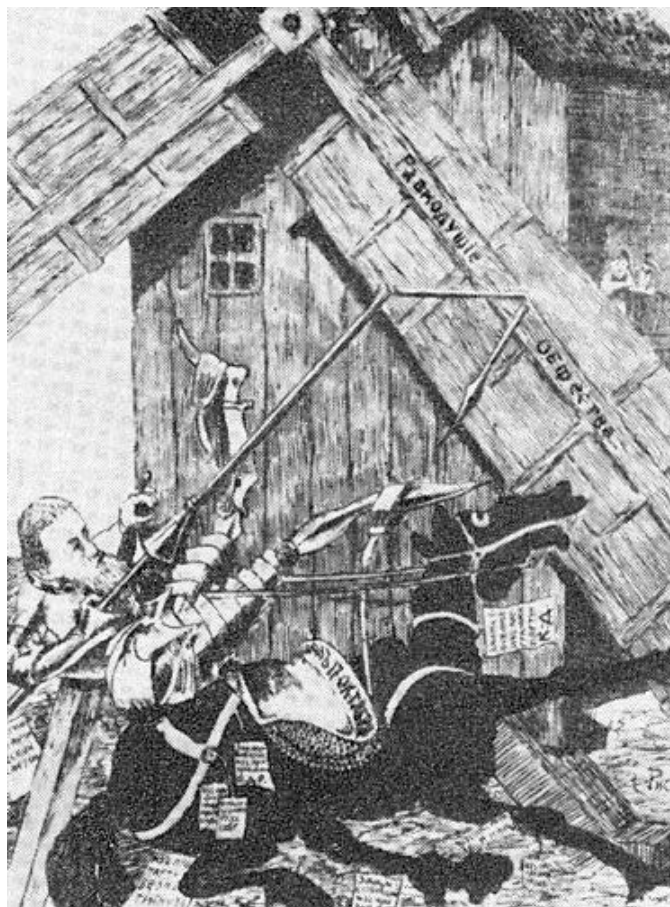
В общем, «малость» сил либералов-центристов в нижней палате, отсутствие сплоченности в их собственных рядах серьезно затрудняли реализацию их изначальной цели – «корректировки» Думы в направлении создания там «конституционного (или – левого) центра», который объединил бы «всех тех, кто хочет мирного, но безостановочного движения вперед – к народному благу и народной свободе». Препятствием на этом пути стал и состав II Думы, в котором по-прежнему преобладали радикальные настроения.

В результате традиционные призывы либералов-центристов к депутатам играть роль «не мстителей за прошлое, а организаторов будущего», уважать чужое мнение и свободу слова, избегать партийной страстности, как и прежде, зачастую «повисали в воздухе». Что отчасти удавалось «перводумцам» В.Д.Кузьмину-Караваеву и М.А.Стаховичу, так это, во-первых, играть роль «связующего звена» между I и II Думой в ходе отлаживания «рабочего механизма» нижней палаты. Как и в I Думе, они не только указывали на разного рода нелепости в деятельности народных избранников¹⁷, но, прежде всего, знакомили депутатов-

¹⁶ Сложная ситуация, в которой оказались «мирнообновленцы» во II Думе, отразилась, в частности, на страницах сатирико-юмористических изданий разных политических направлений. Так, правомонархический журнал «Плювиум» предлагал читателям символическое изображение ПМО в виде калоши с печатью «Мирное обновление». Спящим в ночном колпаке на кровати, рядом с которой, на тумбочке – вазочка с оливковой ветвью, – таким был представлен П.А.Гейден на рисунке, снабженном подписью: «Не хотят меня – и не надо!» Однако сквозь карикатурность облика лидера ПМО, случалось, проглядывало сочувствие к нему. Автор одной из публикаций уподобил политическую деятельность П.А.Гейдена «укрощению взбесившегося стада игрою на шарманке» [16;17;18].

¹⁷ Так, М.А.Стахович в заседании 26 марта 1907 г. внес предложение об отсрочке выборов в комиссию о свободе совести из-за того, что неприемлемыми оказались озвученные принципы формирования комиссии. «Было предложено, – говорил он, – распределить состав комиссии на две группы: по партиям и по национальности. Так, в числе предложенных категорий упомянуты старообрядцы (кто знает такую национальность?) и мусуль-

новичков с опытом их предшественников, ратовали за продолжение использования оправдавших себя парламентских технологий (порядок организации прений, формирования думских комиссий, определение продолжительности времени общих собраний нижней палаты и т.д.). В ряде случаев их предложения были приняты Думой.

«Партия мирного обновления». Карикатура из журнала «Одесский будильник»

мане (такой национальности нет). С другой стороны, если хотите делить по национальностям, то ведь в Думе, кажется, есть еще национальность – русская, в предложенном распределении пропущенная». Предложение «мирнообновленца» было принято Думой [19, стб.1054–1056].

**«Авторитетнейший
представитель II Думы»**

Что касается участия в обсуждении основных вопросов, то здесь без преувеличения выдающееся место принадлежало В.Д.Кузьмину-Караваеву. «Авторитетнейший представитель II Думы» (как писали о нем «Русские ведомости»), он был фактически единственной заметной фигурой либералов-центристов на заседаниях нижней палаты. Его кандидатура была предложена на пост председателя Думы, но он отказался от баллотировки. Широкий отклик имели речи депутата-«демреформатора» о необходимости отмены смертной казни и военно-полевых судов¹⁸. Его старания были не напрасны: Дума приняла предложение В.Д.Кузьмина-Караваева дополнить законопроект об отмене военно-полевых судов требованием последующего пересмотра всех приговоров, вынесенных этими судами («по которым возможно еще исправление ошибок»). В.Д.Кузьмин-Караваев и другие идеологи либерального центризма выступали не только против репрессивной политики властей¹⁹. Столь же последовательно они настаивали и на необходимости осуждения Думой революционного террора²⁰.

Преемственность в работе II Думы с ее предшественницей была обеспечена, в том числе благодаря выступлениям В.Д.Кузьмина-Караваева по вопросу об отношении к армии и необходимым реформам в военной сфере. Пытаясь занять среднее место между думскими крайностями, оратор фактически озвучивал позицию ПДР, для которой было

¹⁸ Для того чтобы выступить с думской трибуны по таким острым вопросам, требовалось гражданское мужество. По словам В.Д.Кузьмина-Караваева, ему «грозили смертью» за то, что он добивался отмены военно-полевых судов [19, стб.740–743].

¹⁹ Так, К.К.Арсеньев выступил с резким осуждением «карательного указа» министра юстиции И.Г.Щегловитова от 9 октября 1906 г., согласно которому служащим судебного ведомства запрещалось примыкать к преследующим политические цели партиям, союзам и обществам. Ведущий публицист «Вестника Европы» высказался в поддержку члена ПДР Г.Д.Скарятина, в соответствии с упомянутым циркуляром уволенного 5 апреля 1907 г. с поста члена Виленской судебной палаты. Как профессиональный юрист, К.К.Арсеньев авторитетно заявлял о бесосновательности действий властей: «Никто, конечно, не решится утверждать, что присоединение к ПДР несовместимо с достоинством судьи и лишает Скарятина права на доверие и уважение». Он предупредил об опасных последствиях подобной практики: «Лицемерие – обычный ответ на властную регламентацию убеждений» [3, с.338].

²⁰ В «Вестнике Европы» был критически оценен отказ кадетов и трудовиков (на заседании Думы 15 мая 1907 г.) от обсуждения проекта резолюции против террора [4, с.762–764].

неприемлемо, «с одной стороны, полное отрицание необходимости постоянной армии и стремление заменить ее милицией, а, с другой – военный фетишизм, не допускающий ни критики, ни реформ, кричавший по всякому пустяку об измене, предательстве и т.п.» [10, с.429]

В.Д.Кузьмин-Караваев, как и прежде, обосновывал мысль о необходимости исключительно делового, профессионального подхода к подготовке военной реформы. Особо следует отметить его влияние на судьбу законопроекта МВД о внесении в Устав о воинской повинности запрета на призыв в армию «неблагонадежной» молодежи. Понимая, что министерская инициатива «преследует цели данного момента», депутат-«демреформатор» тем не менее призывал своих коллег по законодательной деятельности не забывать, что они создают «постоянные правовые нормы», а потому «обязаны мыслить в пределах обычных, нормальных условий». В итоге законопроект был отклонен Думой [19, стб.946-948].

Как расширение сферы произвола В.Д.Кузьмин-Караваев трактовал законопроекты министерства юстиции «об ответственности за восхваление преступных деяний», «об усилении ответственности за пропаганду в войсках» [19, стб.819–825; 995–1004]. Он заявлял о нецелесообразности применения «жестких карательных мер» в борьбе с упомянутыми явлениями, поскольку последние могут «найти свою естественную смерть тогда, когда многое и многое изменится в общих наших условиях». В противном случае, предупреждал он, репрессии будут иметь противоположный эффект.

«Они лучше нас...»

Авторитет В.Д.Кузьмина-Караваева признавали его политические оппоненты. Так, отражая атаки правых во время обсуждения вопроса об отмене военно-полевых судов, он не сдержал эмоций:

«Я не могу представить себе, как можно защищать это учреждение». При этом именно из среды правых депутатов во время его речи последовал обращенный к нему возглас – «вы – чистый человек». Его выступление было встречено тогда, согласно стенограмме заседания, и «аплодисментами слева» [19, стб.499–506]. А вот свидетельство одного из членов фракции социал-демократов во II Думе, который в частном письме тогда откровенно признавал: «Истинное удовольствие испытал, слушая речи Маклакова, Тесленко и Кузьмина-Караваева. Они лучше нас, и мы годимся им в ученики... Нельзя скрывать, что крайняя

«ПРЕДУПРЕДИТЬ РАЗГРОМ ЛИБЕРАЛИЗМА СПРАВА И СЛЕВА»

левая Дума представляет из себя "изнанку": ни одного человека науки, ни одного талантливого оратора» [22, с.217].

Хотя II Дума зеркально отражала основные приметы настроения российского общества в революционную пору («хаос в мыслях, рознь, всеобщее недоверие, классовое и партийное обособление, стремление к неосуществимому и к конкретно неопределенным идеалам»), В.Д.Кузьмин-Караваев отмечал (прежде всего, в деятельности думских комиссий) признаки, внушавшие надежду на то, что Дума, по его выражению, «образуется» [11, с.862]. Либералы-центристы видели главную опасность в возможном решении властей о досрочном прекращении полномочий нижней палаты.

Манифест о роспуске II Государственной думы, 3 июня 1907 г.

Вплоть до 3 июня 1907 г. их лидеры были озабочены поиском варианта ликвидации противостояния между народным представительством и «верхами». В частности, идеологи ПДР развивали идею создания конституционного правительства из лиц, не участвовавших в работе последних трех составов кабинета министров. Впрочем, возможность реализации этого замысла представлялась им проблематичной.

**«Тяжелые времена
переживаем мы из-за
глупости правительства»**

Острота разногласий между Думой и властью, прежде всего, в подходах к решению аграрно-крестьянского вопроса, стала основной причиной роспуска и II Думы. «Год назад был

"разгон". Теперь – будничным, ординарным роспуском, к которому систематично и задолго готовились», – комментировал В.Д.Кузьмин-Караваев царский Манифест 3 июня 1907 г.²¹ По его мнению, драматизм события заключался в нанесении еще одного жестокого удара по конституционной идее. Вера в нее поколебалась, ввиду отсутствия реальных, осязаемых для масс результатов недолгой деятельности Думы, – подчеркивал он. «Подавленность бессилия» [12, с.430], – так характеризовал В.Д.Кузьмин-Караваев настроение своих единомышленников в июньские дни 1907 г. Мрачно смотрели на ситуацию и П.А.Гейден («тяжелые времена переживаем мы из-за глупости правительства» [30, с.225]), и М.М.Ковалевский («нигде, кажется, не найду убежища от тягостного чувства, что дело свободы в России проиграно» [8, с.530]).

Однако главы «депреформаторов» и «мирнообновленцев» и на этот раз не собирались отступать. Накануне очередной избирательной кампании, они готовились к новому «раунду» политической борьбы. «Уйти теперь, не сразившись снова, как-то неловко», – делился планами М.М.Ковалевский в частном письме. С февраля 1907 г. заседаая в Государственном совете (избран от Императорской Академии наук и уни-

²¹ «Вторая Дума распущена актом с формальной стороны безукоризненным, – констатировал В.Д.Кузьмин-Караваев, обращая внимание на особенности этого документа, сыгравшего роль «поворотного пункта» в истории становления российского парламентаризма. – В один день с Манифестом и указом о роспуске был опубликован новый избирательный закон, одна из основных характерных черт которого – регламентация мелочей и детальное изменение расчетов числа выборщиков по губерниям и по куриям. Закон умело разрешил требовавшую кропотливого труда задачу: так скомбинировать условия производства выборов и цифровые расчеты, чтобы никто из пользовавшихся избирательным правом не был его лишен, но чтобы, вместе с тем, это право для главной массы избирателей обратилось в отвлеченную, теоретическую возможность» [12, с.429–430].

верситетов), ученый собирался и дальше в качестве одного из лидеровлевой группы «злить бюрократическую сволочь откровенной беседой» [8, с.530]. Как всегда инициативный настрой сохранял П.А.Гейден. Современники из разных политических лагерей признавали, что «он был бы полезный член III Думы» [30, с.225]. Однако «мирнообновленцам» пришлось действовать дальше уже без своего лидера: организм 66-летнего П.А.Гейдена не справился с простудой, настигшей его в Москве в дни работы земского съезда. 15 июня 1907 г. он умер от воспаления легких.

«С какой-то чужой планеты...» Это событие имело широкий отклик у «всех порядочных людей без различия партий и направлений». Сочувственные публикации, посвященные памяти П.А.Гейдена, объединял его образ – «белого графа». Прижизненная «аттестация» лидера ПМО отражала не столько характерные черты внешности («белые волосы и серебряную бороду»), сколько «внутреннюю белизну» – «чистоту души, которая не окроплена ни одной точкой лжи или лицемерия». С глубоким уважением отозвался на уход П.А.Гейдена и П.Н.Миллюков: «Фигура редкого благородства, с кристальной чистотой помыслов... этот высокий, стройный старик с лицом методистского проповедника оказался драгоценным, редким продуктом высшей культуры, случайно свалившимся в самый сумбур русской жизни с какой-то чужой планеты... Провести эти горячие годы в самом пекле политической борьбы и выйти из нее без малейшей царапины, – это счастье, которое достается немногим» [30, с.232–233].

«Инопланетность» П.А.Гейдена и ряда других идеологов либерального центризма вовсе не «отменяла» востребованности и актуальности их идей в России, охваченной революционной Смутой. Как сообщалось в прессе, «мирнообновленцев сразу же стали уважать за "благородство поступков" и за "чистоту намерений"». Отмечалось, что «народилась в полном смысле слова "чистая" партия, и в нее пошли чистые и честные люди, ценящие выше всего, даже выше реального успеха, именно безупречность как в нравственности, так и в политике». При этом, к мнению лидеров «центровиков» прислушивались «не только не менее, а, пожалуй, больше, чем к господствующим партиям», в том числе и принципиальные противники легальной мирной эволюции [21].

Характерно, что В.И. Ленин, воспользовавшись смертью лидера ПМО как поводом для своего очередного манифеста, предупреждал об «опасном идейном влиянии» деятелей, подобных П.А. Гейдену («типичному контрреволюционному помещику»), а также «буржуазной интеллигенции, возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики». Вождь большевиков призывал соратников к упорному противостоянию на данном направлении: «Тут и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой» [14, с.39–40]. Кстати, за демонстративным подчеркиванием кадетским и октябристским руководством «ничтожества» «малых» партий либерального центра скрывалось то же отношение к последним, как реальным политическим конкурентам... Обоснованность этих опасений подтвердилась позже.

Библиографический список

1. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1906. №9. С.318–363.
2. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1906. №12. С.801–816.
3. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1907. №5. С.335–356.
4. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1907. №6. С.747–766.
5. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1907. №11. С.320–361.
6. Гессен В.М. «Мирное обновление» // Речь. 1906. №133. 9 августа.
7. [Иностранное обозрение] // Вестник Европы. 1907. №3. С.370–379.
8. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 784 с.
9. [Кузьмин-Караваев В.Д.] [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1907. №1. С.420–435.
10. [Кузьмин-Караваев В.Д.] [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1907. №5. С.423–434.
11. [Кузьмин-Караваев В.Д.] [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1907. №6. С.853–863.
12. [Кузьмин-Караваев В.Д.] [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1907. №7. С.420–436.
13. Кузьмин-Караваев В.Д. Идейный октябризм и действительные октябристы // Вестник Европы. 1907. №8. С.733–745.
14. Ленин В.И. Памяти графа Гейдена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.16. М.: Госполитиздат, 1961. С.37–45.
15. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. Н.Б. Хайлова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 528 с.
16. Пловииум. 1906. №4. 28 октября.
17. Пловииум. 1906. №13. 30 декабря.

«ПРЕДУПРЕДИТЬ РАЗГРОМ ЛИБЕРАЛИЗМА СПРАВА И СЛЕВА»

18. Плювиум. 1907. №26. 31 марта.
19. Россия. Государственная дума. Созыв II. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том I. Заседания 1–30 (с 20 февраля по 30 апреля). СПб.: Государственная типография, 1907. 2344 стб.
20. Русские ведомости. 1907. №29. 7 февраля.
21. Слово. 1907. №263. 27 сентября.
22. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511с.
23. Страна. 1906. №201. 1 ноября.
24. Страна. 1906. №222. 25 ноября.
25. Страна. 1906. №228. 2 декабря.
26. Страна. 1906. №229. 3 декабря.
27. Страна. 1906. №230. 5 декабря.
28. Страна. 1906. №236. 12 декабря.
29. Трубецкой Е.Н. Министерство независимых обстоятельств и объединение партий центра // Московский еженедельник. 1906. №20. 5 августа. С.4–10.
30. Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М.: ООО «Премьер Пресс», 2007. 256 с.

Любовь Писарькова

**М.М.Сперанский
и А.Д.Пазухин:**

**СУДЬБА РЕФОРМАТОРОВ И
РЕФОРМ В РОССИИ¹**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
930

М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин, разработчики важных реформ, вошли в историю с противоположными знаками: один – великий реформатор, другой – создатель «контрреформ». Причину столь разной оценки автор статьи видит не в результатах их деятельности, а в общественно-политическом климате, сложившемся в пореформенной России, и специфическом восприятии самих реформ.

M.M.Speransky and A.D.Pazukhin, the developers of important reforms, went down in history with opposite signs: one is the “great reformer”, the other is the creator of the “counter-reforms”. The author of the article sees the reason for such a different assessment not in the results of their activities, but in the socio-political climate prevailing in post-reform Russia and the specific perception of the reforms themselves.

Ключевые слова: М.М.Сперанский; А.Д.Пазухин; местное управление; специфика реформ в Европе и России; общественное мнение; «контрреформы».

Key words: M.M.Speransky; A.D.Pazukhin; local government; specifics of reforms in Europe and Russia; public opinion; “counter-reforms”.

E-mail: afanasiev44@list.ru

¹ Статья тематически связана с опубликованной ранее в журнале статьей автора. См.: Л.Писарькова. Кахановская комиссия и реформы 1880–1890-х гг. // Россия XXI. 2020. №2. С.156-185.

Сближение этих деятелей у многих читателей вызовет в лучшем случае недоумение. Действительно, что может быть общего между Михаилом Михайловичем Сперанским (1772–1839), талантливым реформатором начала XIX в., намного опередившим свое время, о котором написано множество исследований, и Алексеем Дмитриевичем Пазухиным (1845–1891), автором так называемых «контрреформ» конца 1880-х – начала 1890-х гг., известного в основном историкам, изучавшим период царствования императора Александра III. Однако их выбор не случаен: он позволяет получить ответ на вопрос, поставленный в настоящей статье, почему эти деятели вошли в историю со столь различной оценкой.

Несмотря на обилие проводимых в XVIII–XIX вв. российских реформ в области управления, далеко не всегда можно установить имена разработчиков проектов. В одних случаях их имена «тонули» среди членов многолюдных комиссий, создаваемых для составления законопроектов, в других – их авторство скрывалось за подписью начальников учреждений, что было довольно частым, если не обычным, явлением. Г.Р.Державин вспоминал, как в 1780 г., вскоре после поступления в Экспедицию о государственных доходах, ему, несведущему в финансовых делах, поручили разработать правила казенного управления. Чтобы исполнить волю начальника, он собрал и изучил все указы, имевшие отношение к финансовым учреждениям. Но, поскольку «была ему дика и непонятна почти материя, то марал, переменил и, наконец, через две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помощи». Однако автором этого проекта, получившим силу закона, значился не Державин, а А.В.Храповицкий, который «присвоил сию честь» [13, с.88]. Хорошо известно, что многие записки и законопроекты, за которыми давно закрепилось авторство высокопоставленных лиц, в действительности написаны их подчиненными, умевшими развить и облечь в деловую форму мысли начальников. Так, в 1801–1806 гг. многочисленные записки, проекты, отчеты, поступавшие к Александру I за подписями Д.П.Трошинского и гр. В.П.Кочубея, составлены Сперанским. Автором проекта Манифеста 8 сентября 1802 г. (об учреждении министерств) был не Н.Н.Новосильцов, как принято считать, а чиновник его канцелярии и член Комиссии составления законов Я.А.Дружинин [26, с.691]. А известная записка гр. А.А.Аракчеева «О министерском комитете»

(1815 г.) является лишь частью проекта В.Р.Марченко, чиновника С.Е.И.В. канцелярии [6, с.123–125; 27, с.81]. И такие «открытия» далеко не единственные.

В отличие от многих неизвестных разработчиков проектов, как Сперанский, так и Пазухин при всей разнице масштабов их деятельности вошли в историю как авторы важнейших законов в области государственного управления.

Деятельность М.М.Сперанского в оценке современников и потомков

Сперанский, выходец из духовного сословия, преподаватель Александро-Невской семинарии, благодаря недюжинным способностям и счастливому характеру, сделал головокружительную карьеру на гражданском поприще. В 1797 г. в чине титулярного советника (9-й класс) он поступил на службу в канцелярию генерал-прокурора Сената в не простой для чиновников период царствования Павла I. Несмотря на частую смену генерал-прокуроров, каждый из них (кн. Ал.Б.Куракин, кн. П.В.Лопухин, А.А.Беклешов и даже П.Х.Обольянинов) способствовал быстрому продвижению Сперанского по служебной лестнице.

М.М.Сперанский

В начале царствования Александра I способному и исполнительному чиновнику покровительствовали Д.П.Трошинский и гр. В.П.Кочубей, а с 1807 г. сам император. Уже в 1801 г., т.е. спустя четыре года с начала службы, Сперанский получил чин действительного статского советника (4-й класс), а в 1808 г. – тайного советника (3-й класс) [51, с.600–601; 15, с.170–171]. За столь короткий срок преодолеть многочисленные ступени гражданской службы не удавалось даже представителям знатных фамилий. Но многие из них достигали высших гражданских чи-

нов посредством придворной службы. Такой возможности дети аристократов лишились после издания 3 апреля 1809 г. указа «о придворных званиях» [30, с.899–900], разработанного Сперанским по воле императора. Чтобы в полной мере оценить значение этого указа, необходимо раскрыть механизм превращения придворного служащего в высокопоставленного чиновника.

По Табели о рангах 1722 г. чины камергера и камер-юнкера состояли соответственно в 6-м и 9-м классах (их обязанности ограничивались эпизодическими дежурствами во Дворце). Законодательными актами 1737 и 1742 гг. чин камергера был перемещен в 4-й класс, а камер-юнкера – в 5-й. При Екатерине II, в связи с увеличением числа камергеров и камер-юнкеров, возникла необходимость выделить из них «действительных» служащих Двора Е.И.В., т.е. тех, кто входил в придворный штат и получал жалованье. Действительные камергеры, состоявшие в одном классе с действительными статскими советниками, получили возможность при переходе из придворной на гражданскую службу сразу повышаться в чин тайного советника [50, с.164, 170–171], что и осуществлялось на практике. Такую карьеру сделали многие государственные деятели конца XVIII – начала XIX в., включая членов Негласного комитета, реформаторов начала царствования императора Александра Павловича. Как можно судить по данным послужных списков, до поступления в придворную службу никто из них не имел ни высоких чинов, ни опыта административной работы. Гр. В.П.Кочубей, находясь в чине подпоручика, в 1786 г. стал камер-юнкером, в 1792 г. (после бессрочного отпуска за границей) поступил на дипломатическую службу; в 1795 г. получил чин действительного камергера, а в 1798 г. – действительного тайного советника. Н.Н.Новосильцов в 1796 г. вышел отставку в чине подполковника и до начала нового царствования находился за границей; в 1801 г. стал действительным камергером, в 1806 г. – тайным советником. Кн. А.А.Чарторыйский, в течение ряда лет воевавший против России, в 1795 г. по требованию Екатерины II доставлен в Петербург в качестве заложника; в 1796 г. получил чин камер-юнкера, в 1799 г. – тайного советника. Гр. П.А.Строганов в 1786 г. произведен в поручики гвардии (без действительной службы), с 1787 г. находился за границей, в основном во Франции, где в 1790 г. состоял членом якобинского клуба. После возвращения в Россию по распоряжению императри-

цы в 1791–1796 гг. жил в подмосковном имении. В 1794 г. стал камер-юнкером, в 1798 – действительным камергером, в 1802 г. – тайным советником [51, с.324–325, 463–464, 712–713; 44, с.514–515, 518].

В царствование Александра I многие из тех, кто исполнял должности министров и губернаторов, достигли их не многолетним трудом, а придворной службой. Так, камергер А.В.Васильчиков, нигде не служивший, в 28 лет стал действительным статским советником и в 1807 г. назначен новгородским губернатором [9, с.855].

Таким образом, для молодых людей из знатных семей придворная служба являлась своего рода трамплином, который позволял им делать стремительную карьеру на военном или гражданском поприще и, не имея опыта работы, занимать высокие должности в государственном управлении.

Указ 3 апреля 1809 г. «о придворных званиях» кардинальным образом изменил сложившуюся практику. Впредь запрещалось присваивать камергерам и камер-юнкерам военные или гражданские чины без действительной службы, чины камергеров и камер-юнкеров превращались в почетные придворные звания. Их владельцам предписывалось в течение двух месяцев вступить в действительную службу и «продолжить оную по установленному порядку с первоначальных чинов» [30, с.899].

В исторической литературе указу «о придворных званиях» уделено меньшее внимание, чем указу 6 августа того же 1809 г. «об экзаменах на чин» [31, с.1054–1057], также составленному Сперанским. По сравнению с предыдущим указом он оказался менее удачным. В начале XIX в. к широкому распространению образования еще не были готовы ни государственные структуры, ни общество, поэтому требование у чиновников университетских аттестатов оказалось преждевременной мерой. Подтверждением тому служат многочисленные исключения из общих правил, предусмотренные уже в самом законе; после 1809 г. число чиновников разных ведомств, получавших чины коллежского асессора и статского советника без сдачи экзаменов, постоянно росло. Показательно, что в 1826 г. по случаю коронации Николая I все титулярные и коллежские советники, занимавшие должности 8-го и 5-го классов, были повышены в эти классы без экзаменов. В 1834 г. закон 6 августа 1809 г. был вовсе отменен [29; 39]. Тем не менее за время своего действия он испортил карьеру многим

чиновникам, на что указывает появление тогда такого понятия, как «вечный титулярный советник».

Указы 1809 г. больно ударили по честолюбивым замыслам многих современников Сперанского и вызвали ропот в высшем обществе и чиновном мире. Не прибавила популярности Сперанскому и финансовая реформа [22, с.53–60], которая привела к резкому повышению налогов и затронула интересы всех слоев населения. Реформа центрального управления 1810–1811 гг. также вызвала множество нареканий в правительственных кругах; ее критики отмечали слабые стороны новой организации министерств, проявлявшиеся на протяжении всего существования этих учреждений². Характеризуя отношение общества к законотворческой деятельности Сперанского, Ф.Ф.Вигель писал, что от нее ждали всяческих бед и несчастий; на его кабинет «смотрели все, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собой все наше отечество». Неудивительно, что весть о неожиданной отставке реформатора 17 марта 1812 г. и ссылке его в Пермь «громко разнеслась по всей России» и вызвала «всеобщую радость» [8, с.296].

По каким информационным каналам «разносились» тогда известия о событиях, происходивших в столице, причем с определенной их оценкой? В начале XIX столетия, в отличие от второй его половины, общественное мнение формировали не органы печати. Немногочисленные периодические издания выходили в Петербурге и Москве небольшими тиражами. Издавались три официальные газеты, трактующие события с правительственной точки зрения³, и журналы, в основном литературного и познавательного содержания. В других городах, за исключением Одессы, первые органы печати («губернские ведомости») появились только в 1838 г.

Общественное мнение формировалось, главным образом, в столичных салонах, гостиных и клубах, где происходила оценка событий и явлений как внешней, так и внутренней жизни, далеко не всегда совпадавшая с официальной позицией. Информация о столичных новостях распространялась по всей стране посредством переписки и личного общения, нередко в виде толков и слухов, далеких от истины

² Подробно см.: [36].

³ «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и «Северная почта» (с 1809 г.). См.: [41, с.14–133].

[11, с.57–59]. Так, А.Я.Булгаков, сообщая брату об отставке Сперанского, 2 апреля 1812 г. писал из Москвы в Бухарест о том, что «целый свет наполнен теперь Сперанским», который, по сведениям автора письма, арестован и помещен в крепость [5, с.271].

Оценка реформаторской деятельности Сперанского, данная его современниками, нашла отражение в деловых бумагах, записках, воспоминаниях и письмах. Однако большинство из них было опубликовано только в 1870–1890-е гг. Показательна в этом отношении судьба известной записки Н.М.Карамзина «О древней и новой России», содержавшей суровую критику проводимых тогда реформ. «Записка», поданная императору Александру Павловичу 18 марта 1811 г., была обнаружена в 1836 г. в бумагах гр. А.А.Аракчеева (после его смерти в 1834 г.) и впервые напечатана в Берлине в 1861 г.; в России полный ее текст опубликован только в 1900 г.⁴.

Спустя годы оценка государственной деятельности Сперанского стала меняться. Как писал о Сперанском в 1861 г. издатель-редактор журнала «Русский вестник» М.Н.Катков, «в первую блестящую пору своего поприща был он предметом горячих толков и страшных осуждений, но потом он вошел в ряд обыкновенных светил и вскоре после его смерти о нем заглохла в отечестве всякая память» [18, с.113–114]. С таким категоричным утверждением вряд ли можно согласиться. Сперанский не был забыт: в 1840–1850 гг. статьи, освещавшие отдельные факты его биографии, печатались в губернских ведомостях, реже – в журналах.

М.Н.Катков

⁴ Первая полная публикация «Записки» могла появиться в России в 1870 г. Она была напечатана П.И.Бартеневым в журнале «Русский архив», но по цензурным соображениям вырезана из отпечатанных номеров журнала. Однако несколько ее оттисков сохранилось [21, с.475; 42, с.221–226].

Повышенный интерес к государственной деятельности Сперанского возник в период подготовки реформ 1860–1870-х гг.⁵, чему в немалой степени способствовало издание в 1861 г. книги бар. М.А.Корфа «Жизнь графа Сперанского». По оценке Каткова, благодаря этой книге «просияется теперь образ этого необыкновенного человека, остававшийся до последнего времени в совершенном тумане» [18, с.113]. Написанная на основе многочисленных и не известных ранее документов, книга привлекла всеобщее внимание и вызвала множество рецензий и откликов. Их авторы, отмечая сильные и слабые стороны исследования, неизбежно касались и деятельности Сперанского. В этом отношении особый интерес представляет оценка проектов Сперанского, данная в 1861 г. одним из руководителей журнала «Современник» Н.Г.Чернышевским и издателем журнала «Русский вестник» М.Н.Катковым. Характеризуя «План всеобщего государственного образования», Чернышевский писал, что Сперанский опережал время и не учитывал условий жизни, он «хотел ввести будущее в настоящее». Реформатор «строит без фундамента, т.е. без достаточной подготовки умов в отношении нравственном, юридическом и политическом» [49, с.795]. В конечном итоге Чернышевский приходит к заключению, что «Сперанский был в то время непрактичным мечтателем» или «увлекающимся мечтателем» [49, с.812, 827].

М.А.Корф

Катков дал более подробную характеристику деятельности Сперанского. Издатель «Русского вестника» отмечает блестящие способности Сперанского, большие заслуги в юридической сфере, но считает его недостаточно подготовленным к делам управления и законодательства. «Он воспользовался всем, что могли дать ему школа и кан-

—

⁵ См. библиографию к статье «Сперанский М.М.» [51, с.605–607].

целярия; но этого конечно очень мало для того, чтобы явиться государственным преобразователем, (...) ему неоткуда было услышать голос самой жизни». В результате, «мы видим блестящие постройки в кабинете по самым симметрическим планам и ломку в жизни, как только проникало в нее что-нибудь из этих кабинетных замыслов; (...) все между тем вызывало лишь ропот или вопли» [18, с.114–115]. Опираясь на факты из книги бар. Корфа, автор отмечает слабые стороны проектов начала XIX в., рожденных в «канцелярской лаборатории законов» [18, с.123], и их негативное воздействие на государственную жизнь страны. По мнению Каткова, прогресс в развитии государства достигается только посредством тех преобразований, которые диктует сама жизнь, а не рождает ум реформатора. Но в период подготовки новых реформ такую точку зрения разделяли далеко не все. «Сперанский, – пишет Катков, – был пленен современными ему идеями. В эту первую, блестящую пору его государственной деятельности он был, конечно, прогрессист, как сказали бы теперь у нас, даже крайний прогрессист» [18, с.123]. В этих словах слышатся отзвуки современных ему дискуссий и споров, вызванных подготовкой реформ 1860-х гг.

Очевидно, что Чернышевский и Катков, представители разных направлений в публицистике, сходились в оценке проектов Сперанского, считая их преждевременными и даже вредными. Тем не менее интерес к личности Сперанского и его проектам продолжал расти, о чем свидетельствуют широкое празднование в 1872 г. столетия со дня рождения реформатора и многочисленные публикации документов и статей о его жизни и деятельности. Новые поколения реформаторов с большим вниманием относились к проектам Сперанского и многие из них, казавшиеся в свое время утопичными, начинали воплощаться в условиях другой эпохи. В 1906 г. в России учреждена Государственная дума, составлявшая важную часть «Плана» 1809 г. А идея создания всесословной волости во главе с избираемой волостной думой на протяжении второй половины XIX – начала XX в. вдохновляла многих реформаторов⁶.

⁶ *Вопрос о создании всесословной волости обсуждался в 1860-е гг. при подготовке земской реформы 1864 г.; ее введение предусматривалось проектом реформы местного управления, разработанным в 1885 г. Советником Кахановской комиссии, затем проектом правительства П.А.Столыпина в 1907 г. Была учреждена после февральской революции в 1917 г.*

Таким образом, несмотря на негативное отношение современников к законотворческой деятельности М.М.Сперанского, он получил высокую оценку последующих поколений и вошел в историю не только как талантливый кодификатор, но и как великий реформатор, в блеске славы которого бледнеет и теряется фигура Александра I.

**Деятельность А.Д.Пазухина
в оценке современников
и потомков**

Иной оказалась судьба реформатора 1880-гг. А.Д.Пазухина. Сведения о нем очень кратки. Пазухин происходил из дворян Симбирской губернии, окончил юридический фа-

культет Московского университета со степенью кандидата права. Первоначальный этап его деятельности связан с Алатырским уездом Симбирской губернии. В 1872 г. его избирают участковым мировым судьей и гласным уездного земского собрания; в 1878 г. он становится предводителем уездного дворянства и почетным мировым судьей. Многолетняя и разнообразная по характеру общественная служба позволила ему в полной мере изучить жизнь провинции и условия сельского быта. Второй этап деятельности Пазухина связан с Петербургом. В октябре 1884 г. он приглашен в столицу в качестве эксперта по вопросам местного управления; в 1885–1890 гг. был правителем канцелярии Министерства внутренних дел; по роду службы принимал участие в обсуждении ряда законопроектов, в том числе в Комиссии министерства финансов по вопросам земского обложения. В 1887 г. получил чин действительного статского советника, в январе 1891 г., за три недели до смерти, награжден орденом св. Станислава 1-й степени [32, с.112–113; 33, с.539].

С октября 1884 г. и до мая 1885 г. Пазухин в числе 15 местных деятелей (предводителей дворянства и губернаторов) участвовал в обсуждении проекта реформы местного управления, разработанного членами Кахановской комиссии. Для понимания важности этого проекта следует сделать небольшое отступление⁷.

Необходимость переустройства местного управления осознавалась уже при Александре II. Результаты сенаторских ревизий, проведенных в ряде губерний в 1880 г., подтвердили наихудшие представле-

⁷ О подготовке реформ 1880–1890-х гг. Кахановской комиссией и Министерством внутренних дел и влиянии этих реформ на местное управление подробно см.: [37].

ния верховной власти о состоянии дел на местах. Принятия безотлагательных мер требовали многие местные учреждения, прежде всего присутствия по крестьянским делам – органы крестьянского самоуправления, заменившие в 1874 г. мировых посредников. Не случайно с начала царствования Александра III проведение реформы местного управления признавалось одной из первоочередных задач нового правительства.

Уже в октябре 1881 г. была создана Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М.С.Каханова, занимавшего при гр. М.Т.Лорис-Меликове должность товарища министра внутренних дел. Руководствуясь материалами сенаторских ревизий и предложениями с мест, Комиссия должна была разработать проект преобразования губернского и уездного управления. Ее создание не осталось незамеченным. Либерально настроенная часть общества, прежде всего земцы, связывала с деятельностью Комиссии надежды на расширение роли общественных учреждений и создание волостного земства, управлявшего независимой от администрации всесословной волостью [4, с.157]. Их оппоненты, напротив, видели задачу Комиссии в усилении в местном управлении роли государства. «Требуется, – писал М.Н.Катков в ноябре 1881 г., – чтобы государство – от центра до мельчайших местных обществ, городских и сельских – составляло один организм, в котором не должно быть и тени разновластия» [17, с.401].

В таких условиях проект, составленный к концу 1883 г. Особым совещанием Кахановской комиссии, не мог удовлетворить ни тех, ни других. Проект предусматривал создание всесословной волости во главе с избираемым волостелем, но без волостного земства, что не устраивало либералов, стремившихся к расширению выборного начала. Вместе с тем он заметно расширял участие выборного элемента во всех областях губернского и уездного управления, что не устраивало консерваторов, сторонников упрочения государственной власти.

В октябре 1884 г. этот проект поступил на рассмотрение членов Комиссии и экспертов с мест («сведущих людей»), приглашенных министром внутренних дел гр. Д.А.Толстым. Основные пункты проекта (создание всесословной волости вместо крестьянской, усиление роли земств и др.) вызвали полное неприятие со стороны приезжих, обвинивших «петербургских бюрократов» в полном незнании жизни в

губерниях. Кроме того, эксперты не видели необходимости в проведении всеобщей реформы местного управления, как предусматривал проект, и предлагали сосредоточиться на решении насущных вопросов, прежде всего, на устройстве крестьянского управления.

Активным критиком проекта выступил Пазухин. По его оценке, «работы и проекты Кахановской комиссии, бесспорно, заключают в себе много дельного и полезного, но есть нечто нужнее этих реформ: это – положение нашего крестьянина; оно в полном смысле беспомощное; крестьянин буквально завален властями: все приказывают, все требуют, но нет никого, кто бы представлял собой для крестьянина власть, близкую его нуждам, власть, заботящуюся о нем. А между тем пролезают в деревню люди, которые хотят сбить его с толку, его отдалить от церкви, его возбуждают против власти – против этой пропаганды он беспомощен, как бессилен против злоупотреблений его собственных избранных властей – старост, старшин, судей». По мнению Пазухина, чтобы исправить положение дел, нужна «не реформа всего губернского и уездного строя»: для этого необходимо «поставить крестьянина в деревне так, чтобы у него был начальник и защитник исключительно для крестьян» [23, с.724].

Эти соображения и были положены в основу проекта о земских начальниках. Пазухин предлагал подчинить крестьянскую волость земскому начальнику, назначаемому из числа дворян и лиц с высшим образованием, наделить его административными и судебными полномочиями и упразднить мировых судей, ставших при такой организации управления лишним звеном. По сути, проект сводился к возрождению мировых посредников, действовавших в 1861–1874 гг. и хорошо себя зарекомендовавших.

В ноябре 1884 г. предложение Пазухина обсуждалось в заседании Комиссии, но большинство членов его не поддержало. Тем не менее этот проект получил дальнейшее развитие в «Положении о земских участковых начальниках», составленном Пазухиным уже в качестве правителя канцелярии Министерства внутренних дел; 12 июля 1889 г. оно было утверждено императором и получило силу закона.

Свое видение ситуации в стране и путей реформирования местного управления Пазухин изложил в статье «Современное состояние России и сословный вопрос», опубликованной в 1885 г. в январском номере журнала «Русский вестник» [34, с.5–58]. Анализируя обстановку, сложившуюся в России после реформ 1860–1870-х гг., автор приходит к неутешительным выводам. Он отмечает социальное брожение в обществе, снижение нравственного уровня, расшатывание семейных устоев и рост корыстолюбия («деньги стали предметом притягательности»). Причину негативных явлений он видит в реформах Александра II (земской, судебной, городской). «Вместо оценки реформ, внесших дезорганизацию в страну, стали обвинять самую

А.Д.Пазухин

страну в неумении приладиться к новым условиям жизни» [34, с.8]. Эти реформы, разработанные «в тиши петербургских канцелярий», а не вызванные историческим ходом вещей [34, с.13], внесли в жизнь России чуждое ей начало бессловности. Однако бессловные общественные учреждения по своему составу и характеру деятельности оказались далекими от замысла законодателей. «Когда говорят о земстве, – пишет Пазухин, – то имеют в виду то, что должно быть по Положению 1864 г., а не то, что

есть». Причина такого несоответствия заключается в организации избирательной системы, которую Пазухин подверг особой критике. Избирательные собрания, сформированные по имущественному принципу, представляют собой «искусственную смесь разных народных элементов», что приводит к избранию случайных людей. В результате, общественное благо служит лишь прикрытием для достижения личного благополучия. По наблюдению автора, с каждым выбором состав общественных учреждений (земств, городских дум, мировых судов) заметно ухудшался, что проявлялось в росте числа

злоупотреблений, интриг и, в конечном итоге, в падении авторитета власти. Основную проблему управления крестьянами он видит в подчинении их разного рода начальникам, что приводит к многовластию [34, с.14–17, 19]. Виной тому реформы, которые «подорвали нашу сословную организацию и привели Россию к состоянию социального брожения». Результатом реформ стало и появление интеллигенции, представляющей «бесформенное общество, которое наполняет собой все щели, образовавшиеся в народном организме в эпоху реформ, и которое теперь лежит довольно толстым пластом сверху России». По мнению автора, с ростом численности этого бессословного класса, для которого характерны «беспочвенность и отчужденность от народа», связано распространение в России революционных идей [34, с.24, 38].

Выход из создавшегося положения Пазухин видит в возрождении в административном и общественном управлении роли сословий, прежде всего дворянства. Именно сословная организация общества на протяжении всей истории России служила прочным фундаментом самодержавия и российской государственности. Этот тезис автор подтверждает экскурсом в историю России. Он видит много общего между смутой начала XVII в. и смутой 1880-х гг., но если в первом случае причиной смуты стало падение самодержавной власти, то во втором – принятие ряда законодательных мер, которые привели к расстройству общественного организма и ослаблению власти [34, с.46–47]. По мнению Пазухина, для наведения порядка в стране необходима реформа земских и городских учреждений, которая «должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении *представительства сословий* вместо *представительства случайных групп разного рода имущественников* (так в тексте. – Л.П.)». Кроме того, «необходимо вернуть дворянству его права и обязанности по государственной и земской службе». «Только таким путем можно скрепить связь между правительством и дворянством и между дворянством и землей». Только при такой организации, – заключает Пазухин, – будет достигнута «главная цель реформы местных учреждений: подъем авторитета власти» [34, с.54–56, 58].

Необходимо было обладать известной долей гражданского мужества, чтобы выступить в прессе с критикой реформ 1860-х гг. и такой

Н.М.Карамзин

непопулярной в либеральных кругах идей, как организация местного управления на сословных началах.

По содержанию и структуре статья «Современное состояние России и сословный вопрос» близка к записке Н.М.Карамзина «О древней и новой России» (1811 г.) [16, с.378–434]. Как и Пазухин, Карамзин критикует реформы за введение в жизнь России чуждых ей начал, которые подрывали самодержавие, представлявшего основу российской государственности;

выделяет особую роль дворянства в его сохранении. Как и Пазухин, Карамзин в своих доводах опирается на события российской истории, а в конце «Записки» намечает пути выхода из неблагоприятной для России ситуации, сложившейся в начале XIX в. во внешней и внутренней политике.

В связи с этим закономерно задаться вопросом: читал ли Пазухин «Записку» Карамзина или сходство этих произведений объясняется лишь повторяющимися последствиями масштабных преобразований, не однажды потрясавших исторические устои России. При желании Пазухин мог ознакомиться с содержанием «Записки» по ее немецкому изданию 1861 г. или по случайно сохранившимся оттискам из «Русского архива» 1870 г. (о публикациях «Записки» см. выше). Необходимо учитывать и то обстоятельство, что и Карамзин, и Пазухин были уроженцами Симбирской губернии; более того, их семьи связывали родственные отношения. Мать историка Екатерина Петровна Карамзина была урожденной Пазухиной [46, с.25; 28, с.9]⁸. Вероятно,

⁸ Следует заметить, что родственные связи существовали между Пазухиными и Дмитриевыми и между Дмитриевыми и Карамзиными. Е.Г.Дмитриева, тетка И.И.Дмитриева, была мачехой Н.М.Карамзина, второй женой его отца, а Е.Н.Дмитриева, племянница

за прошедшие сто лет эти семейные связи были утрачены, но память о родственных отношениях с Н.М.Карамзиным сохранялась в истории рода Пазухиных, что не могло не вызывать у его представителей особого интереса к творческому наследию историка. Таким образом, не исключено, что А.Д.Пазухин был знаком с содержанием «Записки» Карамзина и в какой-то мере повторил ее структуру, что, впрочем, не умаляет значения его статьи.

Судьба этих близких по духу произведений оказалась очень разной. «Записка о древней и новой России» в 1811 г. вызвала неудовольствие Александра I, хотя впоследствии его отношение к ней изменилось. В мае 1816 г., награждая Карамзина орденом св. Анны 1-й степени (после выхода первых 8 томов «Истории Государства Российского»), император сказал, «что жалует ленту не за Историю, а за Записку» [52, с.450 (сноска 10)]. Александр I не отказался от преобразований, однако не исключено, что именно «Записка» Карамзина заставила его быть более осторожным в своих начинаниях. «Записка» осталась неизвестной современникам, хотя в случае обнаружения она несомненно получила бы тогда поддержку большей части общества. Но это произведение Карамзина осталось лишь ярким памятником историко-политической мысли начала XIX в.

Пазухин опубликовал статью «Современное состояние России и сословный вопрос» в тот момент, когда решение вопроса о путях реформирования местного управления во многом определяло общую направленность всей внутренней политики. Естественно, что статья, в которой предлагался проект устройства местного управления, альтернативный кахановскому проекту, привлекла внимание общества. Кн. В.П.Мещерский (внук Карамзина), известный своими консервативными взглядами, назвал статью Пазухина «сильной и талантливой», а ее автора – «молодым копыеносцем», который, выступив «против рати сильных опытом, авторитетом и иерархическим положением сановников либерального лагеря, заставил о себе говорить» [23, с.723]. 8 марта 1885 г. в письме к Александру III кн. Мещерский дал Пазухину следующую характеристику: «Это молодой человек, умный, даровитый и, главное, неувлекающийся. Он практически знаком с нуж-

И.И.Дмитриева, вышла замуж за П.С.Пазухина. [46, с.22, 25, 903].

дами русской жизни и не с луны хватает мысли для реформы, а прямо из прозаической правды» [24, с.134].

Однако либеральные органы печати (в столице их было большинство) подвергли статью Пазухина ожесточенной критике. Его предложения были признаны реакционными, создающими угрозу реформам предыдущего царствования. По оценке журнала «Вестник Европы», Пазухин («один из местных деятелей, "усиливших" собою состав Кахановской комиссии») представил в статье «новые образцы сословного прожектёрства». Вместе с тем при-

В.П.Мещерский

знавалось, что с ее появлением «приверженцы» сословного принципа «перешли не только от обороны к наступлению, но и от общих фраз к более или менее определенным проектам» [3, с.372]. Журналист К.К.Арсеньев, иронизируя над идеей Пазухина о сословном представительстве, сравнивает его с так называемыми «докторами», «которые восхваляют на площадях и перекрестках свой чудотворный эликсир, исцеляющий от всех болезней» [3, с.383]. Но, отстаивая проект Кахановской комиссии, Арсенев не мог обвинить Пазухина в том, что тот сгущает краски при описании плачевного состояния учреждений, созданных реформами 1860–1870-х гг. Единственный аргумент журналиста в их защиту сводился к тому, что в дореформенный период было хуже.

В отличие от прессы, министр внутренних дел гр. Д.А.Толстой высоко оценил статью А.Д.Пазухина, ставшую своего рода рекомендацией для назначения ее автора правителем канцелярии Министерства внутренних дел. Появление на столь высокой должности человека из провинции, чуждого по своим убеждениям большинству петербургского общества, вызвало неприятие со стороны правящих кругов. Государственный секретарь Государственного совета А.А.Половцов прокомментировал это событие следующим образом: «Толстой с восхищением ухватился за бранную записку, сочиненную г. Пазухиным

против всего, что сделано было в минувшее царствование, (...) его записка родила проект о земских начальниках» [38, с.190]. Другой либерально мыслящий чиновник А.Н.Куломзин дал еще более уничижительную оценку деятельности Пазухина и гр. Толстого по созданию проекта закона о земских начальниках: «За эту работу с яростью новатора взялся новый начальник его канцелярии Пазухин, опозоривший свое имя в истории нашей администрации». При этом, по мнению Куломзина, Толстой «не давал себе труда вникать в детали подносимой ему стряпни» [19, с.359, 362].

Несмотря на поддержку императора, разработанные законопроекты вызвали полное неприятие со стороны либерального большинства правящей элиты, прежде всего, членов Государственного совета. В результате, составленный в 1886 г. проект «Положения о земских участковых начальниках» был утвержден только в 1889 г. и то лишь после вмешательства в законотворческий процесс императора Александра III. Все это не могло не удручать разработчика реформ, что подтверждает и запись в «Дневнике» издателя газеты «Новое время» А.С.Суворина 19 ноября 1886 г.: «Был у меня Пазухин, реформатор наших дней. Очень серьезный и убежденный человек, в разговорах одушевляется, говорит о своей нелюдимости. Его взгляд на современное положение безотраден. Он прямо говорит, что людей, верующих в самодержавие, очень мало в России» [45, с.64].

Почему проекты, разработанные в 1880-е гг., встречали такое противодействие со стороны образованных людей, в том числе тех, кто занимал высокие государственные должности? Передовая общественность, несмотря на сложную обстановку в стране, выступала за дальнейшее расширение выборного начала, поэтому признавала эти проекты реакционными, нарушавшими базовые принципы организации местного управления, заложенные реформами 1860-х гг.

Признавалось недопустимым возвышение роли сословий, особенно дворянства; соединение в должности земских начальников административных и судебных полномочий, нарушавшее принцип разделения властей; наконец, усиление надзора администрации за деятельностью общественных учреждений. В связи с этим следует отметить, что критике подвергалось не введение земских начальников, а то, что они не избирались земством, а назначались администрацией из числа местных дворян-землевладельцев. Надо заметить, что именно они

представляли тогда наиболее образованную и близкую к крестьянству часть сельского населения. Характеризуя господствующие в то время общественные настроения, кн. Мещерский не без иронии отмечал: «Если бы (...) был сочинен земский начальник бессословный, хотя бы из ссыльных мещан или поднадзорных интеллигентов, то вся печать такого земского начальника торжественно взяла бы под свою защиту и общественное мнение было бы его попутным ветром» [23, с.724]. Кн. Мещерский не случайно отметил особую роль прессы в формировании общественного мнения. По наблюдению французских историков, «благодаря распространению печати становится возможным превращение (...) спустя какое-то время всего общества в коллективную критическую инстанцию» [25, с.217]. Хотя этот вывод сделан применительно к Франции XVIII в., но с полным основанием его можно отнести и к России второй половины XIX столетия.

По сравнению с началом века в пореформенный период число периодических изданий, особенно политической направленности, многократно увеличилось. Историк С.М.Соловьев, внимательный наблюдатель современных ему событий, отмечал, что с реформ 1860-х гг., «пошла мода на либеральничание» [43, с.649]. Приверженцами этой «моды» было большинство столичных органов печати, оказывавших огромное влияние на формирование общественного мнения всей России. «Мнение петербургской журналистики, – писал Пазухин, – стало выдаваться за дух времени, за общественное мнение страны» [34, с.12]. Представление о «духе времени» столичных журналистов базировалось преимущественно на умозрительных рассуждениях, далеких от реальных потребностей страны. В результате все, что не укладывалось в прокрустово ложе искусственных построений, признавалось реакционным. Такая судьба постигла реформы 1880–1890-х гг. и их разработчика А.Д.Пазухина.

Однако, помимо изменений в общественно-политическом климате страны, была тому и другая причина, которая заключалась в особенностях российских реформ.

Специфика реформ в России В 2012 г. в Петербурге состоялась международная конференция, посвященная проблеме реформ на западе и востоке Европы XVI–

XVIII вв. Статьи ее участников дают возможность составить представление об эволюции понятия «реформа» и восприятию преобразований современниками на разных этапах развития европейских государств, включая Россию [48].

За три столетия трактовка понятия «реформа» претерпела заметные изменения. В XVI в. реформа воспринималась, как возвращение к прежней форме для исправления злоупотреблений, возникших в результате отклонения от овеянных стариной начал. В значении «новизн» реформы осуществлялись постепенно, путем введения «отдельных изменений в разные узлы административного механизма, но не демонтажом системы в целом» [2, с.27]. Таким же путем шел процесс реформирования управления и в XVII в.: «новизны» вписывались в действующую систему, дополняя и улучшая, но не разрушая ее. В этом отношении Россия развивалась в одном русле с европейскими государствами.

Ситуация изменилась в скорый на решения век Просвещения. В XVIII в. трактовка понятия «реформа» в странах Европы несколько расширилась, хотя суть осталась прежней. Словом «реформа» определяли действие, направленное на устранение злоупотреблений и улучшение, независимо от того, восстанавливалась ли прежняя форма или создавалась новая [35, с.66–67; 25, с.218]. Но преобразования не должны были подрывать основ государственного устройства, поэтому их уподобляли врачу, который обязан лечить больного, не стремясь при этом сделать его другим человеком [35, с.67].

Вместе с тем на почве философии Просвещения в XVIII в. возник новый тип реформ, так называемых «философских» [35, с.65] или «умозрительных» [25, с.227], предусматривавших всеохватное переустройство жизни государства и общества. Однако реализовать такие замыслы мог только реформатор, обладавший абсолютной властью и настроенный на проведение любых преобразований («легальный деспот»). В Европе, в условиях существования парламентов и прессы, формирующей общественное мнение, возможности таких реформаторов были весьма ограничены [25, с.220–223; 35, с.67–68]. Россия находилась в иных условиях. Петр I обладал неограниченной властью и был настроен на крутые перемены, что и привлекло к нему внимание европейских философов-рационалистов. Как писал М.М.Богословский, вокруг Петра I «жужжала целая толпа политических прожекте-

ров, представлявших ему различные "пропозиции", "изъявления", "доношения", "мемориалы", содержавшие самые разнообразные реформационные планы»⁹.

В отличие от европейских монархов, Петру I удалось воплотить в жизнь идею века Просвещения и провести в России всеохватывающие преобразования. После Петра I не одно поколение российских реформаторов заимствовало европейские учреждения и законы, изготавливая по их образцам плохие копии, которые внедрялись во все сферы жизни страны. С XVIII в. закон в России получил значение инструмента, с помощью которого правительство пыталось направить развитие страны в желаемое русло, далеко не всегда считаясь с наличием реальных условий для такого развития.

Так, губернская реформа 1775 г., несмотря на многие положительные стороны, лишила Россию центрального управления. В результате с учреждением министерств ключевой, но плохо решаемой управленческой задачей стало создание механизма взаимодействия центральных и местных властей. Классическим примером всеобъемлющих преобразований был подготовленный Сперанским «План всеобщего государственного образования» 1809 г. Его реализация должна была в течение года коренным образом переустроить государственный и общественный строй России. Новая волна смелых реформ захлестнула Россию в 1860–1870-е гг., поставив под сомнение необходимость существования самой самодержавной власти. Продолжением реформ Александра II должны были стать преобразования, намеченные Кахановской комиссией.

В отношении характера российских реформ пророческими оказались слова Карамзина, писавшего в 1811 г.: «Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем, и долгое время, заблуждаться в нашей внутренней государственной системе; вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума» [16, с.427].

Оценка преобразовательной деятельности правительства современниками и историками позволяет выделить ряд характерных особенностей российских реформ.

⁹ Цит. по: [40, с.326].

1. В период подготовки преобразований действовавшая система управления подвергалась всесторонней критике, а порой и очернению (для доказательства ее несостоятельности). На эту закономерность обратил внимание один из современников реформ Александра II, который в их преддверии писал: «При начале царствования Александра I и Николая I поднимались общие возгласы о бывших беспорядках, с жаром свершались преобразования, сменялись лица, переделывалось управление, а общее расстройство росло более и более. Ныне тот же говор! Везде твердят: надо исправить бывшие ошибки; сердце же русского сжимается от страха, ибо, нежели по примеру прошедшему, новые преобразования увеличат расстройства, то не устоять Государству Российскому на подмываемых отовсюду основаниях» [1, д.29, л.48 об.].

Александр II

2. Реформы разрабатывались «с чистого листа», т.е. без учета деятельности предшественников, что нарушало преемственность в законодательном процессе. Кн. В.П.Мещерский, бывший чиновник Министерства внутренних дел, писал: «Нынешнее министерство внутренних дел П.А.Столыпина, доверенное относительно реформ товарищу министра Крыжановскому, сочиняет свой проект реформ по непосредственному вдохновению, предпочитая сие огромной работе изучения ценных материалов, собранных Кахановской комиссией. (...) заставленные шкафами комнаты, где лежали годами никем не читаемые работы разных комиссий для переустройства губернских и уездных учреждений» [23, с.723].

3. Реформы нарушали преемственность между разными этапами развития государства и общества; переход от одной административ-

ной системы к другой был резким и глубоким, являлся результатом законодательного решения, а не эволюционного развития. «Если бы мы теперь, – писал в конце 1850-х гг. историк Н.В.Варадинов, – захотели связать исторической нитью Приказы, Коллегии и Министерства, то найдем эту соединительную нить разве в одном времени, т.е., что место Приказов заняли в высшем государственном устройстве Коллегии, а место их – Министерства; другой связи между ними нет. Как были новы и чужды Приказам Коллегии, так почти новы и чужды сим последним Министерства» [7, с.36].

4. Реформы изменяли систему государственной и общественной жизни страны, что по своим последствиям не укладывалось в исходные рамки понятия «реформа». А.Д.Градовский писал по поводу реформ Александра II: «Употребляя выражение "реформы", мы не имеем в виду сказать, что *прежние* установления были *преобразованы* согласно новым условиям и потребностям. Напротив, не только *прежние* установления, но вся *система* прежнего управления была устранена в главных своих частях и заменена другой системой (так в тексте. – *Л.П.*)» [10, с.44–45, 508].

5. Реализация законопроектов, часто непродуманных и поспешных, далеко не всегда отвечала замыслам их создателей. Оценивая министерскую реформу 1802 г., гр. П.В.Завадовский писал: «Всего хотим лучшего, и, кажется, стремительно; но лишь к исполнению – тут и препоны» [14, с.271]. Интересно, что спустя два столетия эту мысль повторил премьер-министр современной России В.С.Черномырдин в известной фразе: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Такое совпадение можно объяснить только особенностями российских реформ, сохранившимися до настоящего времени.

6. Глубокие и частые преобразования умозрительного характера, не отвечавшие реальным потребностям страны, тормозили ее развитие, нанося вред и государству, и народу. «Прогресс упорно идет по своему пути, а не по тем планам оптовых реформ, по которым его хотят тащить. Именно "планы всеобщего государственного преобразования" ведут к потере времени и энергии. Таким образом, вся жизнь народа превращается в переход от одного плана к другому, нередко еще более сумасбродному. В этой смене оптовой государственной ломки проходит все время исторического народа» [47, с.108]. К такому неутешительному заключению пришел историк Ф.М.Уманец, раз-

мышляя о специфике российских реформ. При этом автор отметил, что по числу таких «Планов» Россия занимала первое место среди других народов [47, с.99].

Особенный характер российских реформ сказался и на трактовке понятия «реформа», отличной от европейской. В словаре французского языка Литтре (издан в 1870-е гг.), основное значение этого слова осталось таким же, как и в XVIII в.: реформа – это «действие, возвращающее к прежней форме или создающее лучшую форму» и направленное «на устранение возникших

Александр III

злоупотреблений, пресечение злоупотреблений»¹⁰. Иное дело русские словари. Так, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И.Даля (издан в 1860-е гг.), «реформа – это новизна, преобразование в порядках, устройстве» [12, т.3, стлб.1681]. Краткость такого определения заставляет обратиться к толкованию слова «новизна». Значение этого слова («состояние всего нового, нововведение, новый обычай») Даль дополнил пословицами, раскрывающими отношение народа к нововведениям, и в конечном итоге к реформам: «Что новизна, то и кривизна», «много новизны, да мало прямизны» и др. [12, т.2, стлб. 1426].

При таком восприятии реформ в рамки этого понятия не укладываются «исправительные», по определению писателя К.Н.Леонтьева, преобразования царствования Александра III, корректирующие и устраняющие ошибки и просчеты смелых реформаторов [20, с.140]. Для определения таких преобразований, с легкой руки публицистов

¹⁰ *Цит. по: [25, с.218].*

второй половины XIX в., в обиход вошло неизвестное в европейской практике понятие «контрреформа», получившее широкое распространение в работах историков и прочно закрепившееся за преобразованиями Александра III. Очевидно, что при таком подходе перечень «контрреформ» можно значительно расширить, причислив к ним многие преобразования, как прошлого, так и настоящего времени.

* * *

М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин были талантливыми реформаторами своего времени. Один реформировал Государственный совет и министерства, другой создал институт земских начальников и преобразовал общественное управление. Однако оценка, с которой они вошли в историю, обусловлена не их конкретной деятельностью. Она сформировалась под влиянием общественно-политического климата, сложившегося в стране в пореформенный период, и утвердившегося в России специфического восприятия самих реформ. Сперанский за свой умозрительный «План всеобщего государственного образования» был возведен на пьедестал великого реформатора. Пазухин за преобразования, отвечавшие насущным потребностям страны, был признан творцом «контрреформ» и одним из символов «реакционной эпохи» Александра III.

Библиографический список

1. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.231.
2. Аракчеев В.А. Реформы местного управления в России второй половины XVI в. // См. №48. С.19–30.
3. Арсеньев К.К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы (СПб.). 1885. Кн.3. С.372–388.
4. Большов В.В. Кахановская комиссия на страницах русской периодики и исторической литературы // Проблемы истории СССР. Вып.4. М.: Изд-во МГУ. 1974. С.155–172.
5. Братья Булгаковы [Александр Яковлевич и Константин Яковлевич]. Переписка. В 3 т. Т.1: Письма 1802–1820 гг. М.: Захаров, 2010. 749 с.
6. Бумаги Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник Русского исторического общества. Т.90. СПб.: Государственная типография, 1894. 621 с.
7. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. В 3 ч. Ч.1. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1858. 251 с.
8. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. 590 с.

9. Выдержки из дружеских писем преосвященного Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив (М.). 1870. Т.1. Стлб.769–880.
10. Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т.9. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1904. VI, 599, CLXXXI с.
11. Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: Аиро–XXI, 2013. 560 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Универс, 1994. (р/п). Т.2: И–О. 2030 стлб.; Т.3: П–Р. 1782 стлб.
13. Державин Г.Р. Записки 1743–1812. М.: Мысль, 2000. 332 с.
14. Завадовский П.В. Из письма гр. П.В.Завадовского к графу Семену Романовичу Воронцову. 11 апреля (1803) // Архив князя Воронцова. Кн.12. М.: Типография Лебедева, 1877. С.270–273.
15. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Призванные Отечеством. Российские прокуроры. 1722–1917. М.: РОССПЭН, 1997. 815 с.
16. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Московский учебник, 2002. С.378–434.
17. Катков М.Н. Истинные задачи Комиссии для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и в России // Катков М.Н. Имперское слово. М.: Москва, 2002. С.396–402.
18. Катков М.Н. Кое-что о прогрессе // Русский вестник (М.), 1861. Т.35 (октябрь). С.107–127.
19. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., автор вступ. ст., коммент. и примеч. К.А.Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.
20. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // К.Леонтьев, наш современник. [Сборник] / Сост. Б.Адрианов, Н.Мальчевский. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С.140–151.
21. Лотман Ю.М. Карамзин Николай Михайлович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / Гл.ред. П.А.Николаев. Т.2: Г–К. М.: Фианит, 1992. С.470–477.
22. Манифест о мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых бумаг ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин // Полное собрание законов Российской империи, 1-е собрание (1649–1825) (Далее – ПСЗ-1). Т.31: 1810–1811. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №24116. 2 февраля 1810 г. С.53–60.
23. Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 860 с.
24. Мещерский В.П. Письма к императору Александру III. 1881–1894 / Сост. Н.В.Черникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 804 с.
25. Минар Ф. «Реформа» во Франции и Англии в XVIII в.: значение слова и его судьба // См. №48. С.216–228.
26. Модзалевский Б.Л. Дружинин Я.А. // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А.А.Половцова. В 25 т. (Далее – РБС). Т.6: Дабелов–Дядьковский. СПб.: Типография Това «Общественная польза», 1905. С.691–692.

27. Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки Alesanteri inst. Сор., 1998. 357 с.
28. Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с.
29. О единовременном производстве в 8-й и 5-й классы чиновников, состоящих в 8-классных и 5-классных должностях и выслуживших до 22 августа 1826 г. узаконенные в настоящих чинах сроки // Полное собрание законов Российской империи, 2-е собрание (1825-1881) (Далее – ПСЗ-2). Т.1: с 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №539. 22 августа 1826 г. С.890–891.
30. О не присвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина, ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжить оную по установленному порядку с первоначальных чинов // ПСЗ-1. Т.30: 1808–1809.. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №23559. 3 апреля 1809 г. С.899–900.
31. О правилах производства в чины и экзаменах для производства в чины коллежских асессоров и статских советников // ПСЗ-1. Т.30: 1808–1809. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №23771. 6 августа 1809 г. С.1054–1057.
32. Пазухин Алексей Дмитриевич // РБС. Т.13: Павел, преп. – Петр (Илейка). СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1902. С.112–113.
33. Пазухин Алексей Дмитриевич // Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10. 1722 – 2.03. 1917) / Сост. Е.Л.Потемкин. В 3 т. Т.2: И – П. М.: Б.и., 2017. С.539.
34. Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник (М.). 1885. №1. С.5–58.
35. Пименова Л.А. Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения // См. №48. С.59–68.
36. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
37. Писарькова Л.Ф. Кахановская комиссия и реформы 1880–1890-х гг. // Россия XXI. 2020. №2. С.156.
38. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. В 2 т. / Ред., биогр. очерк и коммент. проф. П.А.Зайончковского. Т.2: 1887–1892 гг. М.: Наука, 1966. 577 с.
39. Положение о порядке производства в чины по гражданской службе // ПСЗ-2. Т.9: 1834. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Отд. 1. №7224. 25 июня 1834 г. С.656–665.
40. Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // См. №48. С.323–337.
41. Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник / Под ред. А.Г.Дементьева. М.: Госполитиздат, 1959. 835 с.

42. Сегень А.Ю. История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М.Карамзин. М.: Воробьев А.В., 2001. С.221–226.
43. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.18. М.: Мысль, 1995. С.529–660.
44. Строганов, гр. Павел Александрович // РБС. Т.19: Смеловский – Суворина. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1909. С.514–522.
45. Суворин А.С. Дневник. М.: Независимая газета, 2000. 666 с.
46. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева. В 2 кн. Кн.1: Хроника. М.: [Б.и.]; Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 959 с.
47. Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб.: Типография М.Д.Ломковского, 1910. 171 с.
48. Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей / Под ред. М.М.Крома, Л.А.Пиленовой. СПб.: Европейский университет, 2013. 364 с.
49. Чернышевский Н.Г. Русский реформатор // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т.7. М.: Гослитиздат, 1950. С.794–827.
50. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 223 с.
51. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.
52. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. В 4 т. Т.4. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1905. 651 с.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Плех Олеся Анатольевна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института российской истории РАН

Ульянова Галина Николаевна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, ведущий эксперт
Государственного бюджетного учреждения
города Москвы «Московский дом национальностей»

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной
безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России

Стамова Ирина Ивановна

преподаватель 6-й кафедры английского языка
МГИМО-Университета

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН и Архива РАН,
доцент Саратовского государственного технического
университета имени Ю.А.Гагарина, приглашенный профессор
Высшей экономической школы в Праге

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник Центра «История России XIX – начала XX в.»,
Институт российской истории Российской академии наук

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences, President of the International Public Foundation “Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”, Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Plekh Olesya Anatolyevna

Ph.D., historian, research scientist of the Institute of Russian History of RAS

Ulianova Galina Nikolaevna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Oreshin Sergei Aleksandrovich

Ph.D. in History, leading expert of a state budget institution “The Moscow House of Nationalities”

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Stamova Irina Ivanovna

lecturer, 6th Chair of English, Moscow State Institute of International Relations-University

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D. in History, Associate Professor, Senior Researcher in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and the Archive of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor in the Yu.A.Gagarin Saratov State Technical University, Visiting Professor in the Higher School of Economics in The University of Economics, Prague

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher at the Center “History of Russia in XIX–early twentieth century”, FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2020.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54

E-mail: russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 05.07.2020. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

3. 2020 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Coronavirus COVID-19:
or Objectivity Wins Myth or Myth Wins Russia _____ **6**

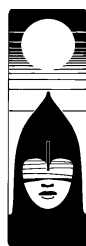
Pages of History

Olesya Plekh

“In Pleasurable Hope of Receiving a Commonly Awaited
Monarch” or how the Province was Preparing
for a Visit of Nicholas I _____ **20**

Galina Ulianova

Noble Female Entrepreneurs as Factory-Owners in the
Russian Empire from the Late Eighteenth
to the First Half of the Nineteenth Century _____ **50**

National Doctrine

Sergei Oreshin

General A.I.Denikin and Mountain Republic:
Cancelled Compromise _____ **84**

Russia in the World

Vladimir Degoev, Irina Stamova

Russian-European Relations as
the Forerunner of the Great Northern War.
Pt.III: Russia and Sweden (the end)___**102**

Mikhail Kovalev

“For the Consolidation of Peace
and Friendship”: Archival Materials
on the International Activities
of Academician A.M.Rumyantsev___**116**

Topical Archive

Nina Khailova

“Prevent the Defeat of Liberalism
on the Right and Left”: Liberal Centrists
and the Second Duma_____ **138**

Lyubov' Pizar'kova

M.M.Speransky and A.D.Pazukhin:
the Fate of Reformers and Reforms
in Russia _____ **160**

РОССИЯ XXIX